

ДЕРЕВЕНСКИЙ КУЗНЕЦ

(Глава из романа)

...Осенью, как обычно, Марек Гонзелка запряг лошадь и поехал на ярмарку. Как всегда, купил сахару, масла, муки, керосину и спичек. Нитки еще не кончились, а мыло для всего хутора он варил сам.

С края торговых рядов пристроился неприметный карлик во всем сером, он торговал мотыгами, граблями, топорами. При всем старании Марек никак не мог разглядеть лица карлика, оно пряталось за серым капюшоном. Руки торговца почему-то скрывали вязанные рукавички, а до зимы еще как до конца света...

Рядом с торговцем сидел огромный детина, в полотноном балахоне, в стоптанных лаптях с онучами, в полосатых шароварах.

Почему Марек вертелся возле карлика? По простой причине - на расстеленной холстине торговца, рядом, одно к одному, красовались пяток отличных кузнечных щипцов и набор зубил. Почти новый, с чистыми бойками, молот блестел своей отполированной рукояткой. Марек взял в руку молот и рукоять словно вросла в его ладонь.

- Сколько за все? - Марек от волнения слегка осип.

- Унция серебра, - голос карлика скрипел, как дерево.

Марек, не торгуясь, обрадованно кивнул и полез за кошелем.

Он заметил, что и карлик откровенно радовался, складывая инструмент в кожаную суму.

Марек острым зубилом разрубил серебряный талер и отдал четвертак монеты. Карлик деловито сунул в суму Мареку вместе с инструментом и старую, накопченную масляную лампу.

Его сосед, великан в полосатых шароварах, заметил это действие, вскочил и замахал своими огромными лапищами, указывая на лампу. Великан что-то отчаянно мычал, но карлик не обращал на него никакого внимания, только сиял от своей сделки, как золотой гульден королевской чеканки.

По дороге, возвращаясь к своей телеге, Марек долго вертел в руке эту лампу, вознамериваясь её выбросить, но отчего-то так и не решился.

Я не скупой, а домовитый.

Ладно, оставим пока, решил Марек и спрятал эту древность в сумку. Через год приеду на ярмарку, найду горбуна, верну лампу обратно и скажу: «Не пригодилась...»

Вот теперь Марек стал счастливым обладателем почти полного кузнечного набора! У него был один старый молоток, который он нашел, вскапывая огород. Он тогда едва не выкинул этот увесистый кусок металла, приняв его за булыжник. Но ощущение тайны обожгло и взбодрило, словно глоток кипятка. Марек немедленно и тщательно зачистил найденный молот до яркого блеска, от души радуясь этому подарку.

А второй тяжелый молот нашелся на старой, разрушенной усадьбе. Когда на дрова ее разбирали... Легкий молоток он купил на деревенском рынке, большую кувалду подарил ему каретный мастер. Зачем ему это все?

Дело в том, что с самого детства, втайне от сверстников, Марек мечтал стать не гренадером, не гусаром, не купцом, а страстно желал выучиться в кузнецы. Очень хотел освоить это дело и стать настоящим кузнецом, как старый цыган Никола Цанев.

Вот только наковальни не было... А как же ему хотелось занять настоящую наковальню! Класть раскаленное железо на что попало не годится, не по правилам это. Но, увы, на ярмарке было всё, кроме черта лысого и наковальни. Обойдя всю ярмарку и прикупив ещё пряников для сестры, платок матери, шляпу отцу и табаку соседу, решил собираться обратно.

Осмотрел колеса, тележные оси, затем крепко стянул поклажу ремнями, прикрыл дерюжкой и взял в руки вожжи. Он не подгонял лошадь, ехал не торопясь, меланхолично покачиваясь на лавке телеги.

Через пять верст он остановил телегу у верстового столба.

День закончился, поужинать надо.

Что у нас насчет пожрать? Бабка Алевтина снарядила погребец холодной куриной тушкой, парой вареных яиц, крепко пахнущей тмином краюхой темного рыхлого хлеба, луковицей, одной белой редькой и бутылкой молока. Всплывшие сливки, как всегда, от тряски сбились в масло и закупорили горло бутылки.

Марек не стал распрягать Пучика, просто съехал немного в сторону и расстелил платок на подходящей полянке. Расставив снедь голландским натюрмортом, он скрестил ноги и притянул к себе бутылку с молоком.

Совсем стемнело, пора ехать. Телега тихо заскрипела колесами. Дорога ровная, привычная. Марек свесил ноги сзади телеги и прилег на дерюжку, на ворох купленного добра. Небо чистое, звездное. Воздух вечерний, холодный, пахнет прелым и кислым сеном...

Благодать.

Пучик внезапно остановился, и Марек очнулся от дремы.

Владимир Грибачёв. Кузнец

Поперек дороги что-то лежало. Похоже на мешок.

Однако темновато! Может быть, зажечь лампу? А где она?..

Марек сунул руку в сумку, нащупал лампочку, внутри не даже немного булькало. Серная спичка вспыхнула ярким сполохом, на секунду разогнав сумрак, и тусклый огонек затеплился на фитиле старой лампы.

Какая же она все-таки закопченная! Марек потер лампу ладонью.

Неяркий свет лампы отогнал темноту на небольшой круг. Мешок... Нет, не мешок. Камень.

Огромная бутовая каменюка!

Откуда? Надо кого-нибудь позвать, ведь не проехать, а одному не сдвинуть такое тягло! Марек пнул камень, чертыхнулся, подпер колесо телеги ближайшим булыжником и зашагал вперед, держа горящую лампу перед собой.

С четверть версты Марек прошел и заметил, что возле леса, на обочине дороги, горел костер. У костра сидел человек в серой хламиде и стучал молотком по заготовке подковы, которая светилась на наковальне крохотным кусочком солнца.

Не говоря ни слова, Марек присел около, пристроив лампочку рядом.

Подкова изгибалась под ударами молотка, как восковая. Человек тщательно осмотрел потускневшее железо и снова сунул его в костер.

- Что сидишь, поддувай! - по-свойски приказал незнакомец и указал ему на рукоятки мехов, лежащих у костра. Марек ухватил их и с такой силой приналег, что из огня вылетела зола.

- Погодь, малец, у меня так все железо сторит... Ты помягче, как девку, гладь и ровнее, ровнее. Вот так, порядок...

Марек при свете костра разглядел на незнакомце кожаный фартук и полотняные рукавицы.

- Вот и готова подкова! Купи подкову, малец, - незнакомец бросил на дорогу горячий полумесяц, - недорого возьму, вот эту лампочку!

- Лампа мне самому нужна, - по-хозяйски не поддался на уговор Марек. - А подкову?.. Куплю подкову. А наковальню, уважаемый, не продашь? Дам два талера!

Марек полез в кошель за монетами. Когда он выудил монеты и протянул руку, кузнец и наковальня пропали, только кострище светилось в темноте горстью остывающих углей. Горячая подкова остывала, исчезая в сумраке.

Марек вспомнил деревенские сказки о старом колдуне, который шалит на дорогах, спрятал кошель и побежал обратно, к телеге.

К его удивлению, камня на дороге уже не было. Марек осмотрел место, где он обнаружил камень, и никаких отметин пребывания камня на дороге не нашел. Ничего! Камень нужно откатить, оттащить, вытолкать, в конце концов, но так, чтобы не оставить следов! А дорога проселочная, сухая глинистая земля, утоптанная лошадиными копытами.

Марек, немного не в себе от страха, полез в суму за кистенем. Пристроив кистень половчее на скамейке, Марек продолжил путь.

У брошенного хутора, при свете яркой луны, выползшей из-за тучи, ему на глаза бросилась ржавая, наверное, очень старая наковальня с одним рогом. Огромная дура, размером с приличный сундук. Она подпирала ворота.

«Подпереть ворота можно чем угодно», - здраво рассудил Марек, примеряясь, как бы эту наковальню побыстрее и половчее утащить. Подойдя ближе и примерившись, он с возмущением отметил, что вождевленное чудо исчезло и вместо него ворота подпирает обычный бутовый камень.

Возникло странное чувство, словно нечто холодное пробежало по его спине, от крестца к затылку.

Остаток пути домой он проделал словно во сне. Добрался до дома, отпер дверь, в темноте едва не опрокинул ведро с водой, нащупал свою лежанку, взбил перину, проклял комаров и долго ворочался, пытаясь уснуть.

Наутро был праздник. Марек разгружал телегу и раздавал подарки. Отец, Горешь Гонзелка, кряхтя, таскал мешки, мать, Марыня Гонзелка, примеряла обновки, сестра Манжелка носилась по двору с пряником, пытаясь его укусить.

- В молоке размочи, дуреха! Это печатный пряник, зубы сломаешь!

Он смеялся над сестрой, на шаривая по дну телеги остатки товара, и вдруг, под последним мешком, наткнулся на нечто большое, угловатое, холодное и твердое.

Наковальня. Однорогая, почти новая наковальня с отверстиями для кузнечного инструмента. Сказка! Марек не верил себе, оглаживая руками бока драгоценного стального слитка. Рядом с этим неожиданным чудом пристроился желтый кожаный саквояж, в котором...

Марек решил, что сошел с ума. Инструменты ювелира. Резцы, молоточки, тигли, горелка и множество блестящих, неведомых пока, но таких великолепных вещей.

Он захлопнул саквояж, стараясь проснуться. Нет, все наяву! Тем более, что он больно прищемил палец застежкой.

А где?.. Нет, все на месте. Инструменты, купленные у карлика, спокойно лежали в сумке. Там же лежала старая медная лампа.

Все утро Марек носился со своим богатством, и так и эдак раскладывая свой драгоценный инструмент на полках, на столешнице, на лавках.

Марек никогда не запирали свою хату, теперь вытребовал у отца амбарный замок. Повесив ключ на шелковом шнурке, под рубаху, Марек немного успокоился. День прошел в тревоге и полном беспорядке. Почти каждый час Марек проверял свои сокровища, не в силах разгадать это загадочное и такое желанное событие.

После обеда, в одиночку, в опьянении восторга, он вкопал во дворе солидный пень и увенчал его наковальней, как последним замковым камнем завершают своды. Тяжесть наковальни тянула к земле, вдавливала подошвы сапог в мягкий грунт, но Марек не чувствовал этого гнета. Ему показалось, что наковальня взлетела сама, на миг отозвавшись в спине и в руках сладкой болью.

Он создал центр мира. Источник творения. Отсюда пойдет дальнейшее преобразование его вселенной.

Отец Горешь одобрительно цокал языком, наблюдая за тем, как Марек забивает железные костыли, основательно, будто навсегда, укрепляя наковальню на деревянном основании.

В этот день Марек решился на невероятный шаг. Он решил построить кузницу. Вокруг наковальни.

С того дня Марек потерял покой.

Свое строение он возводил по интуиции, руководствуясь шестым чувством вдохновенного дурня. В конце сада, под забором соседей, он обнаружил месторождение бутового камня. Стены кузницы получились кривоватые, но прочные.

Основная проблема - дым. Он ослеплял, душил и выгонял наружу. Дым никак не хотел подниматься вверх, пока Марек не пригласил к себе печника.

Прошло всего несколько дней, а Марек уже мог любоваться своей кузницей. Жаль только, что любоваться. По правде говоря, Марек совсем не умел ковать...

Манжелка, меньшая сестра Марека, все приставала к брату. Ей не терпелось поглазеть, как Марек сделает для гнедого Пучика подкову, как обе-

шал летом, а для Манжелки гребешок, как обещал еще в прошлом году... Пучик, может быть, и забыл, а вот Манжелка не забыла и не отстанет от Марек никогда-никогда!.. Где мой гребешок, Марек? Ты мне обещал! Обеща-ал!

Пока тепло, Марек шинковал и солил капусту, ломая голову, как бы сподобиться в ученики к кузнецу. Но где ж его взять? Огурца - извольте, полная кадка. А кузнеца? А вот кузнеца кому? Кузнеца! Кузнеца-молодца! Гоп-ца-ца!..

В один из вечеров, возвращаясь с деревенской гулянки по темноте, Марек обнаружил в своей суме, с которой не расставался, кроме спичек, старую лампу, купленную на ярмарке.

Ты смотри, опять ко времени приплась!

Он почистил ее от прилипчивой сажи, подпалил фитиль и тут же встретил на дороге неприметного, на первый взгляд, человека. Незнакомец стоял на обочине и смотрел в сторону луга, словно выслеживая кого-то. Лошадь потерял, или корову?.. Марек прошел мимо, не оглядываясь.

- Эй, парень! - негромко позвал сипловатый голос.

Нащупав в кармане гирьку-кистень на шнурке, от лихого человека, Марек обернулся и сделал шаг навстречу.

- Я без ножа! - тихо сказал незнакомец. - И в рукаве нету, и в сапоге нету!

Марек все же не стал близко приближаться.

- Чего надо? - набычившись, спросил Марек, прогоняя слабенький хмель от выпитой бражки.

- У тебя в руках лампа. Ты хозяин.

Марек оторопел и внимательно присмотрелся к странному прохожему. Что-то неуловимое угадывалось в его облике, но ускользало от прочтения, как туман - вроде рядом, а не ухватишь.

- Ты звал кузнеца, и я пришел. Веди, куда надо, - продолжал незнакомец.

- Так ты кузнец?! - Марек настолько обрадовался, что даже начал понемногу трезветь.

- И швец, и жнец, и на дуде игрец. Как птица марабу, которая прячет золото в зобу своем, но изливает желчь свою далеко от дома...

Марек засомневался, не выпил ли он лишнего? Немного успокоившись, он спрятал кистень обратно в карман.

- Будем знакомы, - протягивая руку для рукопожатия, сказал Марек.

- Будем... Меня зовут Стефан Мадьярус. Я действительно волшебник, по-вашему - колдун, но безвредный для добрых людей. По-настоящему добрых...

При свете лампы его лицо казалось медно-красным. Стефан устало вздохнул, повел плечами, словно готовясь к тяжелой работе.

- Как тебе инструмент мой? - спросил Стефан, когда уже подходили к воротам. - Знаю, по сердцу он тебе. Спасибо, что не сломал сдуру, не испортил. Значит - разумение имеешь. А остальное придет, как есть придет.

Марек затушил лампу, отпер свою хату, запалил свечу и разжег самовар, пристроив трубу в специальное отверстие в печке. Самовар призывно загудел, и Марек водрузил кипящий агрегат на стол, быстро заварил пахучего чаю и накрыл чайник юбкой тряпичной куклы Манжелки.

Стефан выудил из кармана металлическую кружку и пристроил ее на столе. Запах чая с мятой и еще невесть какими травами распространился по комнате, вызывая ощущение праздника.

- Это кто ж у вас травница? - Стефан с явным наслаждением вдыхал пряный запах.

- Травник... Отец гербарий сушит. У него травы - как у дурака махорки. Он и лечит травами, и шерсть красит, и в мыло запах добавляет.

Первая кружка ушла почти незаметно, Марек с опозданием предложил сахарку, Стефан с явным удовольствием взял кусочек.

Причем не пальцами, как простофиля, а сахарным пинцетом, культурно.

- Ты будешь мастером, поверь мне, - Стефан с наслаждением цедил вторую кружку. - Да не задирай нос без причины, рано еще... Всю жизнь учиться надо, а всех тайн все равно не постигнешь. Мастер, он только в пути мастер. Я не учитель, себя учителем не считаю и учить тебя не буду...

Марек поперхнулся.

- Ты не понял... Я не учитель, я волшебник, и немного кузнец. Если я берусь учительствовать, путь волшебника мне заказан. Если я учитель - значит, я все знаю, и мне хватит. А мне не хватит! Я буду учиться, пока живу. Я предлагаю тебе идти рядом, а учиться будем вместе. Жаль, что со мной нет моей инкубулы...

- Чего? - Марек подивился незнакомому слову.

- Книга так называется. Кодекс. Волшебная книга. Надеюсь, что мои куклы сохраняют её. Там мои рецепты, там вся моя жизнь и моя память. Там все есть, я все записывал, все подряд... Как впервые прикоснулся к тайне железа, где узнал секреты стекла, кто научил искать воду. А когда-то я не умел читать и не умел считать. Я не знал ни одной буквы и даже не подозревал, что слова можно записывать.

Стефан замолчал и потянулся за кружкой. Марек так увлеченно слушал, что опустевший самовар едва не распаялся. Стефан менял голоса, жестикублировал и погружал своего слушателя в неведомый мир из своего прошлого. Марек налил из кадки родниковой воды в зашипевшее, обжигающее паром чрево самовара и приготовился слушать дальше.

Он подложил сухих щепок в топку латунного жбана и через пару минут налил в кружку кузнеца свежего кипятку. Затем нацедил чайной заварки и подвинул ближе вазу с колотым сахаром и пряниками. Стефан отхлебнул горячего и задумался, разглядывая пряники.

- Здравствуйте, сахарные человечки... - тихо произнес волшебник. - Давно не виделись.

Марек ерзал на табуретке от нетерпения, но помалкивал. Наконец Стефан напился чаю и скрестил руки на груди.

- Да! - словно проснувшись, продолжил Стефан, что-то нашаривая по карманам. - Не куришь? Нет? И не кури никогда, пагуба это... Привыкнешь быстро, куришь и видишь, как голубушка смерть сидит на табачном пепле и тебя дожидается.

Волшебник умолк, достал еще табаку, и они вышли во двор. Ночные звезды с любопытством следили за их неспешной прогулкой. Табак в трубке волшебника горел малиновым огоньком, Марек прихватил с собой кусок пряника. Стефан остановился возле сарая и зачем-то выбрал из охапки жердей средней длины палку. Неожиданно он преобразился внешне, немного присел и завертел этой палкой, словно стрекоза крыльями, с пугающим шумом и неуловимо быстро.

- Есть такая страна - Чина. Это очень далеко! - выдохнул Стефан, заталкивая палку обратно. - Там я немного научился драться на палках... Сейчас это неплохая наука выживать в вашем жестоком мире. В древности мы бились бронзовыми мечами, бились насмерть, без пощады. «Вот это настоящее оружие», - любил повторять Аракан, отбивая лезвие, как сегодняшней косарь отбивает косу. Край лезвия бронзового меча необходимо отбить, сделать его твердым, потом заточить о мокрый камень до изумительной остроты.

Стефан опять погрузился в раздумья. В свинухе заворочалась свинья, по своему неведомому расписанию заорал петух, жеребец Пучик ни с чего принялся бить копытом в ворота стойла. Успокоив внезапно одуревшую скотину, Марек вернулся к своему странноватому гостю. Тот уже сидел на лавке возле хаты и со смаком грыз кольцо твердой, хрустящей колбасы. И где он ее взял?.. Не иначе, колдун! Марек присел рядом.

- Меня завсегда кони шарахаются, - с трудом оторвавшись от колбасы, произнес Стефан, - даже в Погребке они от меня бегали. Сила во мне для них непонятная, вот им и страшно. Хочешь кусочек? С чесноком!

- Спасибо, не хочу.

Волшебник замолчал. Светало. Марек отчаянно зевнул, но не от скуки. От усталости. Что ни говори, а денек и вечерок выдался тяжелый. Засолка, гулянка, встреча, полуночная беседа... Через край!

Марек отвел кузнеца на сеновал, расстелил ему чистую дерюжку, а сам почти сразу же уснул просто так, в сене, утонув в опьяняющем запахе сухой травы. Стефан не спал, просто так лежал на дерюге, лицом в небо, и смотрел, как в назревающей синеве растворяются звезды.

Проснувшись, Марек, не откладывая, решил приступить к обучению. Для начала Стефан предложил освоить литье, научиться плавить металлы. Марек не возражал, у него давно уже чесались руки, он выменял у соседа на бутылку самогона старый самовар и смял его в безобразный ком.

Горн разгорался быстро, уголь только поначалу удушливо дымил кочегарной топкой, затем смирился и горел ровно, жарко.

Цвет тигля медленно менялся с красного на апельсиновый. Самоварная латунь таяла тяжело, нехотя, не желая терять форму. Смятые листы самоварных стенок неохотно расплывались под почти невидимой пленкой окислов. На поверхности расплава сумасшедшими протуберанцами вспыхивали зеленые сполохи и исчезали, оставляя на дне обожженных глаз прозрачные следы.

Наконец засиял непередаваемый, яркий зеленый свет, ослепительный и фантастичный. Расплав латуни оставался невидимым, только зеленое пламя адских недр обжигало глаза.

- Ты видел, как отливают сладких петушков на палочке? Плавят сахар и заливают в холодные формочки. Вот почти так же мы делали оружие. Литьем. У волшебника Крипокрона все по-честному, все по закону, - бормотал Стефан, подставляя «земельную» форму. - Аккуратно лей, сюда лей, а не мне в рукава!

Отливка получилась на диво. Тонкостенный колокольчик и его язычок. Одно движение - и он приобрел возможность звучать.

Манжелку не пришлось долго звать. Она схватила колокольчик, как царский подарок, и расцвела, как маков цвет. Вдосталь назвонившись и набегавшись с новой цацкой, она вскоре вернулась и дернула Марек за штаны.

- Марек! А-а-а...

- Гребешок?! - Марек застонал и схватился за голову.

- А вот вам, к примеру, петушок! - в руках кузнеца возник желтый, как мед, прозрачный, как лед, пахнувший, как леденцовая лавка на ярмарке, петушок на палочке. - У волшебника Сулеймана все по-честному, все без обмана!

- Ага, - Манжелка с достоинством королевы приняла петушка, сунула его целиком в рот и едва не подавилась. - Ой... Спасибо. И гребешок!

Теперь за голову схватился Стефан. Через секунду оба кузнеца - мастер и его подмастерье - хохотали, как сумасшедшие. Манжелка деловито лизала леденец и далеко не уходила.

Пришло время железных поковок. Марек, в полном облачении, в кепке, в фартуке и в рукавицах, следил за манипуляциями волшебника.

Стефан, стараясь продемонстрировать все кузнечные приемы, нагревал и обрабатывал заготовку медленно, но не слишком, чтобы не сжечь железо. Над твердой магмой горнового гнезда парил голубой огонь, окрашенный по краям королевским пурпуром. Кожаный мех добросовестно гнал холодный воздух, и внутренний огонь горна благодарно гудел, подглядывая изнутри желтым драконьим глазом.

- Ты лампу, кстати, не выкинул?! - неожиданно сказал мастер Стефан, глядя исподлобья. В его светлых глазах бушевало отраженное пламя горна.

- Нет...

- А где она?

- В коробке с матрешками. У мамы.

- У мамы!.. Мама. Да, на такое дитё пеленок не напасешься. Найди её и принеси сюда!

Марек обыскал все, но лампа как сквозь землю провалилась. В коробке - нет, в шкапулке - нет, в ящике стола - нет... А, вот она! Её отец к себе прибрал, вон на ней его кепка лежит.

- Вот лампа! - обрадованно закричал Марек, протягивая кузнецу вожделенную лампу.

- Вот и славно, - кузнец едва взглянул на нее, следя за пламенем очага. - Нельзя ничего терять, запомни это!

Ворота распахнулись, и во двор въехала телега, запряженная незнакомой лошастью. С телеги прыгнул отец Горешь и озабоченно спросил:

- Марек, ты еще ничего не знаешь?

- А что? - Марек все еще держал в руке лампу.

- Что-что! Пришла беда, откуда не ждали! Песчаные бури! Песок засыпал северные пашни! - отец хлопнул себя по коленям и стащил с головы свою новую шляпу.

Стефан отложил молоток и погасил огонь. Затем он отобрал у Марек лампу, вышел во двор и начал выливать масло на землю, очерчивая большой круг. Масло лилось ровной струей, словно масляная жестянка была бездонной. Между пальцами кузнеца вспыхнула искра, и посреди двора запылал огненный круг.

- Ну, честные господа, все пожалуйста сюда, - жестом пригласил кузнец, перешагивая огненную черту.

Марек тоже встал в круг. Горешь пожал плечами, боязливо поморщился, но тоже вошел внутрь. Внутри круга шумел сильный ветер, пополам с песком, горячий, как жар из топки.

- Я ухожу, пришло мое время, - печально сказал Стефан, прикрывая рукавом глаза. - А вам, господа хорошие, нужно отнести эту лампу во дворец, к самому королю! Иначе вся ваша деревня скроется под желтым песком! И все ваше королевство...

Марек взял в руки лампу и едва не выронил ее - стенки лампы раскались жарче самовара.

Волшебник прощально махнул рукой и исчез, словно его и не было.

ЕЩЁ ВЧЕРА

Всё чаще сын спешит из дома,
Всё чаще телефон звонит -
И сын с девчонкой незнакомой
О чём-то тихо говорит.

Как быстро годы пролетели!
Ещё вчера звонили мне,
И птиц восторженные трели
Так сладки были по весне!

НЕДОПИСАННОЕ ПИСЬМО

Неухоженная кошка,
Неполитые цветы,
Одинокое лукошко
У нетопленной плиты.

В полусумрачной веранде
Пахнет липой и рекой,
Ветер носит лист тетрадный
С недописанной строкой.

На столе - стихи о счастье,
Ваза с чистой водой...
Так нелепо слово «здравствуй»
Рядом с болью и бедой.

Из проснувшегося сада
Ветерок вошёл внезапно.
Ложку утренней прохлады
Разведу в стакане чаем.
Блики солнца, пенье птицы
Вместо сладкого - и всё же
Не бывает в этой жизни
Чаепития дороже.

Фото Маргариты Вороновой. Волга. Плес

С БОЛГАРСКОГО

(Дима Политова)

ВЕЧЕР

Сольётся шепот
 с трепетом души,
Сияньем звёзд
 и глаз сияньем тайным,
И шёлком нежной кожи...
 Не спеши -
Спугнёшь любовь
 касанием случайным.

С УКРАИНСКОГО

(Валентина Лысич)

НЕ ТЕ ЗЕРКАЛА...

Не в те зеркала я заглядывать стала -
Не я в этом странном холодном стекле.
Звезда нашей юности где-то упала
И стала остывшей золой на земле.

Чужое лицо зеркала отражают -
А может быть, это, и вправду - не я,
И где-то живёт за горами-годами,
Цветёт недалёкая юность моя?

Теперь я одна... Онемевшее лето
Обнимет за плечи в канун сентября...
А мне откупиться от осени нечем,
И золото августа скоплено зря...

ЛЁГКИЙ ХАРАКТЕР

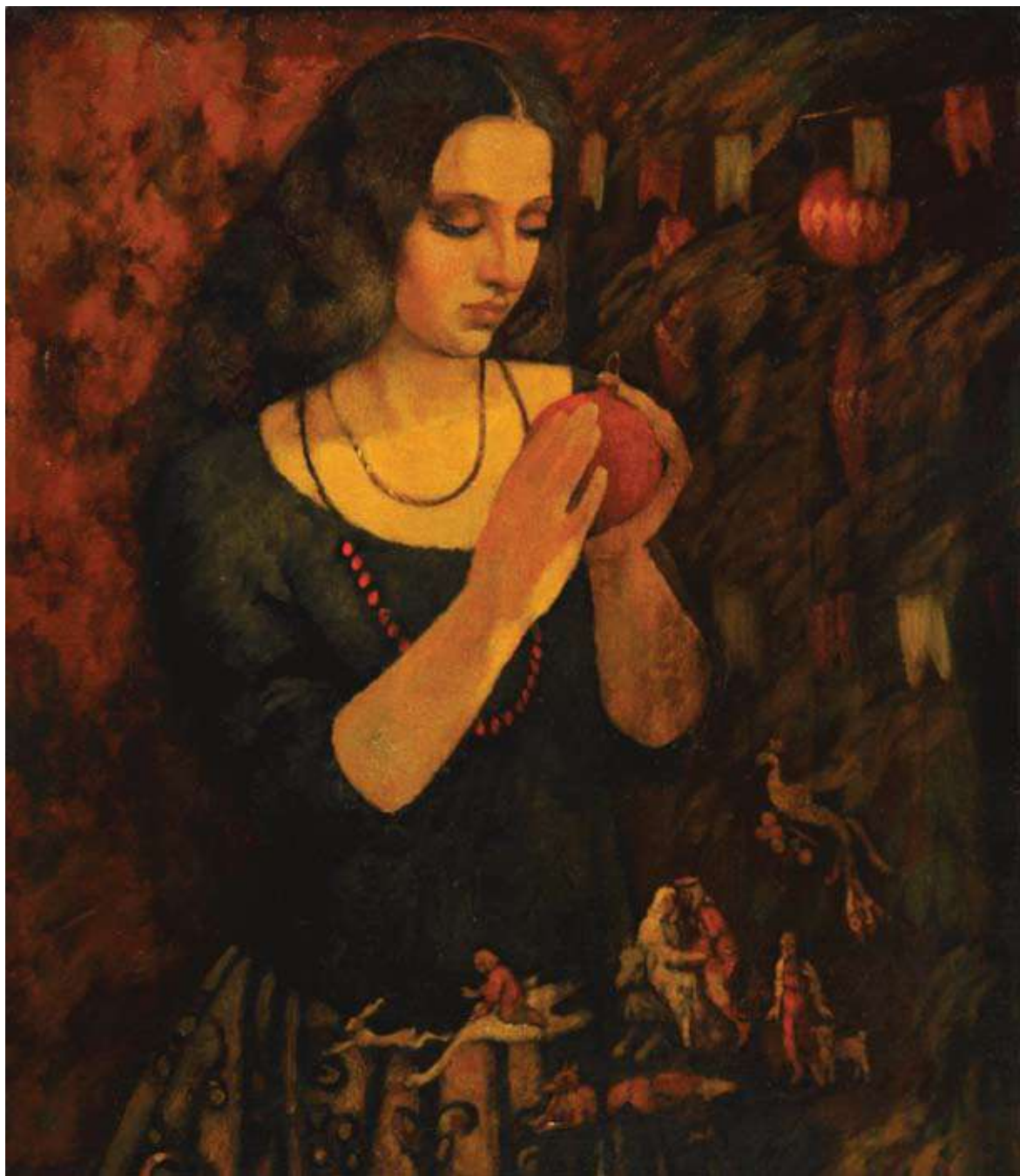
Много раз доводилось мне в застольях становиться свидетелем раздраженной сцены, когда жены ограничивали в выпивке своих мужей. Или старались таковые урезки произвести. Жёны надували губки, кривились, фыркали, нервно взбрыкивались, заслоня ладонью мужнину рюмку, стопку, бокал, фужер или стакан, в которые стремилась горячительная струя из бутылки, и либо шепотом, либо громогласно претили: «Хватит!», «И так уже лыка не вяжет!», «Завтра на работу!» Или пренебрежительно отмахивались от мужа: «Хоть залейся! Я тебя на себе не поташу!». Картина расхожая и грустноватая. Женщину тут осудить - грех: она в гости собиралась, наряжалась, душилась, бровки выщипывала, мечтала повеселиться, окруженная вниманием благоверного, а он...

Галочка, однако ж, вверх тормашками переворачивала все представления о женином неудовольствии по поводу крепкой накачки мужа за праздничным столом. «Лишь бы в радость! - присказкой выражалась она. - Слышь, Игореша! Лишь бы тебе в радость!».

Но начнем по порядку.

В тихий городок Стрижевск, затерянный среди соновых лесов, я заехал попутно, возвращаясь из родных мест в Москву на машине, - попроведать университетского приятеля Николая. Случилось это в субботу, уже под вечер, когда весеннюю нагретость мартовского дня выстуживали ранние сумерки. Заявившись в дом друга без предупреждений, ввечеру в выходной, я неожиданно-негаданно угодил на празднование дня рождения его жены Кати. Благо круг гостевой у них оказался невелик - всего лишь одна супружеская чета, - а у меня нашелся приличествующий событию сувенир. В застолье, таким образом, я вписался без помех, даже чувствовал на себе избыток заботливого внимания.

- Столичные птицы в нашу глухомань залетают редко, - говорила та самая Галочка, которая со второй фразы, легко, без нажима и без фамильярности, перешла со мной на «ты». - Давай рассказывай нам московские

Алла Чемсо. Накануне

штучки. Говорят, Пугачева и Галкин собрались разводиться? Популярность-то падает...

Я пожимал плечами, говорил, что про жизнь эстрадной богемы знать ничего не знаю и что провинциальные обыватели чаще бывают просвещеннее столичных. И вольно-невольно разглядывал своих новых знакомых.

Галочка являла собой этакое мягкое доброе существо, белокурое, в мелких завитушках, с голубыми глазами, с круглыми щеками с ямочками, с толстенькими губками, - пышечка-помпушечка; веселая, с быстрой речью,

в которой мерцали иногда уместные остроты; в сером бархатном платье, - явно дорогом, - явно форс, - отделанным норковым серебристым мехом, на руках несколько золотых хомутиков с камешками, на шее - золотая цепочка со знаком зодиака (не разглядывал - каким, гороскопам никогда не верил и считал их шарлатанством разных глоб...). Словом, против меня сидела маленькая во внешности, простодушная в общении и оттого привлекательная молодая особа. Заведующая местной сберкассой. Узнав о ее профессии, я даже порадовался: ну, самое место ей быть там: и на виду у людей, и при почете - все ж маленькая начальница.

- Игореша, закусывай! Покрепче закусывай! На салыце вон налегай. Под закусочку-то больше выпьешь, - смеясь, подзуживала Галочка, после того как муж опрокидывал в рот следующую и очередную стопку водки. Он именно опрокидывал стопку - залпом, даже рывком, потом, тихо крикнув, не спеша, не суетливо обращался к закуске.

Игореша являл из себя мужика дюже осанистого, «гористого» - как гора; крупный, очень крупный с лица, с тяжелым подбородком и недовольным ртом (со спущенными уголками губ), и очень добрыми, какими-то детскими, зеленоватыми глазами; светловолосый, подстриженный, похоже, «под полубокс», с косой короткой челкой. Весу в нем было центнер с гаком, не менее (это я позже не умозрительно, а эмпирически прочувствовал); пил он на редкость смачно, увлеченно, всякий раз по полной.

«Недолитая стопка - что машина без колес, что баба без груди, что дом без крыши», - высказался он по сему поводу. Пожалуй, эта была самая длинная и оригинальная фраза, которую я услышал от него в застолье. Многословием он не грешил. А его упоминание о доме без крыши оказалось неспроста: он труженик-строитель, прораб: целый день то на холоде, на ветру, то на жаре, - можно и расслабиться в праздник-то. К тому же здоровьем, видать, не обижен - литр, а то и полтора «на грудь» под хорошую закуску примет. Да еще при таком-то либерализме женушки!

«Должно быть, во всем у них мир и благодать, если даже в выпивке такая гармония», - подумалось мне, когда я наблюдал за ними.

- Что ж ты не пьешь-то? - по-компанейски обращалась ко мне Галочка. - Ну и что, что за рулем. Выпил бы да переночевал. С Николаем вон сколько не виделись. А остановиться и у нас бы мог. Сынишку мы к бабушке на сегодня спланировали. Места у нас в доме хватит. Ты б на наш дом поглядел. Как Игореша развернулся!.. Прораб он и дома прораб. Вон, с Николаем да Игорешей-то пропусти по стаканчику. За встречу, за Катю-именинницу...

К сожалению, выпивка и долгое гостевание у друга в мои замыслы не входили. Еще до полуночи я собирался одолеть километров сто пятьдесят пути, потом где-нибудь приткнуться, покемарить с часок в машине, и снова в дорогу: уже поутру я, кровь из носу, должен был быть в столице по срочным, вечным, проклятым делам. Дорога, к моей радости, оказалась вполне сносной - не разбитая и повсюду обсохшая. Мартовское солнце поднимаясь

лось рано, светило ярко и уже сгоняло последнюю наледь с обочин. Ехалось поутру хорошо: трасса почти пустая.

Но это будет впереди, пока же наше застолье текло своим неизвилистым обыкновенным руслом. Тосты, анекдоты, бытийные истории, курица-гриль, самодельный, «обалденный» соус... Даже потанцевали немного. Не без того. Я потоптался на пятачке перед праздничным столом сперва с именинницей Катей, потом - с Галочкой. Невольно трогая в танце Галочку за мягкие плечи, талию, невольно «натыкаясь» на ее пышную грудь, я с некоторой вульгарщиной думал: «Экая сдобная булочка!» И с приятностью наблюдал, как движутся ее толстенькие губки, как открыто, простодушно смотрят на всех ее голубые глаза, - на какую-то минутку у меня даже пробудилась зависть к Игореше.

- Зря ты сегодня едешь. Ехать в ночь - только приключений себе искать. Выпей да оставайся, - говорила Галочка.

- Боюсь, - пококетничал я. - Останусь - еще чего доброго в тебя влюблюсь. Опасно.

Галочка весело рассмеялась и легонько ущипнула меня в бок.

Наконец мы с Николаем выбрали время: уединились в кухне. Под табачный дым вошли ненадолго в светлую реку студенческих воспоминаний, в которой купаться бы да купаться! Но... После задымленной кухни я объявил честной компании, что уезжаю.

Мои слова об отъезде были приняты в штыки. Достаточно огрузлый от выпитого Игореша, который уже почти не произносил слов, а только жестикулировал, вдруг захотел со мной выпить, указывал толстыми волосатыми руками на бутылку с водкой, мол, надо разлить... хотя многократно слышал, что я нынче не пью. Галочка тоже высказала свое неодобрение: «Ну понятно, не пьешь. Нельзя. Хоть так посиди. Да лучше бы заночевал, на свежую голову в дорогу...» А Катя неуступно и хозяйски заявила: «Пока пирога с чаем не отпробуешь, не отпущу! Сама пекла, полдня у плиты стояла, а ты поехал!»

Мы опять оказались за столом вокруг слоистого, аппетитно усыпанного вишенками пирога. Игореша «под пирог» почти одну за одной пропустил пару стопок. «Н-да...» - почесал я у себя в затылке, глядя на его толстую красную шею, и вспомнил армейскую байку. Рассказал обществу:

- В полк неожиданно рано утром приезжает проверяющий генерал, реальным прототипом этого проверяющего, говорят, был маршал противотанковых войск Батицкий, мужик по комплекции вроде Игореши. Выстраивает офицеров на плацу и диву дается. Офицеры все помятые, движутся как сонные мухи, лица опухшие, глаза с похмелья красные. «Да вы что, товарищи офицеры! - возмутился проверяющий. - Разве так можно? Выпил грамм восемьсот - и остановись!».

Все рассмеялись. Игореша тоже растянул в улыбке рот. По моим прикидкам, Игореша уже приговорил литр.

- Домой-то доберетесь? - тихо, по секрету, спросил я Галочку, указав на ее мужа.

- Не впервой! - беспечно усмехнулась она.

Вот и пирог с чаем был с благодарностью к хозяйке откушан, я опять засобирался в дорогу. Впрочем, все наше застолье распадалось. Галочка и Игореша тоже пошли в прихожую, собираться восвояси.

- Может, подбросишь нас? Тут недалеко. Тебе как раз по дороге. Мы б и сами дошли, да тропки сегодня скользские, - обратилась ко мне Галочка.

- Какой разговор! - безусловно согласился я.

Игорешу пошатывало, даже очень прилично пошатывало, но коленей он не гнул, держался набыченно, угрюмо, водил по сторонам простодушными, но остекленевшими глазами. А говорил уж совсем плохо, неразборчиво. В основном мычал, округлял глаза и водил руками, что-то изображая или о чем-то прося. Галочка на него не только не сердилась, но и с полуслова, с полужеста, с полумычания угадывала его озабоченность и откликалась на нее. Стоило ему чуть приподнять ногу, и Галочка тут же улавливала: мужу надо обуваться; стоило ему мотнуть, как быку, большой угрюмой головой, и Галочка тут же понимала, что мужу потребовалась шапка. Кстати, Игорешу, обула сама Галочка и завязала ему шнурки на ботинках. При этом она ничуть не стыдилась перед нами своей бабьей услужливости. «Истинно, легкий характер! - думалось мне, когда я наблюдал, как она, присев на корточки, зашнуровывает ему ботинки. - Другая бы стала ли при народе-то!.. Это и к лучшему, что я им подвернулся. Подброшу до дому, а то где-нибудь этот кабан свалится - мучайся несчастная женщина».

Уже собранный, в застегнутом Галочкой пальто, в надетой Галочкой шапке, перед самым уходом, Игореша еще запросил водки. Он сделал это безголово: большим и указательным пальцем «отмерил», что нужно еще столько... И даже тут Галочка не стала усмирять мужа, а напротив живо откликнулась на жест:

- Посошок хочешь повторить?

- Конечно-конечно! Даже обязательно повторить! - подхватили хозяева.

С подмогой Галочки, однако на своих ногах Игореша добрался до моей машины во дворе дома и был помещен на заднее сиденье. Я завел двигатель для прогрева, включил в салоне «на полную» печку и выбрался из машины, чтобы постоять с друзьями «на дорожку».

Уже наступила ночь. Красивая, звездная, мартовская ночь с хрупким воздухом: где-то хрустнет тонкий ледок, где-то в тишине разнесется скрип карниза под тяжестью сосулек, обледенелая ветка тихо ударит такую же обледенелую сестру. Всё прихватило морозцем. Я любовался звездным небом, желтыми, скромными и теплыми окнами провинциального Стрижевска, затерянного в высоких сосновых лесах, глубоко вдыхал чудный здешний воздух. На душе было легко: таки заехал к другу, а то все дела, дела, дела, а жизнь-то - штука конечная. Мы обнялись с Николаем на прощание, Катя чмокнула меня в щеку, напутствовала, чтоб их не забывал.

Когда мы с Галочкой сели в машину: я - за руль, она - рядом, - услышали храпоток Игореша.

- Эх, ты! - воскликнула Галочка с некоторой досадой. - Разморило его, уснул. Обычно он до дивана дотягивает... Ну ничего, растолкаем. На утро Игореша самогончой восстановится. Свекор прекрасную гонит... Поехали!

Игореша с полуоткрытым ртом похрапывал, свалив свою большую голову на край спинки сиденья.

Езды оказалось - рукой подать, метров пятьсот, не больше: городок Стрижевск компактен. Игореша и Галочка жили в аккуратном, из красного кирпича, одноэтажном доме с мезонином. Крыльцо под коньковой крышей с резной отделкой, калитка из витого металла. В пристройке - гараж. Словом, небольшой современный особнячок. Игореша, видать, по трезвости был мастеровит. Подъехать, однако, к калитке не удалось. От дороги до калитки пролегла лишь узенькая тропинка, по краям которой лежали внушительные сугробы; фонарь на уличном столбе красиво подсвечивал мерцающий иней наста на этих сугробах. Подъезд к гаражу тоже не был расчищен. Галочка объяснила, что «по зимам» Игореша на своей машине не ездит: «особо-то и некуда».

Игореша на заднем сиденье сонно замычал и заскрежетал зубами.

- Ничего, растрясем! - оптимистка Галочка вышла из машины, открыла заднюю дверцу, к Игореше.

Я тоже вышел.

- Ничего, растрясем! - весело повторила Галочка и принялась...

Я только ушами хлопал.

- Игореша! Маленький! Подымайся! Ну давай, давай, иди к мамочке! Сюда... Правильно, сюда. Вот, хорошо! Умница... Ручки свои давай сюда. Сюда ручки. Обхвати мамочку за шейку... Ну, молодец, Игореша. Ножку ставь сюда, вот так, а эту ножку... Ручками, ручками, держись, Игореша, за мамочку!..

Игореша и впрямь слегка «отутовел» - выражаясь на местном диалекте: он еще как бы не проснулся, но уже и не спал. По его лицу блуждала тупая блаженная пьяная улыбка, - вероятно, это был отклик на зов «мамочки». Но глаз он не открывал. В какие-то моменты казалось, что он напрягает веки и глаза вот-вот и откроются, но увы - сил, видать, не хватало: он двигался на автопилоте, вслепую, на голос авиадиспетчера.

- Так-так, Игореша! Ножку - сюда, а вторую - сюда... Теперь - сюда. Тю-тю-тю... Ручки! Главное - ручками держись за мамочку!

Галочка двигалась по тропке задом, Игореша, в полусне, в полуяви - за ней, передом, положила ей руки на плечи, почти не поднимая ног, шаркая подошвами; а сзади, поддерживая Игорешу за толстые бока, мелкими шажками двигался я. Этаким топ-топом, этаким паровозиком с малыми оборотами мы и добирались по узкой тропинке к дому. И верно бы, все сладилось, кончилось бы благополучно под бодрящие выкрики Галочки: «Ручки, ножку, мамочке!» - если бы не весна. Тропка к ночи оледенела, и наш Игореша

в какой-то момент заскользил ботинком по глади, потерял равновесие, пошатнулся, повел весь состав вбок. Уцепясь своими огромными ручищами-граблями в ворот пальто Галочки, стараясь хоть как-то спасти вертикаль, Игореша ее первой уронил в сугроб. Потом стал заваливаться набок сам. Я обхватил его, как огромный мешок с картошкой, и попытался удержать, да разве такую тушу в период наклона и падения удержишь! Да и все произошло в какие-то секунды: все спасительные движения были машинальны и безнадежны. Следом за Игорешей ухнул в сугроб и я. «Этого быка только башенный кран удержит!» - по-строительски промелькнуло у меня в мозгах, когда я летел обочь тропки, отворотя в сторону нос, чтобы не ободрать об наст.

Обтирая лицо от снега, отплеываясь, все-таки и лицо искупал, я первым выбрался из сугроба и мысленно обругал, даже всячески искостерил Галочку; меня разбирала обида: я-то за что страдаю! «Ну и дура! Какая же все-таки провинциальная дура! Дала так накачаться своему кабану, а теперь возись с ним!»

Вдруг из сугроба я услышал смех. Беспечнейший смех Галочки! Злость просто вскипела во мне. Бестолочь! Клуша! Ладно бы пьяной была. А то ведь нет. Трезва! За весь вечер в гостях рюмок пять рябины на коньяке выпила: для такой-то пышечки - мизер. Вот характер!

Я стоял на тропке, отряхивал себя от снега, а они лежали в сугробе. Игореша что-то мычал, так и не открывая глаз. А Галочка, барахтаясь в снегу, сквозь смех комментировала:

- Что, Игореша, упали? Как мы все втроем-то! Хорошо, хорошо полетели!

Вскоре опять продолжилось «перемещение пьяного тела». И опять «ручки, ножки, шейка мамочки». Наконец-то - калитка, крыльцо, прихожая.

- Давай, Игореша, будем раздеваться... Вот так. Один ботиночек сняли. Теперь - другой, - шепетала Галочка, разувая и раздевая мужа. - Нет, Игореша, сегодня ты пьяненький, так что пошли не в спальню, а на диван. В зал пошли, маленький...

Галочка увела мужа в зал. Через приоткрытую дверь я видел, как она бережно укладывает его на диван, укрывает широким клетчатым пледом.

В прихожей было очень уютно, чисто, прибрано, нигде ничего не валяется, вся обувь на полках, вся одежда в шкафах; за исключением одежды и обуви, только что снятой с Игореша; освещение - лампа в зеленом абажурчике с рюшами, на стене - огромное, в багетовой раме зеркало. В эту минуту, когда я, немного упревший, стоял в прихожей и дожидался Галочку, чтобы проститься, мне даже стало жаль эту Галочку. За всем этим уютом, за всей этой чистотой стоит бабья хлопотливость и труд. С другой стороны, меня подмывало желание сказать Галочке при расставании что-нибудь колкое, язвительное: побереги здоровье-то мужа, вон у вас какое хозяйство.

В зале погас свет, Галочка вышла в прихожую, притворила за собой дверь. Но и сквозь закрытую дверь был слышен нарастающий разомле-

лый храп хозяина, объятых родным домашним теплом. Я стоял в расстегнутой куртке, мял в руках шапку и чувствовал себя как-то неловко: все же во мне было больше жалости к Галочке, чем обиды за ее сегодняшние страдания...

Галочка остановилась против зеркала, громко выдохнула: по-видимому, умаялась. Затем она встряхнула головой, своими мелкими светлыми завитушками, будто бы освежила себя и поправила прическу. Затем отшагнула от зеркала и негромко выкрикнула:

- Ура! До утра он будет спать как убитый!

Галочка повернулась ко мне, на ее раздумавшемся лице появилась загадочная улыбка, голубые глазенки лукаво прищурились. Она взяла обеими руками концы моего шарфа, который висел у меня на шее и потянула к себе.

- Да не бойся ты. Я же знаю: до утра он будет спать как убитый.

Я смотрел через плечо Галочки, которая прижалась ко мне пышной грудью, на огромные ботинки размера примерно сорок седьмого. Ботинки ко-солапо стояли, соединясь тупыми носами, с которых стекали капли раста-явшего снега.

НА ЗАДНЕМ ДВОРЕ ЛЮБВИ

На заднем дворе любви
Поют не совсем соловьи -
Здесь голоса петухи,
Буйно растут репехи,
Дурман распустил цветы...
Царствуешь здесь - не ты,
Не ты хранишь до зари
Лунные фонари -
На заднем дворе любви...

Моей душе такая малость
От одиночества досталась-
Мечты набросок от руки
И недоверия куски.
Теперь, когда вокруг меня
Семья, приятели, родня,
Фейсбука странный хоровод,
Заводит ночь круговорот -
Об одиночестве своём
Душа достала всех нытьём.

ПЕСНЯ

По обочинам дорог - грязный снег.
Утки с озера летят, как во сне -
Прострочили утки неба лоскут...
Неужели где-то лучше, чем тут?

И кричат они, кричат в вышине,
Всё твердят о заповедной стране -
Протекает там из сливок река,
Пенки - остров, и кисель - берега...

Александра Полянская

*Евгений Горин.
Зимний Кисловодск*

Сухая пижма долго шептала
Полыни и чертополоху
О том, что ветер разносит по свету
Поблекшие страницы моих воспоминаний.

Опять не сказала
всего, что хотела -
не потому, что боюсь обидеть
или не хочу крика:
здесь меня не желают услышать.

Боя искусству
не обучить по книжкам -
бороться надо.

Распустился лотос
На высокой ножке.
Но надежда не расцветает.

Увезите меня на свалку -
вместе с «лысой» резиной,
снятыми рамами,
пустыми бутылками,
старыми тряпками
и прочим хламом.
Буду глядеть на ничем не закрытое небо -
быть может, увижу звёзды.

О ПОСЛЕДНЕМ СОНЕТЕ ЦУРЭНА

*«Как лист увядший, падает на душу...»
А.и Б.Стругацкие, «Трудно быть богом»*

Как лист увядший, падает на руку
Последней осени прощальное тепло.
В душе - раздрай, и вековую скуку
Печальным ветром ночи унесло.

С безумием тревожного заката
Сгорала память о твоих руках,
Как написал поэт Цурэн когда-то, -
Вы помните, почтеннейший Будах?

Цветные сны расцвечивают грязь -
Во сне и лист увядший всё на ветке зелен,
И ты прекрасна и жива. А я, молясь,

Тебе всё так же, как и прежде, верен.
Утраты день жизнь надвое разделит -
И нет ключа к проклятой этой двери!

ХУДОЖНИК

В ту пору с приятелем моим, Санчо, выпивали мы крепко. Кафе «Паучок», получившее такое название за своеобразное переплетение арматуры на окнах, служило нашим бороздящим алкогольный океан душам надёжной гаванью. Из множества сливающихся в одно лицо посетителей этого заведения примечательны были лишь двое. Первый - человек-легенда, бывший руководитель некогда гремевшего на всю страну сельхозпредприятия, Жлобин. Второй - с известностью масштаба уже местного. Художник. Картин его никто не видел, но то, что этот длинный бородач - художник, в городке нашем знали даже мальчишки.

Осушив свои ежедневные «двести», Жлобин с монотонностью репродуктора объявлял: «Вести с полей!» (иногда вместо «вести» мне слышалось «двести»). Далее он начинал имитировать звуки, один в один напоминающие отдалённое гудение десятка зерноуборочных комбайнов, нередко перемежаемое матерными комментариями. Художник пил молча, с достоинством покуривая. Заметно было, что окружающие его интересуют мало.

- Разрешите нарушить, так сказать?.. - спросил я его как-то, ввиду занятости посадочных мест за другими столами.

- Изъясняйтесь по-русски, - художник слегка усмехнулся, свободной от сигареты рукой любовно пригладив бороду.

- Простите великодушно, не понял?

- Чего ж непонятного, сударь? «Нарушить, так сказать» что собирались?

- Уединённость вашу... Не более чем... Господин, э-э...

- Помпезов, если угодно... А уединённость моя - величина постоянная. Константа! - Художник многозначительно поднял вверх свой жёлтый, никотиновый палец. - Присутствие кого-либо в соседней системе координат влиять на неё объективно не в состоянии.

*Владимир Грибачёв. Песнь мудрецов
(левая часть триптиха Художники)*

Признаться, мне стало немного обидно, так как в вопросах русского языка я считал себя человеком сведущим.

- Так как же по-русски будет?

- По-русски - все слова проговаривать надо. Домысливать я не обязан.

- Да я... да я... - начал я заикаться. - Я вообще-то поэт! И к русскому языку подход, какой-никакой, имею.

- Вот именно - «какой-никакой», - поймал мою интонацию художник. - Фамилия как ваша?

- Шлёпкин.

- И что? Подумайте сами, можно ли, от рождения так прозываясь, к слову подход иметь? Пушкин пушкинское писал. Есенин - есенинское. А Шлёпкин?.. Что может написать Шлёпкин?.. Признаться, опыты ваши в печати местной читал. Так!.. Порнография. Дрянь, одним словом!

- Ну уж... - я совсем сник.

С гитарой под мышкой подошёл Санчо. Поставив на стол бутылку водки, он сел в стороне и стал потихоньку что-то наигрывать. Чуть зацепившись глазами за принесённую ёмкость, художник продолжил:

- М-да... пишете вы хреновенько. Хуже, чем Кальдерон де Ла Барка - определённо...

Автора этого я не читал, и теперь от сознания полной своей дремучести просто готов был под стол лезть. Глянув на потерявшуюся мою физиономию, Помпезов смягчился:

- Да ладно! Вы не одиноки, любезнейший. Сейчас все плохо пишут. Вот Акунин с Пелевиным - эти да! Эти форс держат. Магелланы! Колумбы! Да и ваш покорный слуга на днях тут венок сонетов черкнул. У-у!!! Тот ещё памятник, скажу я вам!

Художник патетически потряс кулаком, в котором, как по волшебству, вдруг оказалась бутылка. Я захлопал глазами - уж не сама ли подпрыгнула?! Выразительно булькнув, жидкость переместилась в стаканы.

- За знакомство!

Выпили залпом.

- Ну, а вы чем заниматься изволите? - художник, наконец, обратил внимание на Санчо.

- Так-х... композитор я, - скромно потупился мой товарищ. - Музыку вот на стихи друга моего, Шлёпкина, сочиняю...

- Нотную грамоту знаете, стало быть?

- Нотную-то?.. Эка хватили!.. Маккартни - и тот не знает... Я-то чем хуже?

- Хе!.. Действительно. Ну-ка, совместное ваше что-нибудь выдайте. - Помпезов, упёршись кустистым подбородком в кулак, приготовился слушать.

Мы затянули:

- *Бесприютная дорога.*

Месяц над дорогою.

Посиди со мной немного,

Я тебя потрогаю...

Отдавая должное Санчо, надо сказать, что в музыке ему всегда удавалось соединять несоединимое. Вот и сейчас легко узнаваемый детский шлягер «В траве сидел кузнечик» слился у него с «Марсельезой» вполне интимно.

- Однако! - на двадцать седьмом куплете прервал нас художник. - Бодягой, господа сочинители, пробавляетесь. Плагиатом!..

Санчо обиженно отставил гитару, а я подумал, что неплохо бы живописца этого для полной ясности дела по голове тяжёлым чем-нибудь треснуть, но вслух совсем другое сказал:

- А нельзя ли, уважаемый, сонетов венок ваш глазами своими глянуть?

Достав из кармана несколько исписанных листков и пробежав их увлажнившимся от умиления взором, художник удовлетворённо хмыкнул:

- Хе!.. «Всё своё ношу с собой», говаривал Диоген, когда на спине бочку - жилище своё - по древним Афинам таскал. Так и я... А венок не дам! - Листки вернулись в карман. - Не для того на вершину эту взбирался. Ночами не спал. Сам себе доказать решил, что выше любого могу в поэзии быть... И доказал!

- Так может... венок этот... сжечь?

- Сжечь?! Нет! Не дождётесь! Должно же хоть что-то в этом мире быть совершенным.

- А картины ваши?
- Картины?! Картины мои - венец!
- Так, может... хоть их покажете?..
- Это можно, - неожиданно согласился Помпезов.

Цокот стаканов за соседними столиками давно уже перешёл в перекрывающий нашу беседу оглушительный звон. Да и Жлобин, как настоящий «красный директор», воспитывал своих воображаемых землепашцев всё более громко и нецензурно.

Спросив в буфете «ещё бутылку», мы вышли... Вечерняя темнота обдала теплом запёкшегося за день асфальта. Где-то вдали прогреготал поезд, и тишина, наступившая следом, сделала город чужим, непонятным, перемешав улицы, по которым мы шли и шли, лбами, как ледоколами, взрезывая густой воздух...

В мастерской художник включил настольную лампу, осветившую три разномастных стакана... Выпили молча. Плеснули ещё...

- А вот и сыграю вам! - потянулся к гитаре Санчо.

После определённой дозы в пристрастии к музыке он решителен.

- Только не здесь! - протестующее выбросил руку ладонью вперёд художник. - Пить, спорить, ну, бабу там на диван завалить - это пожалуйста. Сколько угодно... Всё остальное - нет. Табу, господа! Позвольте не объяснять.

- Неудобный вы человек, - приуныл Санчо.

- Это - канон... Где неудобные решения - там я! Весь, с головы до ног. - Костистый никотиновый палец резко взметнулся вверх. - Если штаны неудобны кому-то, не значит ещё, что другому они не в пору!

- Философ, - переглянулись мы с Санчо...

- Картины-то глядеть будем? - вспомнил я о цели визита.

- Деток моих? Хе!.. - выпятив подбородок, художник поскрёб укрывающую его растительность. - Отчего же не будем? С условием - только без слов. Смотреть молча. Здесь вам не Эрмитаж, и в комментариях нужды нет.

Он потянулся к настенному выключателю... Озарённые неизвестно откуда ударившим светом, мы ахнули.

С картин его воззрились на нас сплошь черти, чертихи и чертенята. Но главное было не в этом! Брошенные на холсты грубыми уверенными мазками, все они были живыми!.. Более того, мне показалось, что некоторые из них мне знакомы... Ну да! - чёрт, похожий на городского главу, озорно подмигнул мне. А чертиха с холёной мордашкой главврача нашей районной больницы и вовсе едва не коснулась наших с Санчо перекошенных от удивления физиономий своим раздвоенным розовым язычком.

- Но! Но! Балуй, паноптикум! - ласково прикрикнул на неё художник. - Одноклассница моя... А вам, господа, без церемоний, пора бы и честь знать...

Я не услышал, а скорее почувствовал, как охнула за нашими спинами дверь.

- Чёрт! - едва не выронив гитару, на ровном месте споткнулся Санчо.

А я, чего прежде со мной никогда не случилось, трижды перекрестился.

В удушливом полотне южной ночи мы долго брели молча. Беззвёздное небо касалось своими щупальцами деревьев, и тени за нашими спинами жарко шептались...

- Как думаешь, зачем ему это? - озираясь, спросил меня Санчо.

- Кому?

- Как будто не понял?! Да бесу этому!

- Бесу? Придумаешь тоже... Тут очевидно: талант в нём бродит.

- Талант? Так не от бога же?!

- Выходит, что так.

- А ты? Ну, или я... к примеру!.. Мы кто?..

- Я - бездарь номер раз. Ты... без обиды, дружище... Твой номер следующий.

- Думаешь? - нервным движением Санчо закинул гитару на спину.

- Теперь уверен. Прощай, старина...

В темноте я наткнулся на его влажную ладонь и крепко пожал её...

А художник исчез... Сразу же после той ночи?.. Нет ли?.. Не знаю. Одни говорят, что будто спился он напрочь. Другие, что дом приобрёл... В Италии где-то... Но, видится мне, - ни то, ни другое... Ему ведь сам чёрт не брат. А может, и брат?.. Разницы нет.

ГДЕ РУСЬ ТВОЯ?

Мне говорят: «Опять ты пишешь «Русь»,
А где она, где Русь твоя святая?
Где васильков полуденная грусть
И где леса от края и до края?

Где синь её прозрачных родников
С целительной, особенной прохладой,
Где поступь грозная её веков?
Где Русь твоя?» - мне говорят с досадой.

Я отвечаю: «Русь моя - в душе,
В стремление к чистоте, в стремление к Богу,
В молитве перед боем в блиндаже,
В суровой правде, в непростых дорогах.

Она скромна, живет не напоказ,
Расталкивая спутников локтями,
Она ещё воспитывает нас,
Она духовно постоянно с нами».

Святая Русь ушедшая, молись,
Чтоб выжить нам наперекор невзгодам,
И светом откровенья поделись
С твоим таким доверчивым народом.

ВОСПОМИНАНИЯ О СИБИРИ

Мне снятся потаённые места
В глухой тайге моей родной Сибири,
Там корабельных сосен высота,
А воздух... - лучше не бывает в мире.

Там сизый мох лежит густым ковром,
И по нему я бережно ступала.

Анатолий Лукаш. У святого источника

Остался там мой самый лучший дом.
Где много света, а печали мало.

Рябины кисти, белый свет берёз
И торжество вечернего заката...
Я там жила, не зная горьких слёз,
И я была там счастлива когда-то.

ПАМЯТИ ПОЭТА ИВАНА КАШПУРОВА

Он жил, как песня, ярко и светло,
Он славил в книгах «синий край России»,
Калиновку, любимое село,
Где детства сны остались золотые.

Он знал там каждый куст и каждый дом,
Сады, тропинки, запахи степные
И часто людям говорил о том,
Как хороши места его родные.

Он'был мне добрым другом и отцом
И был Учителем, чьё слово свято,
Встречал меня с таинственным лицом
И радовался, как дитя, когда-то.

Мы вместе прочитали много книг,
Их обсуждая, спорили, бывало.
Какой-то мир особенный возник,
И горько мне, что прошлого не стало.

Простите, друг, Учитель и Поэт,
Смогу ль наказ Ваш выполнить достойно?
Иду одна, поддержки рядом нет,
Но я дойду, пусть будет Вам спокойно.

Я пишу такие
Горькие стихи,
Голос этих строк
Тих.
Травы луговые,
Пепельные мхи
Мягко шелестят
В них.

Связывают нити
Прочные, как мир,
Взоров дорогих
Глаз.
Солнышко в зените,
Красок ярких пир -
Это в жизни лишь
Раз.

Благодарна вечно,
Снов моих звезда,
За далекий твой
Свет.
Очень быстротечна
Тихая вода
Уходящих в даль
Лет.

Нравственности чистый камертон -
Вот что для народа вера наша.
Это было в русских испокон -
Светлый мир молитвой был украшен.

Русью назывался он Святой,
Чистотою в душах возвышался,
Не мелькал безумной суетой,
Тихим и достойным он казался.

В нём детей растили, хлеб пекли,
В праздники водили хороводы.
Любовались красотой земли
Населявшие страну народы.

А в годину браней и скорбей
От врагов Отчизну защищали.
Говорили твёрдо: «Не робей,
Одолеем беды и печали».

Плыл над Русью колокольный звон,
Этот звон мы слышим и сегодня.
Вера - наш чистейший камертон,
Помощь постоянная Господня.

Открой глаза и плечи распрями.
Ты - образ Божий, будь его достоин,
И даже если трудно, то пойми,
Что ты на поле брани, Божий воин.
Стяжи в душе бессмертной мирный дух,
И тысячи вокруг тебя спасутся.
Ты лишь не будь к страданиям ближних глух,
И души тех, кто рядом, встрепенутся.

Но помни: Родину не посрами,
Суди себя безжалостно и строго.
Какой бы трудной не была дорога -
Открой глаза и плечи распрями.

ПАРТИЙНАЯ ДАМА

В июне 1991 года мы с женой, Раисой Котовской, членом СПР, по литфондовским путевкам приехали в Дом творчества в Переделкино.

На следующий день первым делом я отправился на местное кладбище. Полдня бродил среди могил, встречая на надгробных памятниках имена известных, и не очень, людей, чья жизнь, так или иначе, была сопряжена литературе.

Могила Корнея Чуковского, с довольно скромным памятником, показалась несколько неухоженной, отчего на сердце стало как-то грустновато. «Вот тебе и Муха-Цокотуха...» - неопределенно подумалось в унисон нахлынувшему настроению.

Могила Бориса Пастернака (рядом покоится и его жена) ухожена, на площадке возле нее - несколько скамеек. На одной из них сидела старая дама в соломенной шляпке начала двадцатого века и курила длинную папиросу.

Я присел на соседнюю, достал сигареты и тоже закурил.

Дама оглядела меня изучающе и после нескольких длинных затяжек спросила:

- Вы любите Пастернака?

Вопрос вот так, сразу в лоб, слегка шокировал меня, прямо отвечать я не стал, лишь неопределенно пожал плечами - как хотите, так и понимайте.

- А я не люблю его! - с каким-то, как мне показалось, вызовом сказала дама. - Он хлюпик и бабник! - изрекла она тоном судьи, выносившего окончательный приговор, обжалованию не подлежащий.

- Хм! - не удержался я.

Дама сделала несколько затяжек кряду и опять изрекла:

- И Маяковского не люблю! Зря ему памятник поставили! Я его хорошо знала. Он разгильдяй и притворялся, что обожает советскую власть. Он обожал одну дуру. Взял и застрелился. Из-за чего, спрашивается? Из-за женщины, этой вертихвостки Лили Брик.

Анатолий Лукаш. Архыз в цвету

Я поднялся, неприятно стало слушать безапелляционные унтерпришибевские умозаключения этой злой старухи. Однако она властным жестом руки остановила меня.

- Вы тоже поэт?

- Н-нет... - промямлил я, теряясь под колючим гипнотическим взглядом. - Прозаик...

- И хорошо! - заключила дама. - Все поэты - сплошная расхлябанность. От таких людей одни неприятности. Могут все что угодно выкинуть. - И тут же, без всякой логической связи с предыдущими словами, сказала: - Я оттуда. - Кивком указала в сторону неподалеку расположенного Дома ветеранов КПСС.

Рядом с могилой Пастернака располагался участок, где, как на солдатском кладбище, в четком ранжире, ровными рядами выстроились абсолютно одинаковые небольшие обелиски - умерших ветеранов партии, на склонах лет оказавшихся в партийном доме престарелых.

Боже мой, подумалось, а ведь она абсолютно искренне уверена в правоте своих слов, и с этой непоколебимой верой скоро уйдет туда, к ним, встав в строй своим обелиском в партийный ранжир отвоевавших свое в идеологических боях и схватках.

Я поспешил прочь, чувствуя затылком прострельный взгляд старой партийной дамы.

Зашел в маленькую церквушку (говорят, ровесница Ивана Грозного), рядом с которой за высоким забором находилось патриаршее подворье. Полумрак в церквушке, прохлада, старые намоленные иконы действовали успокаивающе, очищающе...

Потом, когда увидел дачу Бориса Пастернака, меня поразила картошка - ею было засажено все свободное пространство, от самой калитки. Ровные, аккуратные рядки, хорошо окученные; картошка только зацветала, и эти скромные, невзрачные соцветия прозаического овощного растения придавали особый колорит и домашнюю теплоту. Ее, наверное, ощущал и Борис Пастернак...

Встречи на улочках

В детстве, помню, бабушка ставила противни с яблоками в русскую печь, где они запекались. Получались они желтоватыми, с подморщенной кожурой.

Об этих яблоках мне вспомнилось, когда впервые увидел Евгения Евтушенко. Был он худой, длинный, какой-то суетливый, жесты, мимика отличались резкостью и нервностью движений; такие движения у птиц, когда наблюдаешь, как они короткими, быстрыми рывками поворачивают голову.

Я встретил его на одной из улочек поселка, с маленькой, лет трех, девочкой. Он гулял с ней, и надо было видеть его лицо - оно совсем не походило на то, которое мне запомнилось. Сейчас оно светилось тем особым светом, какой наблюдается у отцов уже почтенного возраста, а веер морщинок в уголках глаз, как ни странно, не старил лица, наоборот, молодил и освежал. С губ Евтушенко не сходила легкая, словно светлое облачко на небе, улыбка, а движения его были мягкими, плавными.

Несколько раз видел Бориса Можаева. Накануне в журнале «Дон» вышел его роман «Мужики и бабы», получивший в литературных кругах довольно звучный резонанс. Роман мытарили во многих издательствах, редакциях журналов, и вот, наконец, редколлегия «Дона» нашла в себе смелость опубликовать его, несмотря на неодобрительные отзывы партийных чиновников, ведавших литературными делами.

Мощной, высокой фигурой, прямой и стройной, зачесанными назад пышными седыми волосами, такой же седой, роскошной бородой, походкой уверенного, бывалого человека, знающего себе цену, напоминал он старого морского волка. Казалось, направляется он в порт, сейчас ступит на капитанский мостик парусного брига, чиркнет кресалом, раскуривая длинную, окованную медными кольцами капитанскую трубку, пыхнет облаком табачного дыма и зычно скамандует: «Отдать швартовы! Поднять паруса!...».

Известный советский поэт, лауреат Государственной премии Егор Исаев, которого мне посчастливилось увидеть, выглядел очень необычно.

Он стоял у распахнутых ворот своей дачи в «семейных», до колен, сатиновых трусах черного цвета и громко, как прораб на стройке, командовал рабочими, тоже оголенными до трусов, перетаскивавшими на носилках

кучу бетона во двор дачи поэта. Видимо, он затеял какую-то стройку-перестройку и лично руководил ею.

Все выглядело споро, бодро, весело. Как мне показалось (судя по координации движений), и рабочие, и маститый поэт перед работой, или во время оной, выкушали по стаканчику-другому «не только чая», и этот факт бодрил их и располагал к стахановскому труду.

Приземистый, кряжистый, крупноносый Егор Исаев не только командовал, но и, смачно хэкая, совковой лопатой кидал на носилки бетон, в перерывах утирая тыльной стороной пятерни потное, покрасневшееся лицо и бросая взгляд на нещадно палящее солнце: «Ух и жарюка! Ишь ты, зажарило нас совсем! Утомонись чуток!».

Я с сигаретой стоял неподалеку и делал вид, посматривая на часы, что жду кого-то. Никого я, конечно, не ждал, мне просто хотелось подольше посмотреть на известного поэта в обстановке совершенно необычной.

В столовой мы оказались за одним столом с писателем Станиславом Романовским.

Иногда мы гуляли по аллеям парка, и он много говорил о вере, православии. Подарил детскую книжку «Родина» с авторской надписью. Когда пролистал ее, мне во многом стало понятно, почему он так постоянно, с каким-то торопливым захлебом затрагивал эту тему - православие. Книга написана хорошо, богато иллюстрирована, но пронизана насквозь идеологическим «шампуром» - результат партийной цензуры. На дворе стояло еще такое время, когда вроде и подули иные ветра, но «шашлычники» от идеологии пока еще крепко диктовали свою кухню. И авторы вынуждены были говорить далеко не то, что думали.

Приехал как-то его сын, молодой еще человек, кинорежиссер, собиравшийся снять фильм о Ленине, которого мы, зрители, увидели бы под совершенно другим ракурсом, нежели показывали вождя до сих пор. Толком я не очень понял, что это будет за «ракурс», и не знаю, осуществился ли замысел.

Через несколько столов от нашего, у стеклянного витража во всю стену, в окружении стайки чопорных дам почтенного возраста, похожих на старых гувернанток с изысканными манерами, восседал во главе сдвоенного стола Лев Разгон. Он походил на старого, но хорошо сохранившегося холеного барина середины девятнадцатого века, когда образованность и просвещенность, так и проступающие на челе, уже не редкость, а непременно для русского дворянина, зимой живавшего в столицах, лето же проводившего в фамильном имении.

Высокий, крупный лоб, блестящая, розоватая лысина, обрамленная на висках и затылке серебром негустых, тщательно подстриженных и причесанных волос, чистое, без морщин лицо и живые, чуть навывкате, глаза, безукоризненно выглаженная белая рубашка с отложным воротничком - все это придавало Разгону значительность и вальяжность.

Было удивительным, что человек, не один год проведенный за решеткой, так хорошо сохранился, особенно лицом, которое можно было назвать молодым.

Он о чем-то разговаривал с дамами, подкрепляя свою речь жестами, плавными, даже как бы ленивыми.

Дамы почтительно слушали, сами почти не открывали рта. Улыбка трогала губы Разгона, и тут же, точно так же, в той же отдозированности, улыбались и дамы. Улыбка исчезала у Разгона - и моментально, словно невидимым ластиком, стиралась и с губ дам.

Видимо, в их обществе писателю было более комфортно, нежели в каком-либо ином.

К Разгону довольно часто подходили, подобострастно раскланивались, на его лицо набегала тень снисходительно-раздраженного выражения, но он деликатно отвечал легким, учтивым кивком, и лишь улыбка, на этот раз неестественная, механическая, говорила о его внутреннем восприятии назойливых почитателей.

Дня через четыре Лев Разгон уехал, исчезли и его дамы.

Официантка Лена, подойдя к нашему столу, с простодушной прямоотой сказала:

- Уехали, слава Богу! Замучили эти бабки, божьи одуванчики. То стаканы им замени, то салфетки, то на скатерти пятнышки все выискивают. Муху увидят, заахают, заахают, будто светопреставление случилось. - И добавила: - Чистюли хреновы!

Интеллигентнейший Романовский едва не поперхнулся. Мы с полковником (скажу о нем ниже) доброжелательно и сочувственно улыбнулись. Моя жена обедать не пришла, может, поэтому наша мужская компания и внушила Лене доверие и она излила свои чувства без особой боязни.

Четвертым за нашим столом оказался писатель-документалист, бывший полковник КГБ, резидент советской разведки в странах Латинской Америки.

О своих прошлых «шпионских» делах он особо не рассказывал, но показал великолепные цветные снимки, где его персона красовалась на фоне достопримечательностей Мехико, Боготы, Вальпараисо, Сан-Паулу и других городов южноамериканских стран. Особенно запомнились снимки, где писатель-полковник запечатлен с рыбацкими трофеями - внушительных размеров зубастыми акулами.

Работал писатель над романом о Льве Троцком и собирался в ближайшем будущем ехать в Мексику собирать там материал.

Более любопытным для меня было то, что бывший советский разведчик в очень даже солидных годах оказался не то вторым, не то третьим мужем очень известной эстрадной певицы, народной артистки России, годившейся в дочери своему мужу, к которому однажды наведалься в Дом творчества, ослепив всех веселым характером и белозубой улыбкой, на «жигуленке» цвета «белая ночь»...

Вечером в холле собирались и смотрели телевизор.

Перед программой «Время» появлялся глубокий старик, почти слепой и глухой. Его под руку приводила женщина лет сорока. Она усаживала старика на стул сбоку телевизора. Наклонившись к нему, приложив ладонь к уху, старик слушал программу «Время» и не по возрасту молодым, громким голосом комментировал услышанное:

- Ну вот, опять! Раньше такого никогда не случалось! А как пришел этот Мишка Горбачев, так и начались всякие клизмы-катаклизмы!

Об Александре Невзорове и его передаче «600 секунд» отзывался так:

- Молодой, паршивец, да ранний! Но чистую правду брешет!

Романовский спросил, знаю ли я, кто этот старик. Я отрицательно покачал головой.

- Поэт Саша Красный, - сказал Романовский.

Нет, мне это имя ничего не говорило. Андрей Белый, Саша Черный - известные поэты, конечно, слышал о них. А Саша Красный... Об этом поэте слышал впервые.

- «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка. Другого нет у нас пути, в руках у нас винтовка!» - процитировал Романовский. - Помните?

Ну как же! Старая боевая революционная песня. Своего рода гимн комсомольской братии.

- Автор слов - Саша Красный. Вот он, этот старик.

Бог ты мой... На меня словно дохнуло ветрами далеких огненно-вихревых времен, отделенных от дня сегодняшнего расстоянием многих и многих десятилетий.

Живая история сидела рядом с телевизором. И я во все глаза смотрел на нее. Совсем недавно не было, пожалуй, такого дня, чтоб не звучала эта песня по радио или телевидению, ее исполняли хоры, и профессиональные, и самодеятельные, пионеры и ветераны.

Не помню лица старика, поэта Саши Красного, но хорошо помню его голос, громкий и внятный, представляю, с каким самозабвением и верой в светлое будущее пел он в молодости песню на собственные стихи.

ПОДАРОК ИЗ-ЗА ОКЕАНА

Каждое утро после завтрака раздавался глухой, монотонный стук молотка. То усердно долбила камень скульпторша из Америки, высекая из бесформенной глыбы произведение искусства.

С Америкой тогда установились, можно сказать, приятельские отношения, и американские мастера пера решили преподнести подарок советским писателям. Был привезен огромный желтоватый камень, свален неподалеку от центрального входа на территорию Дома творчества, с замыслом сделать из него скульптуру, уж не знаю, что из себя представляющую (авангардистскую - это уж точно знаю), и установить ее здесь же, у входа, на центральной аллее.

Скульптор, молодая женщина, работала в джинсовых шортах, клетчатой зеленой блузке навыпуск, лицом была проста и ничем не отличалась от обычной жительницы какого-нибудь подмосковного поселка.

Проходя мимо, я останавливался и какое-то время наблюдал за работой, когда удар молотка по зубилу отсекал от глыбы совсем крохотный кусочек. Сколько же надо сделать таких ударов, чтоб бесформенный камень стал в итоге скульптурой!..

Женщина снимала с лица повязку, защищавшую от пыли и осколков, приподнимала на лоб защитные очки, улыбалась и кивала в ответ на мой приветственный кивок.

Английского я не знал совершенно и не мог сказать ни слова. Она тоже не слишком была сильна в русском, старательно, по слогам, произносила только одно слово - «здрав-ствуй-те...». Причем окончание произносилось как звук «э».

Так мы и беседовали несколько минут, молча, без слов, одними взглядами. И, кажется, понимали друг друга.

Жила она здесь же, в Доме творчества, только в новом корпусе, где в номерах были все удобства. Не могло же, право, наше писательское начальство поселить американскую гостью в номере, где, кроме умывальника, нет ничего, остальное - общее, в конце коридора. По утрам она совершала пробежки до речки и обратно.

Когда я уезжал из Переделкина, по пути на станцию, к электричке на Москву, последним, кого видел из писательского поселка, была она. Остановилась, сказала «здравствуйте» и, поняв, что уезжаю, на прощание произнесла то же слово.

До сих пор не знаю, закончена ли та скульптура, установлена ли. Любопытно было бы на нее взглянуть...

КОТ ЦВЕТАЕВОЙ

В Переделкино мы с женой приехали поздно вечером.

Сойдя с электрички, спросив у влюбленной парочки дорогу к Дому творчества, отправились туда пешком. Дорога была пустынна, ночь тиха и темна, нас не обогнала ни одна машина.

Минут через двадцать мы дошли.

Дежурная, уже прикорнувшая на диванчике, приняла путевки и поселила нас в комнате на первом этаже старого корпуса, в котором когда-то размещался Литературный институт имени Горького. Предупредила, чтоб мы не шумели, рядом с нами живет Анастасия Цветаева, сестра Марины Цветаевой, спит она чутко.

Комната была маленькая, в ней - две кровати, письменный стол с настольной лампой без лампочки, шкаф, все старое, поцарапанное, в углу, возле двери - умывальник.

Мы долго не могли уснуть, разговаривали шепотом и тихо гордились тем, что нам выпала такая соседка. Фамилия Цветаевых воспринималась

нами с благоговейным почтением. Яркой, незаурядной личностью, известной не только в России, был и отец Анастасии и Марины.

На дворе стоял 1991 год. А ровно полстолетия назад, в сорок первом, ушла из жизни, не выдержав ее ударов, Марина Цветаева, место захоронения которой до сих пор точно не установлено.

Полстолетия... Сколько воды утекло с тех времен, снегов растаяло...

Днем дверь комнаты Цветаевой была почти всегда распахнута. Кто-то приходил, уходил. Журналисты газет, радио, телевизионщики, студенты Литинститута, приносившие на суд свои литературные творения.

Однажды я приостановился и видел, как одна студентка читала свои стихи, надрывным, рыдающим голосом, копируя манеру чтения Беллы Ахмадулиной; копировала поэтессу и своей прической.

Анастасия сидела на кровати, кутаясь в серый грубошерстный платок, держала в руках чашку чая и монотонно помешивала его, звякая ложечкой. Думаю, вряд ли она внимательно слушала студентку.

Пожилая женщина, жившая в комнате вместе с Анастасией, намного ее моложе, видимо, секретарь, всеми силами вежливо, но настойчиво пыталась отваживать многочисленных гостей, среди которых большая часть, как я понял, были просто незваными.

Она же ничем не выдавала своего недовольствия, воспринимала все происходящее вроде даже с покорностью.

Но когда кто-то был ей интересен, она встряхивалась, преображалась. Прекрасное в почтенной старости лицо ее, прорезанное бороздами глубоких морщин, словно иссохшаяся, усталая от зноя, потрескавшаяся земля, начинало играть светом внутренних чувств. Крупный красивый нос, будто вытесанный античным скульптором, словно принимался к словам, воспринимая их как ароматы запахов. Вкус слова - она понимала в этом толк. Начинала говорить низким, глуховатым голосом, четко и правильно выговаривая слова.

В столовой Анастасия появлялась в своей неизменной темно-коричневой, с обвисшими полами, кофте, несмотря ни на какую погоду.

Закончив трапезу, заворачивала в бумажную салфетку ее остатки, обычно с целой, несъеденной котлетой или кусочками отварной курицы, выходила во двор и громко звала: «Кыс-кыс-кыс!» Тут же сбегались кошки, промышлявшие тем, что перепадало с кухни, упитанные, ровно очесанные своими шершавыми языками, чистенькие и аккуратные.

Но не их звала Анастасия.

Из кустов зеленой изгороди выходил кот и неторопливо направлялся к заветной салфетке, которую с ее содержимым Анастасия уже успевала разложить на земле у своих ног. В сравнении с другими кошками, кот выглядел явно не джентльменом. Поломанный хвост торчал кривым прутиком, грязно-черная шерсть - драные клоки, один глаз в кошачьих схватках был когда-то потерян, на его месте розовел лишь шрам, левую заднюю ногу кот приволакивал. Всем своим видом он напоминал старого пирата, израненного и искалеченного в абордажных боях.

- Ах ты, варвар этакий... - теребила Анастасия kota за остатки ушей. - Кушай, кушай, Аника-воин...

Не подпускала других кошек, терпеливо ждала, когда кот, насытившись, благодарно потершись о ноги благодетельницы, с достоинством старого бойца снова удалялся в кусты, в тень и прохладу.

...Несколько дней Анастасия не приходила в столовую. Сказали, что приболела. Дверь в ее комнату была закрыта. Посетители, ткнувшись в нее, уходили несолоно хлебавши. Беспризорным остался и кот.

Я решил покормить его. Позвал, произнося не «кис-кис-кис», а как делала это Цветаева - «кыс-кыс-кыс», выделяя «ы».

Кот вышел из кустов и остановился, недоверчиво уставившись на меня своим единственным глазом.

«Кыс-кыс», - позвал я его снова и развернул салфетку, разложил на земле.

Проявляя настороженность, озираясь по сторонам, кот подошел и, по-прежнему осторожничая, принялся есть. Наверное, его обижали не только сородичи, но и люди...

В последующие дни подходил смелее. А потом и потерялся о мои ноги. Хотел потрепать его за уши, но кот не дался, сразу шмыгнул в кусты.

...Жена, не отбив трети срока путевки, по некоторым обстоятельствам уехала домой.

Было скучно, грустно и пусто на душе.

В подвальчике располагался бар, вечером я спускался туда, уединялся за столиком и, дымя сигаретой, за кружкой пива и рюмкой водки коротал долгий, тягучий вечер.

Но не так было просто уединиться. Ко мне пристраивался поэт из Сибири, лет сорока - сорока пяти, маленького роста, хорошо одетый, но слегка растрепанный, напоминавший воробья, искупавшегося жарким днем в луже, и, как давнишнему приятелю, начинал читать мне свои стихи.

Этого поэта, кроме как в баре, я редко где видел, был он постоянно подшофе и всем предлагал послушать его творения.

- Ну как, старик? - с придыхом спрашивал он, закончив читать.

- Гениально, - бесцветно отвечал я, совершенно не помня его стихов.

- Вот видишь! - восклицал он. - Та-ак! Так! - с мальчишечьей радостью, довольный, потирал руки и предлагал: - Старик! А хочешь, я наберу тебе сто грамм?

- Набери, - равнодушно отвечал я.

- Момент.

Поэт воробышком спархивал со стула и улетал не к стойке бара, где можно было заказать обещанные мне сто граммов, а выбирал очередную жертву и тотчас планировал за ее столик, откуда слышалось неизменное:

- Старик, хочешь, я почитаю тебе свои стихи? - И через время, занятое монотонной рифмой: - Старик, а хочешь, я наберу тебе сто грамм?

...Позвав kota, я почувствовал, что кто-то стоит позади меня. Оглянувшись. И увидел Цветаеву, которая добро улыбалась мне.

- Спасибо, что заботитесь о моем Анике. А я вот чуть прихворнула... Но теперь уже прошло. А знаете что? Сегодня вечером, после ужина, я вас приглашаю прогуляться по парку. Как?

Она еще спрашивает!.. Я был польщен, смущен, посчитал за великую честь ее приглашение.

После ужина стоял у парадного входа и, волнуясь, выкуривая сигарету за сигаретой, поглядывая на входную дверь, ожидал Цветаеву.

Вскоре она вышла. Ее позвали женщины, сидящие на скамье:

- Посидите с нами!

- Нет-нет! - сказала она с хитринкой в голосе. - Я иду на свидание с молодым человеком. А вот и он! - И направилась ко мне.

Мы долго гуляли по аллеям, постояли, понаблюдали за рыбками в крошечном прудике, посидели в маленькой, уютной беседке в дальнем уголке парка; под крышей беседки свила гнездо какая-то пичуга, в гнезде уже попискивали птенцы, и мы беспокоились, как бы сюда не добрались кошки.

Поначалу я терялся, не знал, о чем говорить. Но как-то само собой разговор завязался, и я уже почти не чувствовал скованности. Мы говорили о всяческих пустяках, о вещах серьезных, умолкая и потом снова заговаривая.

Было легко, естественно, просто.

О сестре Марине она упомянула лишь однажды, когда на центральной аллее мимо проехала машина какого-то писательского босса, обдав нас смрадом выхлопных газов.

- Марина не любила машин... Этих монстров, - проговорила Анастасия. - Она предпочитала ездить на извозчиках.

На следующий вечер мы опять гуляли. Утром я уезжал, путевка кончилась.

- А знаете, чем вы мне понравились? - сказала Цветаева. - Вы ни разу впрямую не заговорили о литературе. И не стали расспрашивать о Марине...

До сих пор помню эти слова, голос, интонацию, - отчетливо, ярко, будто произнесены они были не много лет назад, а буквально вчера.

**«ПОЗВОЛЬТЕ МНЕ
ПРЕДСКАЗЫВАТЬ ЛЮБОВЬ»**

У ограды высокого храма
Ряд калек и ворчливых старух.
Синева - над золотыми крестами,
Суeta и смятенье вокруг.

Век двадцатый простился навеки,
Унеся груз побед и утрат.
Обездоленные человеки
На прохожих призывно глядят.

И взыванья, и слезы, и песни -
Ради жалкенького гроша...
Но царит лихометное племя,
Лжесвидетельствуя и греша.

Бог забыт. Только крестики в моде.
И стонет душа в темноте:
Может, дело не в русском народе,
А в бескрайней его доброте?

Всё отдать! Даже с тела рубаху.
Всё пропить, прогулять, прокутить.
И судьбу свою бросить на плаху,
Чтоб затем - подаянье просить.

Покаянья бояться не надо.
И лишаться не стоит надежд.
Может, здесь, у церковной ограды,
Наш последний
российский рубеж...

Владимир Бутенко

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Кружат в мятежном вальсе листья!
Просторней небо и земля.
На перепутьях жизни мглистой
Недаром нам даны друзья.
И я давлю сок саперави,
И ставлю до зимы бродить,
Чтобы потом в застолье славном
Вино со всеми разделить.
Пусть мы встречаемся не часто, -
Дела, поездки и семья.
Но как сполна изведать счастье
Без вас,
Сердечные друзья?
Хватает шутки или взгляда,
Или ядреного словца,
Чтоб стало всё вокруг, как надо,
И отпустила боль сердца.
Довольно и звонка порою,
Чтоб мира брэнная тщета
Светло согрелась теплотою
И - воцарилась доброта.
Друзья мои! Нас так немного,
Нас немного, говорю!
И помня это, вновь я Бога
Благодарю,
благодарю...

ЦЫГАНКА

Не гадай мне, цыганка, на счастье.
Посули огневой непокой!
Да сожми мне покрепче запястье
Загорелой и цепкой рукой.

В твоём взгляде - вопрос и лукавство,
Чем искони гадалки сильны.
В твоей речи сокрыто коварство,
Что и мне, стихотворцу, сродни.

Мы с тобой тайной мечены метой,
В помышленьях греховных дерзки.
Мы несемся по жизни кометой, -
Дети страсти, надежд и тоски.

Олег Калайтанов. Кармен

Помолчи! Мне уловки известны.
Знаю я твой заученный бред.
Лучше спой мне, цыганочка, песни,
Песни звонких и сладостных лет.

Твои плечи мне голову кружат!
Грудь под кофточкой тонкой - туга.
Околдуй мне, красавица, душу,
Помани за собою в луга...

Но молодка шарахнулась мимо,
Навсегда расставаясь со мной,
И блеснула едва уловимо
Своей древней червонной серьгой.

Я приеду на закате.
Наберу короткий номер, -
И услышу в домофоне
Осторожный голос твой.
Я отвечу: «Добрый вечер!
Я пришел к тебе с повинной...
Я пришел к тебе с повинной
И открытою душой».
Ты откроешь тихо двери,-
С очень грустными глазами, -
Ну а я, признаться, плакать
Разучился уж давно...
И без лишних слов дежурных
Обниму тебя за плечи,
И замрем с тобой надолго,
Счастье чувствуя одно.
Ты прости меня, родная!
Без тебя весь мир мне тесен,
Без твоей улыбки светлой
На Земле мне не прожить!
Ты одна пленила сердце,
И богиней стала песен.
Ну, скажи, как это можно
Взять тебя да разлюбить?
Мы повенчаны с тобою
И мечтою, и бедою,
Безоглядною весною
И красой степных широт!
Мы живем в чудесном мире,
Где с тобой нас только двое,
О котором мы лишь знаем
И закрыт всем прочим вход...
Мы его храним с тобою!
Он так хрупок и так нежен.
Даже криком, даже смехом
Можно вмиг разбить его...
Я люблю тебя безумно!
И хочу к тебе, как прежде...
Не солгал я и не предал,
И не скрыл я ничего...

Ты глаза поднимешь молча
И опять вздохнешь украдкой.
И в лицо мое взглядишься,
Улыбнешься снова ты!
- Эх ты, радостная горесть!
Эх ты, горестная радость!
Без тебя нельзя мне тоже...
Заждалась я...
Чай остыл...

Позвольте мне предсказывать любовь.
Хотя, конечно, я не предсказатель,
А странник и неистовый мечтатель,
Ценитель звезд и птичьих голосов.

Позвольте мне предсказывать любовь.
Ведь столько одиночества на свете,
И с детством разлучились наши дети
Под грузом интернетовских оков.

Позвольте мне предсказывать любовь,
Чтобы на смену жизненным ненастьям
Людские души озарились счастьем
И собрались друзья под милый кров.

Чтоб красота заморозила вновь,
И даровал Господь покой и милость,
Чтобы всем сердцем пелось и любилось! -
Позвольте мне предсказывать любовь...

ПОИСКИ РАВНОВЕСИЯ

(Отрывок из повести)

Предполагаемые полчаса обернулись четырьмя и пролетели как один миг, насыщенный разговорами, знакомствами, манифестационными выступлениями, от которых рутинерам и ретроградам должно было икаться до тошноты. И когда Климов стал решительно прощаться (последним - все уже разошлись), длинные стрелки настенного актиквариата чуть-чуть не дотягивали до полуночи и охрипшая кукушка где-то там, за резной дверцей, вероятно, уже прихорашивалась перед выходом, как примадонна перед финальной сценой. О кукушке-примадонне Климов подумал, вставая с кресла. Мария, прижавшаяся к Теняеву (то ли невеста, то ли натурщица, то ли любовница, он уже не помнил, как представлял её художник), привсталала, готовая проводить гостя, однако Теняев буркнул «сиди», и непонятно было, к кому это относится: к ней, к Климову или, может быть, к притаившейся за деревянными створками кукушке.

На всякий случай Климов принял это на свой счёт.

- Пора, - сказал он. - Мне завтра на службу.

Теняев снял руку со спины Марии, уставился маленькими прозрачными глазками на Климова. Спросил сварливо:

- Ты мне не сказал - это шедевр?

Нос-клюква дернулся над жидкой, уже седеющей бородёнкой.

Климов в который раз уставился на холст, перегородивший мастерскую: там, за ним, стояли диван и книжный шкаф, забитый красками и кистями, там Теняев жил, а здесь, в обшарпанном кресле, в котором сейчас теснился с Марией, он думал. И эти «там» и «здесь» разделял сотворённый красками мир, напоминавший фантасмагории Босха, но у великого живописца на полотнах были люди и чудовища, а у Теняева - машины и люди: раздробленные, искорёженные, с масками лиц и осками машинных улыбок. Эти полулюди-полумеханизмы вызывали брезгливость и любопыт-

Денис Соколенко. Ход времени (триптих)

ство, порождали необъяснимый страх. В центре холста узнавалось лицо Марии, виновато-спокойное, сонное, насаженное на расплывчатый, ослепительно белый бюст, переходящий в чёрный ящик, прошитый шестернями, колёсиками, рычажками, и эти шестерни перемалывали младенца с лицом старика, похожим на самого Теняева...

- Талантливо, - сказал Климов. И тут выскочила кукушка, прокричала двенадцать раз и хлопнула дверцей. - Талантливо, но выставить её ты не сможешь.

Неожиданно Теняев поднялся, выхватил из вазы кисть, ткнул в палитру - в холст, в палитру - в холст... Обернулся.

- Притащится, куда она денется! Придёт эта шлюха и ко мне, она и поможет...

- Это он о славе, - пояснила Мария, пожимая плечами. - Вульгарные откровения...

- Ради святого искусства, не говори таким тоном! - Теняев бросил кисть.- Климов понимает истинное, он понимает, что я сотворил... - Он устало разгладил ладонью лицо. - Иди, Антоша, иди... - Зашёл за холст, там что-то загремело и послышался его раздражённый голос: - Мария, я не йог, чтобы спать на твоих бигуди, сколько раз просил не устраивать из ложа эшафот...

- Я попробую кое с кем поговорить, - неуверенно пообещал Климов. - Без надежды, но попробую...

Он поцеловал руку Марии, пошёл к выходу.

- Брось, Антон, - донеслось вслед. - Вспомнишь в мемуарах - и сочтёмся.

- Заходи,- сказала Мария, придерживав дверь. - Я вижу, ты ему бываешь нужнее меня.

Дверь хлопнула.

Лифт не работал.

Климов отгремел каблуками двенадцать этажей, будоража гулкую тишину, втянул свежий после дождя воздух - оказывается, это гроза грохотала, когда Теняев уверял, что гремят недра его «Апокалипсиса»!.. Сколько же они не виделись? Года полтора... нет, больше. Теняев раньше Климова перебрался в столицу, обжился, и когда Антона взяли в центральную газету - вначале собкором, а затем уже в штат, - Теняев стал для него поводырём в сложной путанице столичных взаимоотношений.

За то время, что не виделись, Теняев постарел, обрюзг, в нём появилась прочная уверенность в своём таланте. И этой уверенностью он порой бравировал, что нравилось женщинам: Климов почувствовал это по взглядам, которые бросали на художника сегодняшние посетительницы, источавшие восторги перед картиной опального художника.

Когда и по какой причине Теняев попал в опалу, Климов так и не разобрался: просто как-то враз о нём перестали писать. Сегодня Теняев пожал всем недругам своим забвения и предложил выпить за преодоление. «Я им ещё...» И тут же стал наставлять Климова, как ему не наступить на чью-нибудь почтенную мозоль: «Бди, Антоша, но упаси тебя, святое искусство, втянуться в их игру. Сгинешь, исчезнешь... Хотя, впрочем, ты и так уже под чужую дудку пляшешь...»

Этот укол Климов обошёл молчанием, предчувствуя, что выяснения могут подточить спокойствие его нынешней жизни, внести разрушающее начало в его благополучие, в его уверенность в том, что он на правильном пути... И «Апокалипсис» Теняева не только поразил его, но и вызвал раздражение, несогласие с пессимизмом художника: отрицание должно быть конструктивным. Теняев же только отвергал.

Надо бы разобраться, что к чему, подумал Климов и в этот момент увидел зелёный огонёк такси.

Выбежав на проезжую часть, тормознул машину, сел, назвал адрес.

Покачиваясь в полутёмном, движущемся уюте, собирая рассыпающиеся мысли, Климов пытался понять: полезна или бесполезна (вредна?!) эта карти-

на обществу? Стоит ли из-за неё ломать копья? Но так ничего и не надумав, решил: поговорю с Лакшиной, она-то в курсе, художники - её вотчина.

Уже придя домой, он окончательно оставил эти размышления на потом, сбросил туфли, достал из холодильника грушевый сок и со стаканом в руке прошёл в комнату к зазвонившему телефону.

- Наконец, - услышал Климов хрипловатый голос Маргариты. - Где ты был весь вечер?

- Ходил в гости... А ты звонила?

- Ты что, пьян?

- Нет, в норме.

Маргарита помолчала.

- Обижаешься? - спросил он.

- Я сейчас приеду.

Он подержал гудящую трубку, залпом выпил сок и пошёл в ванную, позавидовав Козлову, который давно уже спит в гостиничном номере южного курортного городка. Когда-то Климов чувствовал себя виноватым перед ним, но Маргарита убедила, что никто, кроме самого Козлова, не виноват в её изменах...

...Она открыла дверь своим ключом. Заглянула в ванную, внимательно оглядела Климова, подождала, пока он уберёт лицо из-под струек душа.

- Голодный? - поинтересовалась неожиданно ласковым голосом, и Климов догадался, что она соскучилась. - Я тут прихватила кое-что, сейчас соображу обед для полуночников.

- Минуты три, и я буду готов, - сказал Антон.

Он знал, что сейчас она сбросит с журнального столика газеты, недочитанного Маркеса и перегнутую книжку «Нового мира» с «Мирозданием по Дымкову», вещь сложной и необычной (полезна, вредна?), выставит свои припасы - а в сервировке Маргарита знает толк, застелит постель...

...Уже потом, когда простыни были смяты и Климов равнодушно жевал что-то, принесённое Маргаритой, послушно слизывая с её узкой ладошки то, что она подавала, мысль вернулась к теняевской картине. Климов подумал, что в «Апокалипсисе» не хватает образа этой женщины... А может быть, Теняеву не хватает Маргариты, а Маргарите - Теняева, чтобы машинотела закипели страстью, чтобы картина закричала...

- Не думай ты о Козлове. - Маргарита надкусила яблоко. - Он сейчас счастлив, что меня нет рядом. Найдёт себе бабу попроще, чтобы внимала и восторгалась, уж своего муженька я знаю лучше, чем кто-либо. Ему главное, чтобы его боготворили... А я сама богиня. Этим миром правят женщины, и я одна из вершащих судьбы.

- Что ты делала, если бы Козлов был... обыкновенным, рядовым сотрудником газеты?

- Нашла бы другого. Есть женщины-матери, жёны, актрисы, а я вот - из женщин-политиков.

- Неблагодарная закулисная роль...

- Мне не нравится, мой милый, как ты это говоришь. Кстати, с кем ты сегодня провёл время?

- Был в гостях у старого знакомого.

- Мужчина?

- Это допрос?

- Нет, конечно. - Маргарита опустила ноги на тигровую шкуру, единственную вещь из далёкого и счастливого климовского прошлого (в тот год, когда родилась Оля, Климов делал серию очерков о тигроловах, месяц шлялся с ними по дальневосточной тайге). - Раньше ты таким тоном со мной не говорил... - Она закурила.

- Каким, Рита? - Климов приподнялся. - Ты не в настроении сегодня?

- Не в этом дело... Ты уже давно мне не звонишь, не ждёшь по вечерам, даже когда Козлов уезжает в командировку... Что хорошего ты нашёл в этой девчонке?

- Перестань накручивать, я ни в ком ничего не нашёл.

- Не юли, Климов, вся редакция сплетничает об этом... Между прочим, ты будешь у неё четвёртым, так что не обольщайся.

У кого? - произнёс Климов с улыбкой.

- Перестань. - Она раздражённо погасила сигарету. - Я не люблю лицемеров.

Он поймал её сердитые губы и поцеловал, не обращая внимания на её сопротивление, пока она сама не обхватила его шею, вновь становясь той сумасшедшей Маргаритой, которая полтора года назад вернула его к жизни и которая знала о нём больше, чем кто-либо...

Он наслаждался податливостью её горячего тела, и когда она приникла к его плечу, он всё ещё любил её. И жалел.

- Поспим, - сказал он. - Скоро уже утро.

Она промолчала.

Климов выключил торшер.

- Засыпай, девочка...

- Климов, - сказала после паузы Маргарита. - Я никогда не отдаю то, что мне дорого. Оставь в покое Звягинцеву, иначе у тебя будут неприятности...

Он ничего не ответил.

...Климов проспал, что сулило ему неприятности: Силин уже наверняка его разыскивает.

- Не суетись, - сказала Маргарита, заставляя его позавтракать. - Я сейчас позвоню, и мучиться будет он, а не ты.

Она набрала номер.

- Не узнаёшь, Вадик?

Климов представил угрюмого заведующего отделом Силина в его стерильном кабинете с задёрнутыми шторами, в чёрных шёлковых нарукав-

никах, оторвавшегося от гранок, материалов, разноцветных фломастеров, пережёвывающего ответную реплику...

- Маргарита Леонтьевна? Я очень рад, очень...

- Ну-ну, только без объяснений, я ведь знаю, что ты верен мне...

- Платоническая любовь вечна, - со вздохом произнёс Силин, и Климов постучал пальцем по часам, показывая Маргарите, что время идёт, но она властно указала ему рукой на табурет.

- Разве? - В голосе Маргариты зазвучало кокетство, но её лицо выражало скуку. Она отставила трубку, приблизилась к зеркалу, пригладила мизинцем бровь. - Я слышу тебя, Вадик, я слышу, ты продолжай...

Климов шагнул к двери, но Маргарита задержала, прижав плечом трубку, поправила ему галстук, подняла голову, заставляя поцеловать, и он коснулся губами её щеки, слыша неожиданно заискивающий голос Силина:

- Ты же знаешь, я твой верный раб до конца дней, если бы...

- Да, Вадя, если бы... Но, как видишь, никто, кроме меня, о твоих грехах не знает и ничто тебе не грозит, - многозначительно произнесла Маргарита. - Не в службу, а в дружбу, я с утра приболела, а тут как раз Климов звонил, я его в аптеку отправила, так что не выговаривай ему за опоздание.

- Дай ему трубочку, - после паузы произнёс Силин.

- Как же я ему дам? - неподдельно удивилась Маргарита. - Он ещё не пришёл.

- Я на него чертовски зол: материал в номер, а у него тут накручено...

- Козлов считает, что он пишет прекрасно, - директивно произнесла Маргарита. - Относись к нему заботливее. Ты это умеешь, если нужно... Договорились? -

Положила трубку.

- Всё, милый мой, твоё начальство нейтрализовано, а со своим я справлюсь чуть позже. Ты доволен мною?

Она прищурила глаза, и Климов торопливо поцеловал её. Подхватил портфель.

- Ты останешься здесь?

- Нет, милый, твоя холостяцкая квартира меня угнетает...

Силин протянул статью, разрисованную фломастерами.

- Отдай в корректуру, - сухо сказал он. - И оформляй командировку.

- Куда?

- В Калининград.

Климов вздохнул. Сдержал себя.

- В Калининград я не могу...

Силин снизу вверх оглядел его:

- Ах да, я запамятовал, ты боишься воды. Лети тогда в Сибирь, куда хочешь... Нужен очерк о героизме.

- Наобум?

- Созвонись, найди адрес... - Силин опять уткнулся в гранки. - А в Калининграде прекрасный факт, между прочим: спасение рыбаков.

- Я понял, Вадим Максимович... Так куда мне ехать?

- Я же сказал...

По пути в отдел Климов заглянул в секретариат.

Постоял у вывешенных на стене полос завтрашнего номера, черновых оттисков, с белыми окнами будущих снимков, с тут и там торчащими «хвостами» правки или зияющими пустотами (о, если бы читатель, который развернёт завтра свежий, пахнувший краской номер газеты, видел её сегодня!). Прикинул, как будет смотреться его статья завтра, привлечёт ли она внимание, сколько человек прочтут её и, может быть, подумают (с благодарностью или с раздражением) об авторе. Впрочем, как подумают, это не столь важно. Главное, чтобы прочитали до последней строчки. Чтобы нашли в ней честный ответ на тот или иной не дающий покоя вопрос...

И не мнение Козлова главное, думал Климов, набирая номер своего домашнего телефона. Гораздо приятнее слышать ссылку на твои мысли в разговорах незнакомых людей...

Телефон не отвечал. Маргарита ушла, а он хотел сообщить ей о командировке и, может быть, даже услышать совет: Маргарита была в курсе всех редакционных дел, даже когда Козлов куда-либо уезжал.

Вошла Звягинцева. Улыбнулась, как всегда жизнерадостная, понимающая свою силу над ним и нередко злоупотребляющая ею (Климов знал это), и тут же, почувствовав его настроение, участливо спросила:

- Неприятности?

- Преддверие, - усмехнулся он.

- А что случилось?

- Шучу, Лерочка, всё прекрасно. Лечу в командировку, за героизмом... Скучать буду без тебя. - Он посмотрел ей в глаза.

- И куда же? - Валерия откинула голову, выдержала его взгляд, и Климов уже веселее ответил:

- Велено с глаз долой...

- Ну, это не задача, а так... Полетим вместе?

- Неплохая идея... А куда?

Зазвонил телефон.

- Поговори, - сказала Валерия.

- Слушаю, Климов, - произнёс он в трубку.

- Как головка, Антоша, паршиво?

Климов узнал голос Теняева.

- А у тебя?

- Я в норме, брат, в Риге.

Климов не понял.

- В ресторане, что ли, с утра?

Теняев хохотнул.

- Маша, он не верит... Может, ты ему объяснишь...

- Здравствуйте, Антон, - услышал он женский голос. - Кирилл вас не разыгрывает, мы действительно в Риге. Ночью этот сумасшедший насильно посадил меня в самолёт, и вот мы здесь...

- Поверил?! - крикнул Теняев. - Святое искусство, ночью мои персонажи взбунтовались, хотели растерзать меня, и вот мы с Марией сбежали... Я подозреваю, что у них там великий шабаш, поэтому, когда пойдёшь закрывать мастерскую - я по этому поводу и звоню, брат, мы в панике забыли захлопнуть дверь, - будь осторожен. Ты же знаешь, среди моих творений есть такие премерзкие типы...

- Не пей с утра, - вздохнул Климов. - А то действительно допьёшься до чёртиков.

- Маша, он не верит, - по-детски обиделся Теняев. - Жалкий прагматик...

- Ты добьёшься, что я не закрою твою мастерскую, - возмутился Климов.

- И чёрт с тобой, - буркнул Теняев. - Но будет очень обидно, если воры окажутся подданными иного государства и достояние нации уплывёт за рубеж. Подумай об этом, брат мой... И живи.

Климов положил трубку, повернулся к Валерии.

- Куда же мы летим?

- На Тихий океан...

Что все сегодня сговорились меня мучить, подумал Климов и сухо произнёс:

- Придётся тебе одной...

- Тогда в Забайкалье, - торопливо сказала Валерия. - Извини, Антон, я забыла.

И эти слова, и обращение по имени прозвучали неожиданно.

Климов поднял глаза: лицо Валерии выражало вину.

- А как начальство отреагирует, если мы полетим вдвоём? - осторожно спросил Климов.

Шуточный разговор оборачивался реальностью.

- Это я беру на себя, - Валерия поднялась. - Спасибо, Антон, - неожиданно поблагодарила и быстро вышла.

Климов пододвинул пепельницу, закурил, всё ещё не веря, не надеясь, что, может быть, это и есть начало счастья, о котором он уже перестал мечтать. И вдруг с новой силой всколыхнулось забытое волнение, испытанное им при знакомстве с Валерией. Остолбеневший от её сходства со Светланой, он кинулся сломя голову ухаживать за Валерией, надеясь обмануть память, и это ему почти удалось. Она была так похожа на жену... Лицом, манерами, даже характером - то взбалмошным, то завораживающе мягким.

- Привет, - заглянул в кабинет корреспондент Сергейчик. - Леры не было?

- Звягинцевой? - переспросил он. - Была, только что...

- А куда исчезла, не в курсе?

- Командировки пошла оформлять.
- Отлично. Мы решили на недельку смотаться на Каспий. Я о нефтяниках очеркишко сооружу, Валерия народные таланты поищет...
- Лакшину не видел? - перебил Климов, догадываясь, что или он, или этот молодой уверенный парень в ближайшем будущем останется в дураках.
- Только что кофе пили. Пошла к себе.
- Ясно. - Климов пропустил вперед Сергейчика, закрыл кабинет. - Извини, у меня дело...

Надежде Илларионовне Лакшиной было за пятьдесят, но точно её возраста никто не знал. Лакшина все годы, которые работала в редакции, ходила в брюках и мужских рубашках.

Отдел был передовым уже много лет, Лакшина знала дела и заботы творческой интеллигенции едва ли не лучше, чем сами художники, литераторы, музыканты, актёры... Нет-нет да и проносились по редакционным коридорам новость о том, что она в очередной раз поставила на место заместителя или даже главного редактора, позволившего себе настаивать на актуальности той или иной темы, которая, по мнению Лакшиной, давно уже не была актуальной.

Знакомясь с новыми сотрудниками, Лакшина без кокетства представлялась Надей и на визитке её, что в своё время вызвало немало пересудов, отчество тоже отсутствовало. «Не надо сваливать на других груз собственных лет», - говорила она.

Климов поздоровался, опустился в кресло напротив стола.

- Я был вчера в гостях у Теняева.

Лакшина выжидающе посмотрела на него.

- Видел последние работы, - торопливо сказал он. - Это не халтура...

- Ты дружен с ним или праздно любопытствуешь?

- Мы знакомы с юности.

- Не отрёкся, значит... Он слишком рано начал писать талантливые вещи. Кстати, это относится не только к нему. Столица любит провинциалов, как барин деревенскую девку. Мило наблюдать её непорочную чистоту, румянец и потешные потуги сравняться с признанными. Но стоит простушке приобрести манеры красавицы и стать независимой, как покровители, не сговариваясь, начинают скорбеть о потерянной простоте, в которой-то, оказывается, и таился талант... Пока его картины оттеняли полотна великих, служили фоном - он всех устраивал. А потом он имел смелость выставить «Автопортрет века»... И что же ты видел?

- «Апокалипсис», - сказал Климов.

- Ну, это же претенциозно... А Теняев не Илья Глазунов, чтобы позволить себе считаться с мнением только тех людей, которым он верит. Впрочем, название - дело поправимое. Обещать ничего не могу... Надо посмотреть.

- Можно сегодня, - предложил он. - Теняев улетел в Ригу, забыл запретить мастерскую, просил меня. Я после работы поеду.

- Сегодня? - Лакшина взглянула на календарь. - Ну что же, устраивает.

- Я зайду за вами.

Лакшина кивнула.

...К концу рабочего дня Валерия принесла командировки. Она принесла их, как гонец победы радостное известие. Подставила щеку для поцелуя, и этот жест, и растерянное лицо Сергейчика, вошедшего следом, были возвращением, казалось, к безвозвратно утерянному.

- Чита устраивает? - спросила она.

- Вполне... Пойду доложу Силину.

- Он знает, - остановила его Валерия. - Сходи, получи командировочные.

Сергейчик полистал «Литературку», лежащую на столе Климова, не скрывая обиды, произнёс:

- Лера, надо было сказать, что у меня тоже есть тема в Забайкалье, полетели бы втроём.

- Николенька, начальству виднее. Я так хотела на море, но срочное задание... - Звягинцева бросила заговорщицкий взгляд на Климова.

- Ну ладно, коллеги, я вас оставляю, - сказал Сергейчик. - И, как договорились, Валерия, жду в шесть, билеты будут.

Звягинцева вздохнула.

- Ты извини, никак не могу. Так хотелось посмотреть этот спектакль, но завтра лететь, надо собраться, настроиться... Пригласи Татьяну.

- Благодарю за совет, - с иронией сказал Сергейчик и вышел, демонстративно плотно прикрыв дверь.

- Ты доволен? - Звягинцева положила руки на плечи Климову. - Я правильно поступила?

И он подумал, что это уже было, что они уже так стояли, заблудившись в глазах друг друга.

- Мне не нравится, что он зовёт тебя Лерой, - сказал Климов.

- Он больше не будет.

Климов провёл ладонью по её щеке, и тут вошла Лакшина. Деликатно отводя взгляд, прошла к окну, из которого видны были грязные крыши старинных особняков и отблёскивающие окна стоящей за ними многоэтажки.

- Так мы идём, Антон?

- Да, да, идём, - Климов стал убирать стол. - Валерия тоже хотела посмотреть. Ничего, если она пойдёт с нами?

- Милые мои, это ваше дело...

Они спустились вниз, вышли на улицу. Лакшина стремительно пошла вперёд, а Валерия, прижавшись к Климову, спросила:

- А куда мы идём? И что я так жаждала посмотреть?

- Это недалеко, - прошептал Климов. И поднял руку, останавливая такси.

...Мастерская действительно оказалась открытой, и всё в ней было так, словно хозяева на минутку отлучились: брошенная на палитре кисть, раскрытый флакон с лаком, плед, свернувшийся в кресле. Лакшина встала перед «Апокалипсисом», повелительно протянула руку. Климов догадливо подал ей сигарету, поднёс зажигалку.

- Знаете ли, молодые люди, какое общество, по мнению социологов, можно считать прогрессивным? - говорила она, переходя с одного места на другое и вновь замирая. - Общество, которое делает ставку на достоинство, силу и значимость каждого человека, поощряет людей к активной деятельности, гарантирует свободу от насилия... Хорошо то общество, которое ценит людей, способных принимать решения и отвечать за свои поступки, умеющих воспитывать детей и самостоятельно мыслить...

Лакшина опустила в кресло, в котором вчера вечером сидели Теняев с Марией.

- Мыслить он умеет. Однако название традиционнее того, что здесь изображено. Не так ли, Валерия?

- О да, - восторженно отозвалась та.

Она стояла под часами с кукушкой, и Климов почему-то подумал, что вот сейчас, задолго до урочного часа, распахнётся дверца и кукушка откукует не семь и не двенадцать, а столько раз, сколько лет им суждено прожить с Валерией. Но часы мерно тикали, кукушка не появлялась, и он не знал, что делать дальше, понимая, что выпал из разговора - Лакшина неизвестно почему выбрала в собеседницы Валерию.

- Он стал раскованнее, - вслух размышляла Лакшина. - И злее... И уже не думает, как писать... Валерия, вы узнали себя?..

Климов вздрогнул, удивлённо посмотрел на Лакшину, на Валерию и впился взглядом в картину, но в искажённых, кричащих и беззвучных, словно маски, ликах «Апокалипсиса» не увидел ничего, что напоминало бы лицо Валерии. Вновь обвёл взглядом лица, заполнившие холст сверху донизу, и вдруг встретился с отстранённо-нежным взглядом знакомых глаз... Это были глаза его жены! Он подавил возглас удивления, поражаясь, почему не увидел это вчера, и сделал шаг вперёд...

- Вот и Антон увидел.

Лакшина, прищурившись, смотрела на Климова, и он очнулся.

- Ну что же, мои молодые друзья, - сказала Лакшина, - что в моих силах, я сделаю. Но не всё в моих силах.

Она поднялась, пересекла мастерскую и, не прощаясь, вышла.

Валерия подняла вопрошающий взгляд на Климова, и он не увидел привычной независимости: вся её фигура, лицо выражали ожидание и беззащитность...

НА БЕЛОМ В СИНЕМ ОТДОХНУТЬ ПРИСЕЛА

*Парящих жаворонков выше,
Я в небе отдохнуть присел, -
На самом гребне перевала.
Мацуо Басё*

Я в небе синем отдохнуть присела
На облачке. Меня лебяжий пух
Окутал лёгким, нежным, снежно-белым,
И успокоился мой беспокойный дух.

И вновь душа моя была младенцем,
Купаясь в этой пене кружевной.
И радуга узорным полотенцем
Свисала, улыбаясь, надо мной.

А облачко снижалось постепенно
И на горе, видневшейся вдали,
На свежих оказавшись копнах сена,
Припало к груди Матери-земли.

Взгляд младенца, радостный и чистый -
Голубой доверчивый цветок.
А в теснине горной каменистой
Диким зверем мечется поток.

Для чего он на скале отвесной,
Тенью камня укрываем в зной,
По какой-то прихоти небесной,
Тот цветок означился земной?

Для чего с душою обнажённой,
Позабыв, что бесится поток,
Созерцаю я заворожённо,
Как смеётся крохотный цветок?

Бархатную нежную ладошку
Прижимаю бережно к губам.

Я тебя не позабуду, крошка,
Там, внизу, где грохот, шум и гам.

Как поток, шумит-гремит бетонка...
Жить не стоило б наверняка,
Если б в мире не было ребёнка,
Если б в мире не было цветка.

Прокричала, сбегая с крылечка:
- Если только забудешь - умру!..
...Золотое ромашки сердечко
Индевеет на знойном ветру.

И платочком девчонка не машет,
А подносит платочек к глазам...
Что седыми бывают ромашки,
Почему ей никто не сказал?

А сказал бы - послушала б разве?
Так хотелось ей верить в тот миг.
Где весны этой радостной праздник?
Холод в девичью душу проник.

И сердечко её золотое
Зазвучало прискорбно, как медь.
Словно это хоронят - святое,
И хотелось ему - умереть.

...Я спросила - никто не ответил,
Для чего, припадая к ногам
Белоснежек, всё носится ветер
По ромашковым знойным лугам.

ЯБЛОНЬКА

Она совсем ещё девчушка,
И разъединный плодик свой
Подняв над самою макушкой,
Гордится им, само собой.

Сынок ли это или дочка,
У яблонь разве различишь?

Надув румянянькие щёчки,
Смеётся радостно малыш!

А ветви-руки ещё тонки...
Как в мире выжить им вдвоём?
И с грустью я смотрю в сторонке
На счастье хрупкое её...

*Наталья Литосова.
Весна*

Как ангел, в белом, выйду за порог -
В машинный чад, и грохот, и шипенье, -
Сил испросив у всех святых для ног,
А для души измаянной - терпенья.

Акация! И ты бела - в цвету.
А меж бетона и стекла высоток
Плывут, поправ земную суету,
Воздушных замков облачных красоты.

И кажется, мир грешный наш прощён,
В нём можно обретаться без опаски.

Глянь, ласточки к нам ластятся ещё,
Младенцы улыбаются в колясках...

Мы кружимся в кругу забот и дел,
Нас точит безнадежность обречённых.
А белый свет при свете только бел,
Но мы ходить в очках привыкли чёрных.

Как выбраться из мрака и тревог?..
Пусть неопрятен этот мир и марок,
Я в белом - в белом! - вышла за порог
Подарком - дню, и день мне - как подарок.

Я построила Дом - заходи!
У огня моего посиди.
Мир тревогой и бурей объят,
Здесь покойно и тихо, мой брат.

Здесь лишь часики мерно стучат,
И луны заколдованный взгляд
Не смутит сновидений твоих.
Дом надёжен, покоен и тих.

Пусть в окно порывается вихрь,
Духов зла уклоняет мой стих.
И Жар-птица в камине моём
Озарённым трепещет крылом.

Пусть темно и беззвёздно кругом,
Полон света, тепла этот Дом,
Где ни крыши, ни стен, ни дверей -
Он в душе лишь бездомной моей.
Я ношу его всюду с собой -
Этот Дом.
Заходи, кто живой!

Проистекаю... Отсекаю
Все связки дел пустых и дружб.
Ведь где-то дышит глубь морская,
А здесь - лишь блюдца мелких луж.

Простор морской, простор небесный!
Пред ними мелкое не в счёт.

Что необъятно - интересно,
Что недоступно - то влечёт.

О, жизни нашей быстротечность!
Нам в ней иного не дано:
Одни впадают судьбы в Вечность,
Другим - болото суждено.

А чья - куда, неправомочен
Судить, пусть дожил до седин
Ты, брат. И это дело, точно,
Рассудит только Бог один.

Проистекаю и смекаю,
Что жизнь не всякая - обман.
Ведь где-то дышит глубь морская
И в высях - неба океан.

Не просила милости у Бога,
Чтоб в тепле мне сладко пить и есть,
Но прошу простым, как правда, слогом:
Боже, дай ты Родине процветать!

За её великие мытарства
И за храмы те, что на крови,
Светлое даруй России Царство,
Путь в веках её благослови!

Пусть воскресшей встанет из-под алой
Плащаницы сгаснувшей зари,
Поступью великой небывалой
Надели её Ты, одари!

Пусть к стопам её прихлынут воды
Вечные!
В венке из белых роз
Пусть идёт путём своим свободным -
По воде так шествовал Христос.

Пусть гадать потом народы будут,
Как из праха удалось восстать
Ей, поверженной?!..
А просто с верой в чудо
Ты всегда жила, Россия-мать!

В НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ

Художник Лунёв закончил картину к вечеру накануне Ивана Купалы. На живописном холсте были изображены один местный богатенький предприниматель и его пассия. Бизнесмен и дама сердца, как водится среди деловых людей, знающих счёт деньгам, были весьма привередливы. Заказчику хотелось, чтобы выглядел он суровым, мужественным и интеллигентным мужчиной, многое повидавшим в жизни и испытывавшим страшные удары судьбы, но, однако же, при том при всём, с честью преодолевшим все испытания лихой фортуны. Мол, сей достойнейший муж сохранил, невзирая на страдания и несправедливости, нежные чувства, надёжно упрятанные от посторонних нескромных взоров в глубине его почти бездонной души, уберёг благородство натуры, недюжинный интеллект и возвышенную духовность.

Ей, конечно же, по нраву было выглядеть красивой, моложавой, умной, незаурядной и тонко чувствующей женщиной с проникновенными тёмно-синими глазами, пожертвовавшей своей карьерой и множеством несомненных талантов во имя успеха своего благоверного, так и не понявшего до конца, какой чистой воды бриллиант он обрёл в её лице.

...Лунёв месяца три мучался и никак не мог завершить работу над полотном. Всякий раз, выслушивая очередные пожелания пары, его намётанный глаз улавливал в манере держаться признаки надвигающегося разлада и взаимной пресыщенности. Видать, под покровом внешней сдержанности и немногословности дамы и её кавалера давно тлел огонёк какого-то нестроения, кололи колючки капризов и претензий, будто давала знать о себе редкими, едва слышными щелчками щербинка, появившаяся в колёсике прежде слаженного механизма. То главному герою казалось, что в его образ следует добавить скрытой иронии, придающей характеру внутреннюю силу и возвышающую его над окружающим миром и, в особенности, над капризной дамой сердца. То его спутнице виделось, что недостает ари-

Алла Чемсо. Наедине с Тицианом

стократизма в изображении небрежно наброшенного на голые плечи белоснежного боа из песка. А в другое посещение само боа казалось ей не вполне песцовым и чуть ли не похожим на какого-нибудь «мексиканского тушкана». Или, что вообще обожатель глядит на неё без подобающего, по выразительности, восхищения. Впрочем, одно желание, видимо, у них было единым и не вызывающим споров. Сам факт заказа и обретения живописной картины, надо полагать, должен был свидетельствовать о сопричастности её будущих владельцев ко всякого рода «культур-мультиур».

Времени для позирования у заказчиков, естественно, никогда не доставало. Когда же к очередному смотру произведения, казалось, все пожелания

были исполнены, вновь обнаруживалась деталь, никак не устраивающая одну из сторон двойного портрета в интерьере. Интерьером, собственно, оказался не живописный будуар в особняке бизнесмена, а сама жизнь. Новый день приносил новые настроения: ссору, охлаждение, обострение борьбы за свои права и свободу между двух людей, заключивших добровольный союз, или, наоборот, ренессанс чувственной тяги друг к другу и лёгкий всплеск взаимного интереса, а порой - тягостное равнодушие друг к другу и тоску по чему-нибудь новому и ещё непознанному. Лунёв поневоле оказался в роли свидетеля эволюции отношений и своего рода семейного психолога. Правда, без права высказывать мнение или вообще замечать нюансы в душевных движениях героев, в тонкой ткани их противоборства. Он скорее стал полем, местом сретений, обрамлением и поводом для очередного выяснения диспозиции между сторонами, для определения актуальной ситуации на момент времени и до следующего раза. Сам же он в этом смысле, конечно же, их не интересовал. Словом, Лунёв извёлся в бесконечных переделках, подмазках и в ожидании обещанного гонорара. Эта ходка визитёров, как было обещано, должна стать последней, и автор картины очень надеялся, что сможет, наконец-то, сбросить с плеч груз своего нового творения и вместе с ним тягомотину из мыльной оперы чьих-то бесконечных житейских перипетий. Он уже почти ненавидел эту пару с её бесконечными рефлексиями и, так сказать, мирным сосуществованием, оставившим после очередного визита ощущение внутреннего дискомфорта и желание напиться водки до беспамятства.

Нет, нельзя сказать, что они были глупые или плохие люди. Они были не лучше и не хуже, нежели подавляющее большинство им подобным. Он ведь удачливый предприниматель, по-своему трудяга на торговом поприще, вполне смыслённый для того, чтобы прилично заработать на собственную старость. Без бандитизма и прочего явного преступления закона. Она - симпатичная женщина, стремящаяся соответствовать своим представлениям о высшем свете и где-то по сугубо женскому наитию понимающая, что эти её представления отнюдь не вполне совпадают с реальным образом истинного аристократизма. Ибо для уяснения этого самого образа одних денег совершенно недостаточно. В общем, любой человек, не испытывающий ненависти к роду людскому, совсем не посчитал бы зазорным знакомство с ними. Не было оно зазорным и для Лунёва. Его тяготило другое: он и сам себя всё более начинал ощущать простым исполнителем чьей-то прихоти, своеобразным бизнесменом от живописи, торгующим своим мастерством, так как он мог себе позволить лишь изредка тратить своё время и вдохновение на то, что влекло по-настоящему. И такие случаи приходили всё реже и реже. Жизнь вращалась в бешеной круговерти. Всё меньше являлось поводов, чтобы утверждать в себе верность главному девизу жизни, вычитанному у француза Жан-Жака Руссо: истинная свобода состоит не в том, что ты делаешь всё, что хочешь делать, но в том, что не делаешь того, чего делать не хо-

чешь. Эта парочка, впрочем, не только она, постоянно напоминала о несвободе, навязывающей свои правила и законы. Неволья всё больше подчиняла Лунёва и давила тяжким грузом будних обязанностей. Она словно издевалась над смыслом высокого вдохновения и ежедневно давала понять, что сегодня есть только один выбор - либо вдохновение с малопривлекательной перспективой жизни на помойке, либо торговля тем, что приносит ремесло, терпеливое следование капризам заказчиков и, следовательно, достаточно сносно устроенный быт, минимальные средства на содержание семейства, на образование для малолетнего сына, а также на редкие удовольствия, какие для среднестатистического горожанина прибалтийской столицы предлагает рыночная (будь она неладна!) «индустрия развлечений».

...Жена с сыном куда-то на родительские огороды подались. По случаю нерабочего дня с близкими пообщаться да сына к гоголевской сказке приобщить на Ивана Купалу. Не страхами, а чудесами отмеченной. К тому же, весь народ сыт и незлобиво гуляет по случаю древнего праздника. Но от того, что остался один, не возникало чувства оставленности. Супруга-таки понятлива, чувствует, когда ему одному побыть надо. С самим собой. Не в том смысле, чтобы закончить очередную работу. А просто так - одному. Соприкоснуться со своим сокровенным. Ведь человек только и живет, что рядом с кем-то. Иного не дано. Без другого человека, без напарника певчего - гибнет, однако же, кажущийся парадокс, умирает человек всегда в одиночку. Такова его, человека, природа, чтобы жить вместе с другими, а уходить из этого мира и становиться перед бесконечным - совершенно одному. И только - одному. Лицом к лицу с собой, хочется сказать, да не получается. Скорее, лицом к тому, чего не ведаёт ни-кто из нас. Но ведь чтобы обрести смелость всматриваться в бесконечность, неизбежно ожидающую всякого сущего, нужно иметь хоть какую-то возможность оставаться наедине с самим собой. Чтобы быть среди людей самым собой. Потому, что тут не соврётся, когда сам перед собой стоишь. Чего врать-то самому себе. Хочешь, не хочешь, но из презрения ко лжи начнёшь отстаивать для себя право говорить и делать то, что считаешь правильным, верным. Пусть не претендующим на истину, но честным пониманием самого себя. Без лукавой мысли, что когда-нибудь кем-то зачтётся, ежели там, на другой, на неведомой никому стороне Вечной реки есть нечто, чему верится и не верится, есть нечто нашему, человеческому, недоступное. Порой верится, так сказать, на всякий случай. Иные люди в церковь-то ходят на этот «всякий случай». А вдруг Бог-таки есть...

Жизнь требует средств. А средства, по странному стечению обстоятельств, - это деньги, бумажный шелест. Незавидна судьба художника - хочется правды, но жизнь - удивительно полосатая штука. Она всё время нашептывает Лунёву, что без разноцветных банкнот и цветометаллических

железяк никак не прожить. Но, брось человека на необитаемый остров и пошли ему сундук с банкнотами, и новоявленный Робинзон Крузо вззовет от безысходности. Ну-ка, попробуй-ка сварить из каких-нибудь там долларов суп или кашу. Хоть зелёную похлебку, хоть какую другую. Никакого толку от такого варева не будет. Или сшей-ка себе какую-никакую одежду из листов бумаги с мудреными водяными знаками. И шагу не ступишь, чтобы не утерять кусок из такой «ткани». Стало быть, в одиночку, на том же необитаемом острове, денежка не нужна. Что же тут говорить о бесконечности пространства. Однако же обойдись без них среди людей... Тут важно время, такое сугубо человеческое изобретение. Деньги нужны только тогда, когда есть время, как человеческое измерение. Эдакая вещица, нужная только для человека.

Эх, заела бытовуха! Где там до портрета какого-то безымянного «некто», чтобы и заработать на труде ежедневном, и себе не соврать. Совместить страсти человеческие, сегодняшние, и чтобы потомкам плевать было, собственно, на персонажей, а чтобы отмечали они лишь мастерскую руку художника. Потому что она, рука, и её письмо как бы вне времени быть должны.

М-да, сверхзадача. Леонардо да Винчи с русскими иконописцами могут примером послужить. На самом деле, больше никто. Да Винчи даже меньше, чем Рублёв. Итальянец себя до умопомрачительных тонкостей видит, а Рублёв, разглядев своё внутреннее, пять лет обет молчания держал. Мол, с людьми говорить ему не о чём. Тем не менее, сколь светло, радостно они, его творения, звучат в цвете. Вернулся к людям. Не Бог, но художник, совершивший подвиг возвращения из любви к ним, к человекам. Богу неведом героизм. Человек это знает. Героизм, на самом деле, жертвенность человеческая. Насколько же нужно быть безответственным ко всему тому, что сопровождает человека при жизни, чтобы совершать героические поступки во имя жизни неизвестных собратьев по разуму? Безответственным - значит, тут, быть сверхответственным?

Героизм, стало быть, являет собой апофеоз безответственности? По крайней мере, перед близкими своими - да. Но разве земная Мария, отдав своего Сына на растерзание, не оказалась превыше всех героев земных? И не претворилась она в Высшее? Есть предвосхищение желания переступить время. Есть энергия созидания. Созидания истинного прощения. Она, Мария, стала вечной. Вне наших измерений. Оттого и Богородицей стала. Тем временем, чего от меня, художника, ждут эти люди? Почему эти ожидания так противоречат моей сегодняшней потребности иметь кусок хлеба? Кто посмеет бросить в меня камень из-за моего желания иметь земные отрады и блага... Иной раз мне хочется послать ..., ну, очень далеко, всех, кто меня окружает, даже самых близких моих, тем более советчиков, но я знаю, что, будучи здесь, на земле, на почве, я не увижу ничего иного, нежели я увидел до сих пор, и понимаю, что моё всё это есть неизбежность.

Я - в бытии, а не в представлении о нём. Нужно, просто, обрести достоинство. В возрастании. Оно, достоинство, есть только моё. Ценность, по рождению в образе Господа, мы имеем все. Приобретаемое качество, исключительно обретаемое, - это достоинство. Как прожил жизнь свою - таково и достоинство твоё.

...Итак, владельцы последнего портрета в интерьере остались довольны. Уж в этом Лунёв был уверен. Благодаря компромиссам, которые, по таким поводам, обычно исключаются. Порой, в лихорадочных ощущениях своих, он боялся совсем не «потом» возникающих недовольств и придиорок. Он страшился того неведомого, что может неожиданно выплеснуть из его сердца горячей волной лютого неприятия всего, что его заставляло жить так, а не иначе. Как иначе? Да без того, чтобы подлаживаться, ложиться, так сказать, под банкнотный «листопад», под то, что представлялось в его воображении непереносимо гадким, под мерзость угодничества перед властью, сейчас, пожалуй, всемерною, то есть без того, чтобы пасовать перед властью чистогана, перед тем, что всегда имело над Лунёвым всего лишь ничтожную, по сути своей, силу.

На автостоянке, что невдалеке от квартиры и мастерской, как-то давно он цапнулся с владельцем шикарного внедорожника «Лексуса». Тот, молодой ещё парень, в недавние годы удачливо притульнулся к жадному до умопомрачения бизнесмену, но извертелся-таки накопить приличный капиталец, чтобы уйти в то, что называется «своим делом». Купил пару магазинов, вложил ещё по недвижимости куда-то и приумножил капитал... Обрёл ощущение полноты своей жизни и якобы право на презрение ко всему, что не имеет существенной материальной ценности. ...Хамит тот владелец «Лексуса». Ох, хамит. Говорил же ему Лунёв, чтоб аккуратнее выставлял свою тачку в положенный квадрат разметки. А он прихватывает ещё кусок чужой парковки. По небрежности, ибо - «хозяин жизни». На других людей ему просто плевать. «Ах ты урод, окаянный», - досадливо говорил про себя Лунёв, в очередной раз едва втискивая на стоянку свою выдавшуюся виды «тойоту».

Сегодня - день почти счастливый. Господа остались довольны результатом переделок. Пожалуй, у них временно ладилось. Главное - осталось получить своё вознаграждение. Счёт они приняли нарочито равнодушно и ушли восвояси, пообещав забрать портрет через пару дней. Видимо, предвосхищали прелести тёплого вечера накануне Иванова дня - с кострами, шашлыками и изысканным вином «Алазанская долина» где-нибудь на лужайке перед особнячком и самой возможностью пообщаться единомышленниками, с благосклонным выслушиванием ловких восхищений в собственный адрес по поводу «столь красивой и удачно сложенной пары».

Лунёв ляпнул кистью по палитре с красками. Но нанести на полотно нужный мазок так и не смог. Рука застыла в движении и дальше отказывалась повиноваться. Он внезапно ощутил, что его накрывает волна какой-то страшной, дикой ярости от протеста к тому, что вынужден делать во имя «желудка», чего даже чуток испугался. Вспомнилось, что совсем недавно столь же круто осерчал на какой-то ненужный, глупый телефонный звонок, вспыхнул неистово, совсем не подобающе солидному художнику не мальчишеских лет, рассердился, можно сказать, люто, хотя сама по себе ситуация отнюдь не заслуживала этой вспышки. Такое бывает, когда отрывают от какого-то чрезвычайно важного и неотложного дела, которое надо совершить сиюминутно и никак иначе. Как только он положил телефонную трубку на рычажок, так и грохнул тренированным кулаком по столу и про себя, шёпотом, но с отяжкой, от всего сердца, со смаком матернулся. Душу его на мгновение заполнила только одна суровая гроза, всплеск, силой, как ему представилось, во много раз большей всяких децибелов и прочих механических колебаний. Конечно же, Лунёв знал, что такое состояние продлится лишь миг и этого мига не хватит, чтобы исполнить того, что в голове мстительно промелькнуло как в адрес звонившего, так и ко всему вокруг него, что ему, казалось, могло помешать. Хотя, если бы в сию же секунду весь его гнев нашёл воплощение, то, наверное, мир того же мгновения испепелился. Так-то мечтает злобствующий, обездоленный человек, чтоб отомстить конкретному, часто воображаемому врагу через гибель всего человечества. Мол, оно, человечество, пусть гибнет, главное, чтобы вместе с ним и известный недруг сгинул. Мол, тогда - наверняка. В общем, хлопнул по столешнице. Переносной компьютер вдруг замер в экранном мерцании. Экран вспыхнул искусственной яркостью и потух. Намертво. Уж потом, когда Лунёв оббежал с десятков мастеров-ремонтников, один мастак, из местных армян, объяснил, что материнская плата в компьютере не просто пробита в какой-то точке или пайке, но таки напрочь сгорела и оплавилась. Почти целиком. Армянин этот оказался необычным знатоком, ибо в электронике был почти гением, хотя и в привычном для армян торговом деле - совершенной бездарностью.

Бликом вспомнилось Лунёву из рассказанного одним русским интеллектуалом, занятым очередной предвыборной кампаний какой-то партии. Тот парень как-то тоже тихо высказал про себя, мягко говоря, неудовольствие, но выплеснул непотребство от всего сердца, да и компьютер принялся чудить. Машина несла всякую ахинею - перегружай или не перегружай. До тех пор, пока Серж, приятель разгневанного сочинителя, не прервал долгую паузу наблюдения, мол, шёл бы ты отсюда подальше к «фене» или по «фене». Интеллектуал метнулся в соседнюю комнату, а невозмутимый

Серёга всё исполнил на экране электронного «сороботника» без сучка и задоринки.

Лунёву тогда отчётливо представилось, что человек способен физически или механически, самоличной силой энергии, выплеском своей эмоции буквально убивать электронику. Ему даже стало приятно от осознания такой своей магической мощи. Мелькнула шаловливая до абсурдности мыслишка по поводу цирковой карьеры, где, казалось бы, денег много, а работы совсем ничтожно. Ибо от природы и так всё дано. Он сказал себе, мол, против природы не попрёшь. Как-то один московский знакомец услышал слово «природный» и молвил, мол, позвольте вас поправить, вы - не «природный», а «коренной». Тогда Лунёв тоже весь вылился в эмоции. Дескать, вслушайтесь в слово-то - «природный». Оно, по сути, куда шире, чем коренной. Корень-то говорит о происхождении из почвы, из землицы. Природный же - слово планетарное, от Земли исходит. Словом, электронная плата переносного компьютера была основательно пробита. Пользы от неё, увы, никакой быть уже не могло. Вот ведь, что вытворяет озлобление. Пусть даже мгновенно преходящее.

И зачем «грохнул» свой компьютер? Ну, стукнул кулаком по столу, не по компьютеру же... Ну, выразился... Но зачем же стулья, то бишь компьютеры, ломать, как сказал бы комиссар Чапаевской дивизии Фурманов в годы Гражданской войны. Но содеянного вспять не обернёшь. Оттого и возникла опаска - как бы чего непотребного с готовым двойным портретом не сотворил. Он завесил полотно тряпичной шторкой и отправился на кухню «гонять чай» с мёдом. Хлебнув из огромной кружки горячего сладкого напитка, прилёг на топчан и внезапно, без дрёмы, стремительно опустил-ся в глубокий сон.

Лунёв спал всё же нервно. С перерывами на полуснах и всякой дремотной чушью, время от времени просыпаясь. Перед тем как вновь ненадолго забыться, он ворочался с боку на бок, время от времени тумачами подбивая под головой подушку. Не было слышно привычного стука тяжёлых металлических дверей подъезда и едва различаемого соседского шума в многоэтажной железобетонной панельной домине. Обрывками мелькали в воображении чёрные острокрылые мысли-птицы.

Порой ему представлялось, что весь город собрался на улицах и пустырях, дачах и загородных виллах, барах, кафеюшнях и табачно-дымных пивных подвальчиках в бесконечной говорильне и всеобщем веселии вечера накануне Ивана Купалы. Зеленеющие кроны деревьев к исходу светового дня скептически уставились на курящиеся к небу белесые дымы шашлычных кострищ. Лето не утомилось и ему ещё предстояло обременить рябины тяжёлыми красными гроздьями лишь через целую половину отведённого природой срока.

Лунёву всегда казалось, что люди похожи на деревья и вообще на растения. Но больше всего именно на деревья. Самых разных пород, видов, возрастов и внешнего образа. От изогнутых, крепких и кажущихся чахлыми карельских берёз с их нутряной стойкостью древесной пластики до травянистых пышных африканских пальм, не способных дать даже самую малость - тепло горения. В гороскопной ерундистике он как-то прочитал, что вся суть его, родившегося в год Лошади и в месяц Водолея, воплощена в разлапистом и могучем вязе. В древе сильном, с толстыми корнями, уходящими глубоко в почву, будь она, земля-то, каменистой и скудной, как в Заонежье или, по южно-русски, плодородной и благодатной где-нибудь в лермонтовском Пятигорске. Плоть этого дерева для мастеровых рук податлива и вязко-плотная. Пусть не крепок как дуб и не стоек наподобие лиственницы. Те от морения только крепче становятся. Зато вяз могуч по жизни и в небытие уходит безропотно и безвозвратно, насыщая плодородный гумус своим тленом, чтобы ростки новых деревьев питались кровью и плотью его. Словно исполняя евангельский завет Иоаннов: «аще скажу вам, коли зерно, падши в землю, не умрёт, одним останется, а коли умрёт, мног плод принесёт». Русское оно, дерево вяз, в необъятном пространстве от Балтики до иных дальних морей и океанов, именуемой в пространстве Россией. Лист его причудлив и не прост. Будто вологодским или мценским ажуром оторочены ветви. Обождёт листву пожарищем, обломает ураганным ветрищем ветви, малые и гибкие, толстенные и жилистые, и кажется, что конец вязу наступил, да только время, опытный лекарь, выждет и не торопкому на рост древу соки скопить даёт, сосредоточиться для жизни положенный срок ему отводит.

...Ах, изматывающая бессонница-полузабытье. Что-то словно толкнуло в бок, сметая прочь тягучую липкую дремоту. Зелёное светящееся табло электронных часов высвечивало «01.55». Так, наверное, просыпался известный наследник австрийского престола от полуснов-миражей, мол, вот уж я - великий и всеми обожаемый правитель империи, а тут тебе многообещающее, неведомое и почему-то устрашающее: «Вставайте, Фердинанд, пора в Сараево ехать!».

Лунёв сел на тахте. Тряхнул включенной головой. Должно вздохнул, встал, с неохотой подумав о сигарете. Шаркая шлёпанцами, прошёл в мастерскую. Шторка на свежей краски картине, ожидавшей своих новых хозяев, вдруг явственно шелохнулась. «Окно, наверное, приоткрыто, сквознячок гуляет», - подумалось ему. Художник подошёл к мольберту, вглядываясь в шторку, представляя себе укрытые за ней образы, предметы, палитру красок, уже написанные на холсте. Почему-то захотелось рубануть наотмашь острым шпателем по полотну за этой занавеской. Шторка шевельнулась ещё явственнее. Он зло отвернулся и медленно

прошаркал в тёмную ванную комнату. Чёрной невидимой гладью угадывалось широкое зеркало над умывальником. В полном мраке тёмными прозрачными шарами заплесала вдруг перед глазами круговерть. Беззвучно и мгновенно лопнули шары и рассыпались огненными иголками китайского фейерверка... И выплыл из чёрного зазеркалья огромный красный глаз, устремляясь из недр к поверхности, вырастая из едва заметной точки в распухшее око с круглым пронзительным зрачком. Вот уж наполнил собой всю плоскость зеркала, колыхаясь багровым отсветом. Огромный зрачок устоялся в застывшего от изумления и холодающего страха художника, вдруг замерцал голубым шаром, обретшим очертания огромной планеты с континентами, океанами, морями и горами. Будто падающий спутник ринулся навстречу планете, с бешеной скоростью увеличивая, укрупняя куски пространств и территорий. Исчезают очертания планеты, малюсенький изрезанный полуостров огромной Евразии быстро надвигается, теряя в свою очередь контуры, Балтийское море уж залило зеркало, но и его берега уплывают куда-то в бок, в неведомое, и проявилась испещрённая линиями и пятнами карта города...

Всё ближе твердь и вот-вот рухнет низринутый с небес зрачок-«спутник» оземь. Да вдруг остановилось падение и зависло падающее око над знакомым домом и над парковкой с машинами. Ясно различимы шикарный «Лексус» небрежного «хозяина жизни» и стоящая за ним лунёвская потрёпанная «тойота». И снова око ринулось вниз, влетело в узкое чрево вентиляционной трубы, помчалось дальше, едва касаясь запылённых стенок и вдруг проплавило сквозь решётку в квартиру Лунёва, и шаровой молнией с кулак медленно завитало в мастерской художника, тонким лучиком высвечивая пятна незаконченных картин, фотографии жены и сына, что лежали на письменном столе... Зависло оно перед занавешенной картиной и исчезло, вспыхнув голубым светом... Зеркало мгновенно потухло, как экран компьютера с пробитой платой, и чёрно застыло в почти непроницаемой тьме ванной комнаты...

Издавательски фривольной музыкой электронно зазвучало радио из часов-будильника, доносясь из недр спальни и снимая с Лунёва паралич оторопи. «Так ведь не ставил же побудку!» - мелькнуло в голове. - «Тем более на ночное время. Хрень какая-то...» Лунёв резко развернулся, сбросил шлёпанцы и бросился в спальную по коридору. ...Будильник наигрывал весёленький мотив, и его зелёное табло, не мигая, встретило бесстрастной цифрой «02.00».

Лунёв вновь прикорнул на диване и, как ему чудилось, прободрствовал до самого утра, бесконечно проматывая в мыслях кадры увиденного в ночном зеркале. Пульсирующее сердце не успокаивалось. «А может, «крыша поехала»?», надоедливо вертелся в голове Лунёва коварный вопрос, но он просто отгонял прочь само предположение о духовном своём нездоровье.

...Июньский балтийский рассвет давным-давно разогнал синие сумерки «белых ночей», когда неожиданно зазвонил телефон. «Кого сподобило в такую рань?» с раздражением не ко времени разбуженного и усталого человека подумал Лунин и поднял трубку.

- Здесь вахтёр с парковки говорит... - прозвучало на том конце провода.

- Ну, что случилось? - буркнул в ответ Лунёв.

- Да вы спуститесь к нам, тут ваша «Тойота» с соседским «Лексусом» поцеловалась, кхе-кхе, - прокашлял охранник частных авто. Лунёв натянул под руку попавшиеся штаны и футболку и с накапливающей злостью двинулся из квартиры. «Этот доморощенный «хозяин жизни» наверняка нажрался в Иванову ночь и таки въехал в мою машину, зараза. Ну, да ладно, за его счёт отремонтирую поболее того, что навредил...», - думал Лунёв.

Меньше всего Лунёв ожидал увидеть то, что предстало перед его глазами. Его старенькая «Тойота» врзалась в зад шикарному «Лексусу» с такой силой, что капот загнулся кверху, а внедорожник был приподнят так, что задние колёса висели в воздухе над кусками разбитых вдребезги бамперов. Удар был настолько силён, что продвинул «Лексус» на метр вперёд за пределы парковочной разметки. Даже невооружённым глазом было видно, что именно «Тойота» протаранила впереди мирно стоявший автомобиль и выбросила с привычного места стоянки.

Оторопевший на мгновение Лунёв бросился к своей «старушке» и схватился за ручку дверцы. Она была заперта, как, впрочем, и все остальные замки. Руль машины загогулиной капкана мёртво и недвижно блокировала механическая «противоугонка».

- Да не садился я за руль уж дня два! - загорячился Лунёв, смутно понимая, что никто другой, даже, к примеру, какой-нибудь угонщик, неудачно покусившийся на его авто, сотворить этого не мог. - Посмотрите хотя бы журнал въезда-выезда.

- Смотрели уже, - покачал головой вахтёр. - Верно, нет отметки, что вы брали машину. Так ведь и владелец «Лексуса» вот уж как неделю где-то в Швейцарии на курорте кувyrкается... Однако же случилось же в два часа ночи. «Чудеса, да и только, никак нечистый порезвился, - подумал Лунёв, вспомнив о ночном видении в зеркале и силе своих энергетических выплесков в секунды крайнего негодования. - Впрочем, утро вечера мудренее. Однако ж, видать, платить за ремонт машин придётся...» и, не прощаясь со сторожем, побрёл домой досыпать уходящую и светлеющую ночь на Ивана Купалу. Почему-то особого огорчения не испытывал от невесты каким образом случившейся аварии: возможно, спросонья или от некоего зыбкого чувства, похожего на злорадство, - оттого, что какая-то неведомая сила самым мистическим образом «поддала в зад» высокомерному хозяину жизни.

...Лунёв проснулся к 12.00 дня, когда в мастерскую пришли за картиной предпринимательской пары. Измотанный полубессонной ночью, какими-то смутными видениями, думами о непонятных происшествиях и неизвестно откуда свалившейся бедой с личным и соседским авто, он раздвинул шторы на мольберте и, не глядя на полотно, устало взглянул на кряжистого и мордастого гостя - то ли телохранителя, то ли личного водителя бизнесменской четы, приехавшего по поручению забрать работу и расплатиться с художником окончательно. Лунёв с неодумением заметил, что брови «представителя заказчика» поползли вверх, а уголки губ - вниз, когда тот буквально вперился в расшторенную картину, и перевёл на неё свой взгляд...

Изумиться было чему: на полотне вместо заказанной пары - делового человека и его дамы в интерьере, было изображено совсем другое, не имевшее ничего общего с тем, что он писал с таким трудом на протяжении трёх последних месяцев. На полотне он увидел крупно написанный портретный образ мальчика, в котором угадывался его собственный сын в возрасте пяти-шести лет. Каким образом за минувшую ночь появился этот образ вместо написанного сюжета, Лунёв взять в толк никак не мог...

Он пусто глядел на свои испачканные масляными красками руки, и ни одной мысли для разгадки таинственного преобразования в голову не приходило. Лишь смутно память двигала перед глазами бесшумно плавающие шары из ночного зазеркалья...

Лишь мгновенными сполохами вспыхивали в сознании картинки, будто кадры из какой-то забытой съёмки - собственная рука с кистью быстро и энергично наносящая полосы и мазки на полотно...

Образ мальчика действительно был как бы списан с сына в тот недолгий период его раннего детства, когда в глазах ребёнка неожиданно появился пристальный испытующий взгляд с безмолвным вопросом: Кто я? Откуда я пришёл в этот мир? Куда иду и что ждёт меня? Зачем я здесь и каково моё предназначение? Лунёв вспомнил этот взгляд сына лет восьмилетней давности. Тогда ещё ему подумалось, что в особенности у мальчиков появляется это выражение глаз на короткое время, может быть, на полгода, не больше... Ему хотелось тогда запечатлеть в красках этот немой вопрос в глазах маленького человека, впервые почувствовавшего неслучайность своего бытия... «Я - есть» - это утверждение, эта способность сказать о себе самом отличает человека от животного, ибо человек есть личность. Тайна рождения человека отнюдь не известна, несмотря на изыскания науки. Тайна смысла его бытия не будет разгадана, пожалуй, никогда. Для того, чтобы человек хотя бы задался вопросом об этой тайне, и появился Сын, была Богородица, и есть Небо. Быть может, что задаёшься этим вопросом, в том, что душа должна трудиться до самого смертного часа в поиске главного ответа, и состоит эта тайна? Быть может, тайна есть сам поиск недостижимого

для человеческого разума Божественного истока, Начала всего и вся? Иуда сбился с пути праведного от непонимания самой невозможности реального уподобления Богу. Он хотел бы уподобиться. Этот любимый ученик Иисуса Христа был по-своему честен. Он пребывал в своей гордыне: если Иисус - в добре Бог, то я, Иуда, буду во зле Господом, ведь нет разницы в чём ты Бог, ибо по ту сторону нет добра и зла вовсе. Ошибся Иуда, не стал он Богом, понял он это, взял и повесился. Всё было скудно и возвышенно потому, что справедливость выше закона, но милосердие выше справедливости... Высшее милосердие есть Великое сретение... Оттого и не боги мы, люди, что не дано человеку, к примеру, простить мерзавца, смеющегося жертве в лицо, дикое, зверское убийство родного дитяти на глазах у матери. Может ли человек простить нутряно, сокровенно простить злодейство потому, что милосердие выше справедливости? Это может только Господь...

Образ мальчика с портрета, написанного Лунёвым в лихорадочном беспомыслии за одну короткую июньскую ночь, вопрошал безголошем говорящих глаз: «Отец, скажи, почему так: В начале было Слово...»?

ВОСХОЖДЕНИЕ

*Не тексты стихи, не фразы,
а жизнь вопреки всему.
В них - к сердцу спускается разум,
сердце восходит к уму.*

Ю. Кобрин

БОСИКОМ ПО 90-М

(Отрывок из романа)

ПРОЛОГ

15 октября 2009 г., Хургада, Египет

Чернильная, уходящая в бесконечность полоса горизонта, словно ватерлиния гигантского судна, надвое разрезала пространство, отделив бесцветное, будто застиранное африканское небо, от бирюзового, пахнущего спелыми арбузами моря.

Страна пирамид, фараонов, финиковых пальм и молчаливых бедуинов гостеприимно принимала тысячи русских туристов, среди которых оказался и я.

Всё получилось неожиданно-негаданно, как обычно происходит с героями американских фильмов. Вчера утром я проснулся от телефонного звонка. Незнакомый, безразлично-ласковый голос секретарши, съедая предлоги и приставки, будто спотыкаясь и прихрамывая, в характерной московской манере сообщил, что мой первый исторический детективный роман о приключениях присяжного поверенного удостоился положительной рецензии и одобрен главным редактором издательства. А ещё через минуту судорожно затрясся мобильник, и знакомая девушка из местного туристического агентства предложила воспользоваться горячей путёвкой на Красное море. Времени на раздумья не было, и я согласился.

События следующих двадцати четырёх часов, как сцены немого, чаплинского фильма сменяли друг друга с кинематографической скоростью и в этой бешеной суматохе дня плёнка, казалось, могла порваться на любом кадре: туман, шоссе, спидометр, встречная полоса, аэропорт, таможня, боинг, гроза над морем, посадка, аплодисменты, пальмы, отель, пляж...

Прикрыв глаза и лениво растянувшись на мягком лежаке, я с трудом пытался перенестись в губернский город начала XX века, мысленно набрасывая новый сюжет детективных хитросплетений, замешанных на блистательных победах генерала Ермолова.

Евгений Симичинов. Зелёный листопад

Горячий, пришедший с пустыни ветер, резкими порывами разгонял назойливых арабских мух, норовивших примоститься на выставленные под яркое солнце тела моих соотечественников, составляющих основную массу отдыхающих.

Хамоватый персонал отеля говорил на русском со всеми подряд, включая немногочисленных поляков и нескольких пожилых немцев. Правда, то был не язык Пушкина, Чехова или даже современных журналистов. В ходу был грязно-серый сленг начала 90-х.

- Привьет, бра-туха! Как деля? Ты сам от-кудя? - коверкал слова одетый в несвежую футболку курчавый араб лет двадцати пяти, пытаясь примоститься рядом со стариком, внезапно возникшим подле меня. Не давая пожилому туристу опомниться, молодой человек заученной скороговоркой рекламировал поездку на ближайший коралловый остров и, не дождавшись согласия, стал тут же выписывать чек на оплату.

- Вы зря, любезный, изволите беспокоиться. А посему не смею вас боле задерживать.

Египтянин тупо уставился на подтянутого, седовласого старца и растерянно пробормотал:

- Я не понимаю...

- I've told I'm not goin for a sea-trip. See you...*

* Я вам сказал - я не поеду на морскую прогулку, видите ли...

Потомок Тутанхамона неуверенно кивнул и, надев маску обиженного бассет-хаунда, уныло поплёлся пытаться счастье у лежака следующей «жертвы». «Надо же, - подумал я, - до чего интересный типаж. Ведь у нас так уже давно не говорят».

- Прошу извинить за беспокойство. По рассеянности я забыл завести часы, и мой брегет безмолвствует. Не будете ли вы любезны подсказать, который час? - с лёгкой, ироничной улыбкой, спрятанной в уголки рта, на меня смотрел крепкий ещё мужчина с завитыми кверху усами «а la Пуаро».

- Да, конечно, - ответил я и полез в пляжную сумку доставать безотказную «Нокию». На синем электронном табло отсвечивало время. - Тринадцать сорок пять, - невнятно пробормотал я.

- Простите, вы хотите сказать, что уже без четверти два? - уточнил незнакомец.

- Совершенно верно.

- Помилуйте, сударь, мы совсем забыли про обед. А ведь эти господа азиаты не особенно церемонятся с вашими компатриотами, - собирая пляжное полотенце, открывал сермяжную правду неизвестный господин.

- А я, признаться, думал, что мы с вами граждане одной страны, а именно той, где сейчас исповедуют суверенную демократию. Разве нет? - пытался сосрить я.

- Видите ли, молодой человек, суверенным может быть лишь государство, а демократия не предполагает каких-либо рамок или ограничений, поскольку в этом случае она уже перестаёт отражать чаяния граждан и превращается в их оковы. Эта неверное словосочетание, и оно так же ошибочно, как и ваше недавнее изобретение - «демократический централизм». Согласитесь, разговоры о демократическом суверенитете - это новый, очередной обман, оправдывающий недоразвитость народовластия в современной России. Что же касается моей территориальной принадлежности, то я, хоть и считаю себя русским, но нахожусь, так сказать, на обратной от вас стороне. Тем не менее, позвольте отрекомендоваться: Фостиков Михаил Архипович, отставной военный.

«Фостиков, Михаил Архипович, - в памяти с невероятной быстротой всплывала историческая справка: принимал участие в известном восстании против большевиков 8 июля 1918 года; командир 1-го Кубанского казачьего полка, впоследствии командовал армией; генерал-лейтенант; имел десяток ранений и пять контузий»... Точно! Похоже, именно его фотографию я видел в доме одного умершего старика ещё в 1994 году... Господи, мистика, да и только! А может быть, это просто совпадение или это внук нашего знаменитого земляка, названный так в честь своего деда? Да ведь он, и впрямь, упомянул, что живёт на противоположной от меня стороне, следовательно, он гражданин Австралии. Всё ясно! Этот старичок эмигрант в третьем поколении, потому и говорит по-русски, как его учили ещё тогда... В России он, видимо, никогда не бывал и обитает теперь на

какой-нибудь богом забытой страусовой ферме...». Устав от догадок, я, наконец, представился:

- Валерий Приволин, адвокат.

- Ого! Присяжный поверенный! Знал я одного вашего коллегу... Очень уж он был популярен. На Николаевском проспекте жительствовавал. Сам Сергей Аркадьевич Андреевский из столицы ездил к нему советовать-ся, да-с... А позвольте полюбопытствовать, из каких краев вы будете? - вежливо поинтересовался иностранец.

- Из Красноленинска, - неуверенно протянул я.

- Надо же, вот уж никак не ожидал, - едва слышно выговорил он и поднял на меня полные грусти усталые глаза. - Из Красноленинска, говорите... Раньше он по-другому назывался. Там сейчас октябрь - золотая сень. Красиво. А как город? Я слыхивал, собирались соорудить фуникулёр, и даже воздвигнуть Ледовый дворец...Вероятно уже построили? А в Воронцовской роще, наверное, полно экзотических растений, да? А скажите, господин адвокат, нет ли памятника братьям Ртищевым, казнённым красными на Ярмарочной площади в восемнадцатом? Надеюсь, Иоанно-Мариинский монастырь давно открыли? А городской голова теперь из местных или пришлых купцов?

Я стоял и молчал, будто в сомнамбулическом оцепенении, готовый провалиться под землю, хотя именно там должны были оказаться все те, кто поочередно, друг за другом, десятилетиями беззастенчиво лезли во власть, чтобы успеть разворовать мой город и, распродав его по частям, устроить себе безбедную жизнь и карьеру...И пройдут следующие четыре года после выборов, и снова запестрят на столбах, заборах и ржавых телефонных будках толстые, осоловевшие от излишеств и пороков физиономии кандидатов. Плехнувшись на мягкие кожаные кресла казённых «Мерседесов», с плохо скрываемой брезгливостью, поедут они встречаться с нищим электоратом в грязные цеха полупустых заводов, в школы и убогие районные больницы. Брызжа сытой слюной, «народные избранники» станут бить себя в грудь и обещать манну небесную... Да только «бойтесь данайцев, дары приносящих!». Но разве мог я сказать ему всё это?

Незаметно мы достигли лифта и расстались, пообещав встретиться в ресторане через несколько минут.

Прошло более часа, но господин Фостиков так не появился. Минут через двадцать улыбчивый портёк пояснил мне, что человек с такой фамилией среди отдыхающих не значился, и граждане Австралии здесь вообще никогда не останавливались. Подключившись к Интернету, я узнал, что Сергей Аркадьевич Андреевский, известнейший на всю Россию присяжный поверенный, жил ещё в царское время и скончался в Петрограде от воспаления лёгких девятого ноября 1918 года. «Ну вот, - подумал я, - получается, что я вновь вернулся к истории пятнадцатилетней давности. Но тогда всё начиналось по-другому...»

ПУСТАЯ КВАРТИРА

15 октября 1994 г., г. Красноленинск.

Я оказался в этом доме случайно. Он стоял в самом центре Красноленинска. Это была двухэтажная малогабаритка, построенная в послевоенные годы немецкими военнопленными. Я и сам когда-то в таком родился и прожил до двадцати трёх лет. Правда, моё родовое гнездо находилось на городской окраине, а это здание располагалось в самом центре, в двух шагах от центральной площади, всё ещё носившей имя вождя мирового пролетариата.

В коридоре пахло сыростью и мышами. Скрипели потёртые деревянные ступени, а перила, выкрашенные в тот же половой коричневый цвет, были настолько расшатаны, что скорее напоминали корабельные ванты. Квартира, в которую нам предстояло забраться, числилась под номером пять.

Признаться, эта затея мне не понравилась с самого начала. Но Алик твердил, что это наш единственный шанс, другого может и не быть.

Хозяин двухкомнатного жилища был одинокий старик, скончавшийся прошлой ночью. Ещё совсем недавно он перешагнул девяностопятилетний юбилей, и ему давно, выражаясь словами моего приятеля, «пора было заказывать «номер» на Сажевом» (так у нас называли новое городское кладбище, устроенное неподалёку от сажевого завода).

Надо сказать, что почивший слыл колоритной личностью. Он ходил с тростью с ручкой в виде гусиной головы и всегда, даже летом, носил костюмы ветхозаветного покроя. Я однажды заметил, что сбоку, из лацкана его пиджака, выглядывал конский волос. Как потом мне стало известно, это была отличительная особенность какой-то известной английской фирмы, шившей такую одежду полвека назад.

Дед - как мы его называли между собой - по воскресеньям толкался на антикварном развале, высматривая редкие экземпляры монет или просто какую-нибудь мелочь: медную пуговицу с гусарского мундира, дореволюционный полицейский незильберовый свисток, нательные крестики, открытые письма или бронзовые подсвечники. Но если ему что-то нравилось, он тут же лез за бумажником и даже не пытался сбивать цену. Так, при мне, он отдал почти две моих учительских зарплаты за дореволюционный значок присяжного поверенного. Вещь редкая, но и стоила немало. И кто знает, не «новодел» ли? Мне стало жаль его, и я заметил, что можно было бы купить и дешевле. Продавец Василий не слыл жлобом, и, наверняка бы, сбросил десятку-другую.

- Мельник не торгуется за нужный ему камень, - сухо ответил Дед и, выкидывая вперёд трость, зашагал вниз по бульвару.

- Здорово он тебя отбрил, - усмехнулся Алик, глядя ему вслед. - Надо же, какой фрукт выискался! Держится будто сиятельный князь. Интересно, откуда он взялся? Он даже разговаривает как-то не так, по-барски что ли...

- Да, - согласился я, - и не «гэкает», и чётко произносит окончания слов.

- Видать не здешний, не с Кавказа, - предположил мой старый школьный товарищ.

- С каких, ребята, он краёв, я не знаю, - вмешался в беседу довольный Васильич, шурша купюрами дневной выручки, - но слышал, что кличут его Мстиславом Никаноровичем и, похоже, он то ли бывший дипломат, то ли эмигрант какой-то. В начале шестидесятых, при Хрущёве, много таких вернулось в Союз.

- Каких «таких»? - уточнил Алик.

- Ну, буржуев этих, из бывших которые, - уточнил пролетарий рыночной торговли и лихо перетянул резинкой капитал ценителя старины. - Он сразу же купил кооперативную квартиру, а потом, говорят, разменял её, что бы жить поближе к Тифлисским воротам.

- К чему? - снова переспросил Алик.

- По улице Карла Маркса, а она именовалась Николаевским проспектом, раньше, в самом начале бульвара, стояли Тифлиские ворота. Их потом разрушили при советской власти, - пояснил я.

Вот такой разговор случился пару лет назад. Но вчера ночью этого сухопарого старика не стало. Алик узнал об этом почти сразу от его соседки Леночки - замужней полногрудой дамы тридцати пяти лет, отдававшей моему другу своё горячее, ищущее ласок тело, в отсутствие мужа.

- Ты пойми,- убеждал меня он, - это ведь никакая не кража. И ты, как умный человек должен это понимать! У него нет наследников. А значит, всё достанется так называемому государству, то есть, «мусорам», прокурорам и следакам! Хоть раз послушай меня! Давай сходим, посмотрим. Так, из любопытства. Мы же деньги или золото брать не будем. Мы же не домушники-скокари. Так, безделицу какую-нибудь на память прихватим. Может, книгу или хоть тот же значок присяжного поверенного. Ну, не дрейфь, Валера, не тушуйся! «Скорая» уехала, а квартиру Ленка досматривает. Сегодня как раз её дома не будет. Они в гостях с мужем. А ключ она сунула в почтовый ящик и участковому позвонила, мол, всё в порядке, квартира на замке. Она сама мне об этом проболталась. Медлить нельзя, надо идти прямо сейчас. Мы и так с тобой в долгах. За изъятые кагэбэшником иконы всё равно придётся расплачиваться. С Самиром шутки плохи. И уборкой лука в Гудермесе мы с тобой не отделаемся. Ну, неужели ты этого не понимаешь?

- Ладно, - махнул я рукой, - пошли. Но только чур не барыжничать! Договорились?

- Зуб даю! Ценные бумаги и золотишко не трону. А вот библию Гутенберга, пожалуй, прихвачу! - сострил Алик и улыбнулся своей обезоруживавшей улыбкой, которую так ценили замужние дамы бальзаковского возраста.

КОНФУЦИЙ И САМОРЕЗЫ

Антиквариатом я стал заниматься вместе с Аликом, а точнее - с Альбертом Клейстом, еще недавно уходившим в длинные, как зимние ночи, запои, которые, по обыкновению, тянулись две недели.

Эти четырнадцать дней были тем благословенным временем, когда, как говаривал Алик, можно было не сталкиваться с опостылевшей действительностью внешнего мира. Он называл этот период отпуском. И к нему готовился основательно: несколько банок кабачковой икры, рыбные и мясные консервы, ящик портвейна, две дюжины бутылок водки и батарея пивных бутылок позволяли чувствовать себя уверенным в завтрашнем дне. Два блока «Стюардессы» ждали своего часа на облупившемся от солнца подоконнике.

В такие дни мой приятель занавешивал зеркало полотенцем. По его словам, этот «ритуал покрова» носил сакральный характер, ибо Алик считал запой неким актом инициации, когда его бренное тело переживало символическую смерть, и душа его, проходя через катарсис многими литрами спиртосодержащей жидкости, являлась миру очищенной и обновленной. Однако я всегда был уверен, что тряпки на зеркалах выполняли вполне утилитарную функцию. Они позволяли Алику не любоваться своей многодневной небритостью, мешками под глазами да и всем остальным экстерьером, который за эти дни приобретал цвет баклажана, забытого на мангале шашлычником.

Сначала он пил за упокой родителей, а потом за здоровье своей дочери и за товарища армейского старшину, «любовно» именовавшего Алика то Клейстером, то Клистиром. Запас продуктов давал возможность оставаться наедине с собственными мыслями. Впрок нельзя было запастись только свежим хлебом.

От дома до магазина было не больше двухсот метров. Иногда по утрам Алик ходил разгружать машину с надписью «Хлеб». Он любил чувствовать свежий пшеничный аромат и ловить на себе добрые взгляды водителя и продавца, которые всегда с благодарностью протягивали ему тёплую буханку.

Простой белый кирпичик, стоивший когда-то двадцать копеек, он ценил особенно, потому что с него начиналось утро в их некогда дружной семье, когда они с братом с благоговеньем смотрели, как отец сильными руками нарезал ломти к завтраку, а мать тихо и с улыбкой сожалела, что к своим сорока годам уже можно было научиться резать ровно.

Дома родитель всегда величал его Альбертом и только на улице все звали Аликом. Это было давно. Отец ушел рано, так и не дождавшись возвращения сына из армии. Мать пережила его всего на три года. Младший брат удачно женился и занял должность «заместителя тестя» в одной строительной компании. На отцовский дом брат не претендовал, нет. Дай Бог ему за это здоровья.

Тогда, в конце восьмидесятых, потеряв мать, он впервые почувствовал себя одиноко и, наверное, поэтому быстро и сдуру женился на Клавке - новой продавщице хлебного ларька, которая всегда внимательно слушала его занимательные армейские истории и, чтобы подчеркнуть свою заинтересованность, время от времени прерывала его рассказ нейтральным: «Да ты чо?»

Из множества прилипал, стремившихся предложить Клавке лишь обуюдприятные развлечения в сомнительных летних кухнях, дачах и на парковых лавочках, Алик был единственным, кто ухаживал как настоящий кавалер и не пытался сразу затащить юное создание в постель.

Свадьбу сыграли быстро. Клава перебралась из ПТУшной общаги в большой дом. Паспорт теперь у неё был совсем другой, с городской пропиской и непонятной немецкой фамилией Клейст.

Алик начал раздражать её почти сразу и во всем. Во-первых, он совсем не пил и никогда не курил, по утрам делал зарядку и бегал кросс. Привыкшая к беспорядку ещё дома, а затем и в общежитии, она с плохо скрываемым раздражением наблюдала, как муж каждый вечер тщательно вешал брюки, сохраняя стрелки, а утром до блеска начищал туфли и шел на свою стройку. А самое возмутительное заключалось в том, что он всегда знал, что и где лежит. Они как будто поменялись местами: он делал то, что обычно русские мужики не делают, и ей волей-неволей приходилось следовать правилам врожденной немецкой педантичности. Но больше всего её бесил это хриплый антисоветчик Высоцкий, чьи пластинки Алик ставил на старенький проигрыватель «Аккорд» и слушал часами. А ещё читал книги каких-то мудреных китайских философов, потом закрывался в комнате и почти до утра что-то писал. Однажды она не вытерпела и прочитала эти дневники - полный бред и сплошное нытьё.

Через год она родила ему дочь. Он сам построил рядом с домом времянку, которую называл гордым словом «кабинет», и всё чаще засиживался там до утра.

Однажды, жарким августовским вечером, вернувшись после окончания очередной месячной вахты с какого-то объекта, он сразу не мог попасть домой. Клава и навестивший её одноклассник слишком долго не открывали дверь, а потом смущенно объясняли эту задержку то ли погнутым ключом, то ли сломанным замком. Впрочем, покрасневшее Клавкино лицо и растрепанная прическа говорили громче всяких слов. Алик молча ушел в свой «кабинет», забрав только книги, проигрыватель с любимыми пластинками и таксу по кличке Геббельс.

На следующее утро изумленная Клава увидела из окна не раскидистые ветви шпанской вишни, а двухметровую пахнущую свежим раствором кирпичную стену. Она разделила двор, а также их уже бывшую семью, надвое. Автор и исполнитель сего монументального творения в это время дрых без задних ног на улице прямо в тачке с песком. Эта была его личная Берлинская стена, как та, что он видел в Германии, на своей исторической Родине, когда служил срочную.

Официального развода не было. Он отдавал бывшей семье почти всё, что зарабатывал, оставляя себе лишь малую часть.

С тех пор, когда он осознал измену жены, его жизнь и мироощущение перевернулось. Вино и сигареты стали постоянными спутниками. Ему нравилось так жить: читать Конфуция, прихлёбывая любимый сладковатый

венгерский портвейн, а потом, на ужин, поджарив яичницу с салом, выпить стопку водки и, через открытое окно слушать шум падающей осенней листвы. В такие минуты он полностью растворялся в собственном существовании и находил это великолепным.

Личное отношение к жизни он сформулировал в десяти главных правилах, которым, по возможности, старался следовать. Главным из них считал первое: «не завидуй успеху ближнего, ведь никто не знает, чего ему это стоило».

Бывшая половина возненавидела Алика за его независимость и категорический отказ простить её. Как минимум раз в месяц Клавка писала на него заявление в милицию и вызывала местного красномордого и постоянно пьяного участкового, капитана милиции Кольку Колеуха - и дал же Бог ему фамилию, которая так забавно читалась наоборот! Этот «шериф» был известен тем, что под видом проверки паспортного режима осчастливливал местных невостребованных женщин. Однако, в виду большого количества свободных дам, дарить подарки как настоящий любовник он не мог, а наказывать, на кого они укажут, был, как юный пионер, «всегда готов».

С тех пор и начались постоянные неприятности у Алика с милицией, чего не скажешь о его бывшей жене. Алика забирали каждый раз, когда он пытался начать запой. Такие отлучки из дома он прозвал «командировками».

В беседах с представителями внутренних органов он, как правило, отмалчивался, и отвечал лишь на те вопросы, которые ему нравились:

- Фамилия? Имя? Отчество?

Алик почувствовал противный кислый запах грязного рта милиционера и брезгливо отвернулся к стене, на которой соседствовали план-схема разборки пистолета ПМ и плакат пышногрудой поп-дивы Саманты Фокс.

- Ну, немчура, проклятая, смотри, мы тебя заставим говорить, ворона ты белая, - приблизившись почти вплотную к лицу, гримасничая, произнёс мент.

Алик встрепенулся и с интересом взглянул в глаза сержанту:

- А к слову сказать, белую ворону найти гораздо легче, чем верную жену. Вот вы, гражданин начальник, человек женатый?

- Ну, допустим, женат. А что?

- А жене доверяете?

- Ещё бы!

- А вы гражданин лейтенант?- не унимался задержанный.

- Ну да, уже пять лет как женат, - тупо уставился на собеседника стеклянными глазами офицер, прикидывая - не перетянуть ли этого любопытного «демократизатором» по хребту. Но любопытство пересилило.

- И тоже доверяете? - весело спросил Алик.

- А как же, я её насквозь вижу, - гадливо хмыкнул толстый, угловатый, похожий на большую армейскую табуретку лейтенант.

- А, вы гражданин участковый?

- Да, а то ты не знаешь, устроил тут викторину...

- А скажите, пожалуйста, уважаемые граждане милицейские начальники, приходилась ли вам когда-нибудь спать с замужними женщинами? - тоном пытливого юнца из заставки советского киножурнала «Хочу всё знать» поинтересовался Алик.

- Конечно, и не раз, - смеясь ему в лицо, ответил за всех участковый, - а хочешь, я тебе расскажу, что я делаю с ними? Особенно с теми, которых Клавками зовут? - перейдя на фальцет, истерично захохотал Колеухо.

- Так вот, - пропустив мимо ушей оскорбительные слова, продолжал рассуждать Алик, - если из четырёх сидящих здесь женатых мужиков каждый неоднократно спал с разными замужними женщинами, то неужели вы думаете, что кто-то не спал хотя бы с одной из ваших четырех жен? А вы мне говорите - «ворона белая»! Все вороны чёр-ны-е!

Подлое семя сомнения проросло у всех без исключения. Каждый из присутствующих как-то грустно задумался, а потом все заторопились куда-то, якобы, по делам, а на самом деле - домой.

В награду за лекцию о законах статистики Алика закрыли на ночь в холодной комнате наедине с милицейской овчаркой. Подружившись с собакой, сиделец умудрился снять с неё дорогой кожаный ошейник.

К утру Алика отпустили. Сразу выйдя из серого здания, Алик опустошил мочевой пузырь прямо на обитую синим дерматином дверь опорного пункта, и с чувством выполненного долга, отправился домой. Надо отметить, что после этих философских бесед интерес у правоохранительных органов к нему надолго пропал.

Придя домой он, смеха ради, надел добытый в милицейских застенках трофей на маленькую и тонкую шею таксы - верного Геббельса.

- Носите на здоровье, герр рейхсканцлер, он из Польши, - торжественно объявил Алик и про себя ухмыльнулся своей геополитической шутке. Хотя его любимый Геббельс был совсем не герр, а вовсе даже и фрау. А такую обидную кличку ему, а точнее ей, дала стервозная Клавка, за то, что щенок сызмальства постоянно потягивал на кошек, ежей и прочую живность, сновавшую ночами по ташлянским огородам. Сказывалось охотничье происхождение.

- Вот жещ, скотина, все брешет и брешет, - сокрушалась Клавка, - шо твой Геббельс с трибуны.

О том, что собака с ней одного пола, Клавка, а с ней и Алик, выяснили гораздо позднее. Как-то раз Алик даже пытался воспользоваться этим обстоятельством и заделаться собаководом, или как он себя величал на латинский манер - «канинозаводчиком». Из всех документов у Геббельса имелась только справка из водоканала, на которой неосторожный хозяин резал колбасу. Да и та уже давно переварилась. Посему дорога в собачий клуб им обоим была заказана. Оставался только вариант с объявлением в газету. Зная от знакомых собачников, что кличка животного важна для вязки, так как ее первую букву назначает клуб для отслеживания разных селекционных мероприятий, Алик тщательно подбирал слова. Однако вредная тетка-

приёмщица наотрез отказалась отправлять в печать объявление с текстом: «предлагается для вязки добрая сука Геббельс». На этом карьера «канино-заводчика» и закончилась.

На следующее утро он решил начать новую жизнь. После холодного душа в голове появилась ясность мысли. Он удобно устроился за старым отцовским письменным столом. Достал из ящика пузырёк чернил «Радуга», наполнил чернильницу из темного стекла, такие стояли раньше во всех почтовых отделениях страны, обмакнул стальное перо и крупными печатными буквами вывел на слегка пожелтевшем от времени листе слово «ЖЕРТВА», поставил тире и вопросительный знак. А теперь её надо было выбрать. «Благородный муж постигает справедливость. Малый человек постигает выгоду» - мысленно процитировал Алик цитату великого Конфуция. На первый раз долго думать не пришлось. Из окна рядом стоящего дома донесся матерный крик соседа, собиравшегося на рынок торговать саморезами, дюбелями, сверлами и другой украденной продукцией родного завода «Красный Металлист». За свою способность проносить все это добро в безразмерной пыжиковой шапке заводские острословы прозвали его Страшила Мудрый, в честь героя книжки «Волшебник Изумрудного города».

Альберта давно раздражал наглый и бессовестный хам, живший с ним бок о бок уже лет десять и время от времени пристававший к его, пусть даже бывшей, жене. Это обстоятельство, кстати, не мешало соседу называть его дочь фашистской внучкой.

Особенно мерзко становилось на душе в минуты, когда народный заседатель областного суда - Виктор Андреевич Чесноков - с гордостью хвалился, кому и сколько лет лишения свободы он «влепил» строгого или особого режима.

План созрел сам собой. Для этого пришлось набрать в сарае пару сумок оставшихся со стройки саморезов. Затем он отправился к ближайшей пивной, подобрал двух изнывающих от жесткого сушняка помощников, с легкостью согласившихся поучаствовать в интересном деле за пару «пузырей». Всё ж веселее, чем приставать к прохожим с просьбами пожертвовать гривенник в пользу инвалидов, получивших «страшный ДЦП в ужасном ДТП».

На рынке один из них подошел к народному судебному избраннику и с радостным возгласом «наконец-то нашел!» зачерпнул горсть изделий в руку и спросил цену.

- Отдам по десять рублей за штуку, - с готовностью ответил сосед.
- Сколько их у тебя? - небрежно уточнил покупатель
- Штук пятьдесят насобираем, саморезы хорошие, берите, пока есть, - сороговоркой пропел Чесноков.
- Мало, очень мало, - расстроено покачал головой «покупатель». - Давай так, мне надо три тысячи штук. Объект, понимаешь, горит, а они в дефиците. Я тут ещё кое-что купить должен и через час вернусь. Если найдешь

три тысячи - возьму по пятнашке за штуку. Тащи, земля, да побыстрей, - ассистент чуть было не добавил: «давай, жиртрест, кабанчиком», но вовремя спохватился, перешел на другую сторону улицы и скрылся из виду.

Как ошпаренный, Виктор Андреевич бросился по торговым рядам и почти сразу натолкнулся на бомжеватого вида продавца, распахнувшего две битком набитые сумки точно таких же саморезов.

- Почем саморезы, братишка? - ласково осведомился он.
- Тринадцать рублей штука, сестричка, - съязвил продавец.
- Им красная цена пятёрка, - не унимался Чесноков.
- Ты спросил, я ответил, - не уступал второй ассистент.

Гигантская жаба боролась в душе купца с неуступающей ей в размерах жаждой наживы. Последняя явно брала верх над земноводным.

- А сколько их у тебя? - все выпрашивал народный заседатель.
- Тыщи три наберется, - растоптав окурок кирзовым сапогом, хриплым голосом пробасил бородатый мужик.

- Ладно, возьму все, - Виктор Андреевич посчитал, что он все равно даже при такой цене останется в хорошем «наваре». Отдав почти сорок тысяч рублей, довольный, он забрал две сумки и, вспомнив любимую пословицу: «своя ноша не тянет», расположился у прилавка, в ожидании оптового покупателя.

Время тянулось медленно.

Он не пришел.

И долго не хотелось верить в то, что его обманули.

Последняя надежда на упавшие с неба деньги испарилась вместе с настоятельной просьбой охранника освободить прилавок:

- Рынок закрывается, дядя.

Понутив голову, с трудом передвигая ватные ноги, горе-продавец почти волочил по земле две сумки купленного втридорога товара, и, казалось, само его сердце чувствовало легкость осиротевшего от купюр бумажника. Зло было наказано...

ВРЕМЯ ПОБЕЖАЛОСТИ

Домолчаться до...

Памяти Наташи

Забывая о главном -
сокровенном, словно нежное прозвище той,
что навек отлетела,
понимаешь: старик одинок во Вселенной,
переполненной страхами,
склоками, сплетнями, болью,
но спасаемой светлой Любовью,
о которой не помнит никто, кроме строгого Бога,
растворившего нас в мириадах
бессмертных и смертных,
искушавшего смелого дровом и чревом,
соблазнявшего сильного словом и славой,
одарившего нищего чувством небесной свободы,
наказавшего алчного холодом брачной постели,
научившего умного мудрости судного часа,
укрепившего самого слабого Символом Веры,
пожалевшего женщину, музу, русалку, корову,
защитившего мужа, стрижа, домового, медведя,
потерявшего всех, воскресившего всех... Остаётся
одиному Сыну спросить одинокого Бога:
одинокий старик домолчался до Главного Чуда?..

Жене - бессмертие. Квартиру
Любовнице пообещай,
Чеканную строку - Шекспиру:
Зело завидует пущай.
(Глядишь, припишут Кантемиру,
Пошутит Пушкин невзначай),
А славу - жалкому кумиру,
Поскольку сказано «Прощай!»
И Богу, и царю, и миру...

Улыбку внуку завещай.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН

- Милый мальчик...
Дебютантка-Лорелея
В синем марте
подарила скарабея.
- Перстень впору -
будешь помнить: не ужалит...
Полно-полно!
Ненавижу провожаний!

*(«Из июля докричусь ли до апреля?
Изменю ли? Изменяюсь ли? Подобрею?...»)*

**...КАК БРЕЛОКИ, ЗАЗВЕНЕЛИ-ЗАЗВЕНЕЛИ
ОДИНОКИЕ АПРЕЛЬСКИЕ КАПЕЛИ.**

Вновь - премьера.
Пять сезонов за плечами...
- Вижу скверно.
Мы, наверное, встречались?
Математик -
безголовая тетеря! -
В сонном марте
не узнает Галатею.

*(«Из июня дотянулась ты до мая.
Тонкострунно улыбнулась, изменяя...»)*

**... КОЛОКОЛЬЧИКИ-БУБЕНЧИКИ ВРАЧУЮТ -
ЗАЛИВАЮТСЯ ИЮНЬСКИЕ ПИЧУГИ.**

Сто падений,
сто триумфов, сто любовей...
- Академик,
ты не шутишь? Бог с тобою!
В стылом марте,
утешая Саломею,
Старый мальчик
возвращает скарабея.

*(«Изменила. Изменился. Измельчали.
Из немилой стала милой, но случайной...»)*

**... И МОНИСТЫ ЗАБРЕНЧАЛИ-ЗАКРИЧАЛИ
НА ЗАПЯСТЯХ ДОРОТЕИ ПЕЧАЛЬНОЙ.**

СТРАСТИ ПО СЕРГЕЮ

Учусь науке выживать,
Склонив норовистую шею.
Ни танцевать, ни вышивать
Я не умел и не умею.

Капкан у Господа один:
И Гулливер, и лилипуты
Живут, не ведая годин
До самой аховой минуты.

Презрев науку выпивать
Бочонок зелия (от пуза!),
Прокрался тать, прорвав кровать,
Которую стелила Муза.

Калач у Ангела витой -
Затейливый узор по краю.
Валдай пленяет простотой,
Но я тоскую по Алтаю.

Забыв науку рифмовать,
Брожу по дикому Конгаю.
Ни быковать, ни фарцевать
Я не желал и не желаю.

Рефрен мистерии таков:
В ночах кричат белогвардейцы.
Катунь качает чудаков.
Тайга. Изба. И скерцо дверцы.

...Нательный крестик целовать,
Врастая в страсти по Сергею...
Ни продавать, ни предавать
Я не умел. И не сумею.

Евгений Кузнецов. Рифма

Любовь - неотвратимая отравы.
Твердят: «зего», «халява», «развезло»
Моих стихов авральная орава,
Моих грехов сакральное число.

Прощай, непредсказуемая слава!
Творят добро, перемогая зло,
Моих обид несметная орава,
Моих побед посмертное число.

ПОЭТ: СУММА СЛАГАЕМЫХ

Поэт состоит из записок -
волшебных и полупьяных,
Курсантов, курсивов, курсисток,
солдатиков оловянных.

Поэт состоит из озноба,
взорвавшего раннее утро...
Ещё из одной особы,
смеющейся почему-то.

Поэт состоит из чинариков,
фонариков, канителей.
И, если послушать очкариков,
апрелей, купелей, капелей...

Поэт состоит из ошибок -
нелепых, нахальных, ничейных,
Авансов, отчётов, улыбок,
портвейна, бассейна, глинтвейна.

Поэт состоит из признаний
Христоса и Магомета.
Но только не надо «про знамя» -
того и этого цвета...

Поэт состоит из морщинок
старушки, монашенки беглой,
Дрезины, бездомной псины,
пророчеств, рождённых Беллой.

Поэт, проклиная измены,
за веру дерётся - до крови.
Накапав стихи из вены,
грешно привирать «про любви».

Remember, школяр: поэта
совсем не волнует то, что
Осталась одна сигарета,
почти не фурычит почта,

Пол-литра выпивки или
в подвале бурлит цистерна,
Хореи грустят о верлибре... -
наверно, жюльверны, скверно?!

...Ау, самиздат добрый,
попробуй вспомнить, предатель,
Хрустальный голос особы -
хотя бы к особой дате...

ВИЗИТ ЗНАМЕНИТОСТИ

Площадка перед зданием музея была забита почти полностью. Такого количества дорогих иномарок, собранных здесь, Андрей не мог припомнить, разве что, когда приезжал академик Зураб Церетели. С трудом втиснув свой подержанный «Лексус» между припаркованными машинами, он покинул салон, направляясь к старинному особняку, в советские годы переданному под музей.

У входа, в ожидании появления «самого выдающегося в мире художника», о чем гласили многочисленные постеры по всему городу, собралась большая толпа, в основном, женщины, что несколько озадачило Андрея. Особо выделялись дамы в возрасте «слегка за...», явно относящие себя к «исключительным». Ведя между собой приличествующую моменту неторопливую беседу, - естественно, об искусстве, ну о чем еще можно говорить «людям из высшего общества» у стен культурного заведения, - они взирали на окружающих с высоты общественно-политической и финансовой значимости своих мужей, не без гордости демонстрируя друг перед другом свои наряды и драгоценности.

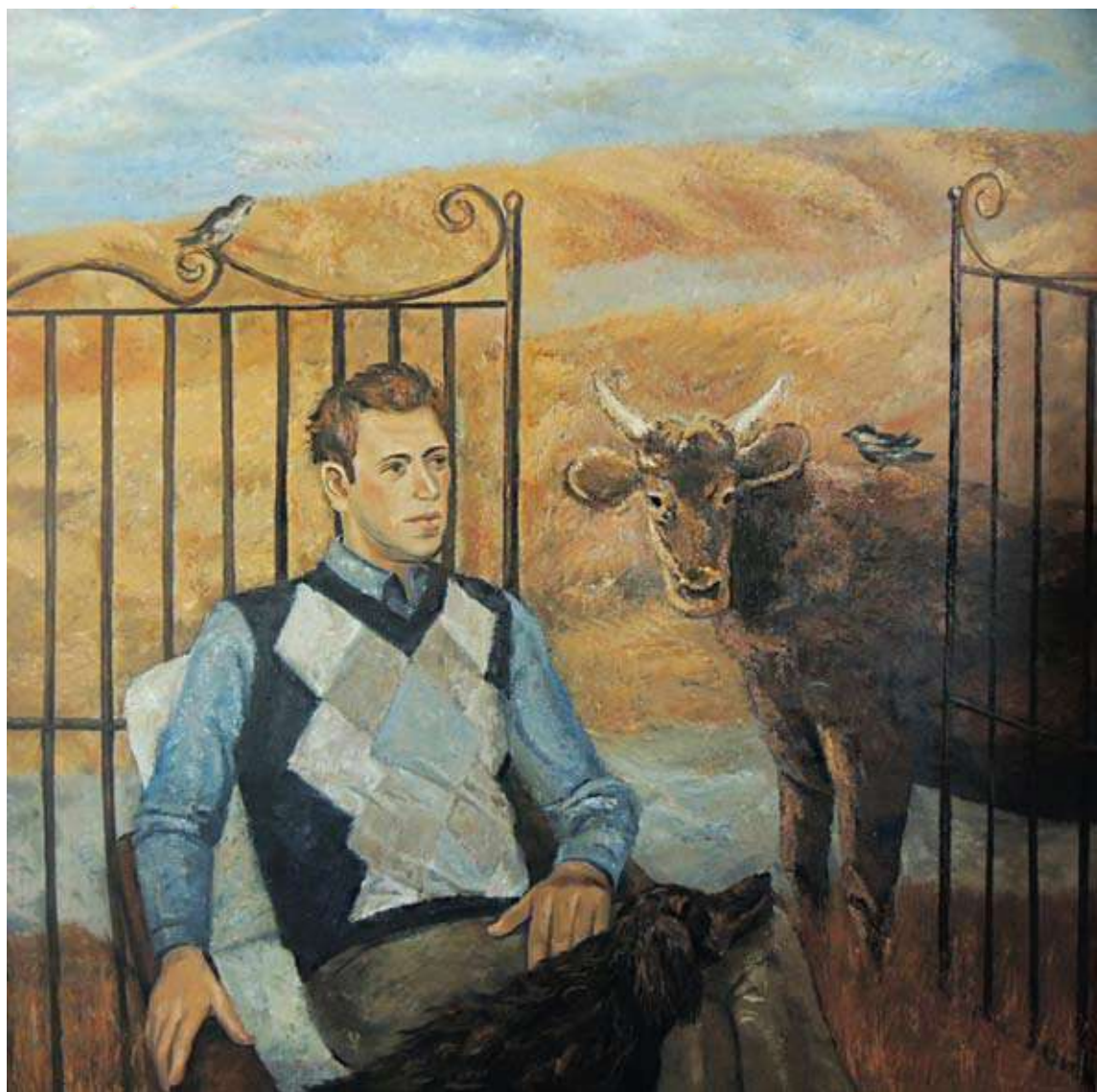
Здесь же в толпе, в нарядах, подчеркивавших все достоинства молодых тел, стояли их соперницы. С презрением рассматривая «рейтузниц» - хозяек зажиточных домов, с чьими мужьями они спали, содержанки втайне завидовали семейным, мечтая когда-нибудь оказаться законными хозяйками особняков.

Чуть в стороне держались самые обычные любительницы вернисажей. От женщин, «успешных во всех смыслах», эти отличались неброскостью своих туалетов.

«Обласканный» недобрым взглядом дам, опасавшихся за сохранность своих туалетов, Андрей не без труда добрался до вестибюля, где его поджидал Владимир - давний приятель, работавший в музее.

- Что-то не припомню такого столпотворения! - выдохнул Андрей, протягивая для приветствия руку. - Прям, армагеддец какой-то!

- Так имя какое сурьезное, что ты! - подыграл Владимир, мультяшно выпучивая глаза. - Сам мусью Шаф-

Людмила Чемсо-Петросян. Валефа. Осень в Темнолесской.

ранов изволили почитать! Неслыханное везение для уездного городка, доложу тебе!

- Я смотрю, ты его не жалуешь?!

- Что есть, то есть! - не стал отрицать Владимир, привычно ударяясь в философствование - его любимое занятие. - Шафранов и иже ему подобные - глубоко несимпатичная мне публика! Но, что ты хочешь?! Удивительную формацию людей породило наше время, Андрюша, - людей, возвеличивающих душевную пустоту! Я воспитан на школе старых мастеров, и, откровенно говоря, мне по барабану все, что делает Никас, потому как к настоящему искусству это не имеет никакого отношения...

Владимир был немногим старше Андрея. Когда-то, очень давно, он окончил Суриковский институт, но художником так по большому счету и не стал, зато много и охотно критиковал других, впрочем, часто по делу. Переспорить его в вопросах живописи было невозможно.

- Сейчас художник тот, кто может позволить себе купить краски и холст. Не зарываясь глубоко, слизнул помадку с нужной информации в интернете и ходит с умным видом. Ты с ним поговори об искусстве, он тебя просветит - мама не горюй! Забрасает холст всеми цветами радуги и достает потом галерейщиков своими «нетленками»: примите искусство! Милльон стоит, но отдам, не скупясь. Видел, небось, такие картинки: голова - не голова, глаз - не глаз, в общем, задница, одним словом, и восклицает: «Вот так я вижу современное искусство, а ты, народ, хавай его, если не хочешь прослыть дураком!».

- Ну, это, пожалуй, больше к абстракционизму подходит! - решил блеснуть эрудированностью Андрей. - Шафранов, по-моему, неплохо рисует! И потом: старых мастеров никто не отвергает, но новое время рождает новых кумиров!

- Идолов, ты хотел сказать? - поправил его Владимир.

- Пусть так! Видишь, сколько ценителей пришло посмотреть на картины художника!

- Ценителей? Я тебя умоляю! Оценщиков! Зал, где висят его «открытки» - пустой! - Брезгливо скривив губы, Владимир кивнул в сторону столпившихся во дворе людей. - Думаешь, они действительно пришли увидеть его «божественную» живопись? Вся эта шобла собралась, чтобы приобщиться к НЕБОЖИТЕЛЮ, распиаренному СМИ. Еще бы: будет, что потом знаковым рассказать! Как же: лично видели-с, лично прикоснулись...

Владимиру был свойствен определенный цинизм в оценках мастерства своих коллег. Так, во всяком случае, казалось Андрею. Привычно ссылаясь в беседах на любовь к старым мастерам, он на деле с трудом, но еще мог признать талант за некоторыми из давно почивших. Что же касалось современников, то возвеличивать способности последних было выше его сил.

- Столько лет хожу на выставки, но никогда не встречал таких лиц! Откуда они все ...

Андрей пытался подобрать нужное слово.

- Повылазили? - договорил за него Владимир. - Ну, тут как раз всё просто! Все эти дамочки с перелицованными мордуленциями, их надермаколенные мамашки и дочурки-жеманницы - родня наших денежных тузов и местечкового власть имущего актива. Энти на другие выставки не ходят! - перешел он на просторечный язык. - Им тузовое имя подавай. Сейчас будут своих мужичков раскручивать на покупку «шедевра» от Никаса, а кто побогаче - на собственный «патрет» в одежке наложниц султана Сулеймана. Нынче богатые моду завели - иметь в спальне изображение жен или любовниц в negligé...

До официального открытия выставки еще оставалось немного времени, и Андрею не терпелось попасть в экспозиционный зал, чтобы успеть ознакомиться с работами модного художника. Несколько лет назад, начав приобретать картины разных авторов, он привлек в консультанты Владимира. Вот и сегодня собирался присмотреть с его помощью что-нибудь новое для своей

коллекции. Кроме эстетической составляющей, такая покупка, как полагал Андрей, несла в себе и определенные материальные выгоды, ведь в случае необходимости работу известного автора всегда можно перепродать.

Главный выставочный зал находился этажом выше. Увлекая Андрея к лестничному маршу, Владимир попытался отговорить его от покупки.

- Шафранов не тот художник, чьи картины стоит покупать...

- Стоит-стоит! - твердо заявил ему Андрей, тем самым пресекая дальнейшие разговоры на эту тему. - Твоя задача - посоветовать. Не думаю, что «открытки» Никаса, как ты пренебрежительно называешь его картины, висят в домах исключительно недалеких людей. В цене бы только сойтись!

- Ну, дело государственное, - не стал настаивать Владимир. - А в цене сойдешься, даже не сомневайся. Шафранов только на публику заявляет, что продает за миллионы, а на деле, уверяю, опустит стоимость до низшего предела.

- Дай-то бог! Очень хочется купить что-нибудь.

- Кто-то из мудрых сказал: если картина стоит больше, чем я могу за нее заплатить, то для меня она становится предметом роскоши, а не искусства! Правда, до такой мудрости не все дорастают, - проговорил Владимир, искоса поглядывая на Андрея, но тот сделал вид, что не расслышал его слов.

Андрей был уверен, что в его приятеле сидела обида на судьбу, ведь ни одна из написанных им картин так никогда и не была продана. Впрочем, это совсем не мешало скромному хранителю музейных фондов зарабатывать неплохие комиссионные на сделках. Профессионально разбиравшийся в живописи, Владимир помогал своими советами не только Андрею.

Залы, где экспонировались картины Шафранова, к удивлению Андрея действительно оказались пусты, лишь две крупногабаритные женщины и сопровождавший их не менее фактурный мужчина, обмениваясь восторженными репликами, лениво перемещались от стены к стене.

- Романтик! Боже мой, какой романтик! - делая на французский манер ударение на последнем слоге, восхищалась пожилая дама в длинном черном бархатном платье с поясом на том месте, где, очевидно, когда-то была талия. Ее левую грудь украшала большая алая роза. - Вы обратили внимание, как много шаров он рисует? Хрустальные шары... Ах! Очень мило! Хрупкой души человек, что тут скажешь.

- Извини, дорогая, художники не рисуют, художники - пишут! - тактично поправила обладательницу фантастического цветка дама помоложе. - Знаешь, пожалуй, ты права! Как психолог, я могу констатировать, что столь яркая палитра красок говорит о чрезвычайной утонченности его души, я бы даже сказала - ранимости! Он мне видится о-очень необычным человеком! Восхитительно!

- М-да, думаю, вы обе правы! - ворковал рядом мужчина, то ли поддерживая их за локотки, то ли, наоборот, опираясь. Лет семидесяти, с наголо

обритой головой и редкой седой бородкой, сплетенной в косичку, он походил на персонажа из американских комиксов. - Трепет! У меня его талант вызывает трепет! Вы понимаете, - тут мужчина медленно вытянул по направлению одной из картин руку, прикрыл глаза, замерев на мгновение, - я чувствую, как от них исходит благо...

- О, боже! - не сдержался Владимир, услышав столь патетическую оценку творчества Шафранова, и немедленно потянул Андрея в соседний зал. - Нет, ну ты слышал? Экстрасенс, твою бородку! Благо он чувствует! Я всегда говорил, что женщина-психолог - это неустроенный в жизни человек, часто с диагнозом, а мужчина-психолог - это вообще не мужчина!..

Обычно, если позволяло время, Андрей приходил задолго до официального открытия выставки. Можно было не спеша изучить экспозицию, услышать мнение местных художников, как правило, уже слонявшихся по залам. Со многими из них он был знаком. Однако сегодня ни одного художника здесь не оказалось.

- Твои коллеги так увлеченно работают над своими картинами, что не нашли времени прийти сюда? - спросил он Владимира, не скрывая иронии.

- А на что тут смотреть? - вскинул тот брови.

- Ах, ну да, я забыл: Шафранов - это плохо! - Андрей усмехнулся. - Володь, что бы ты ни говорил сейчас, это будет выглядеть как зависть. Никас умеет не только писать, но и продавать. Он успешен, богат! Его менее известным собратом по кисти и мастихину, очевидно, не просто задушить в себе чувство зависти. Всякий творческий человек непременно причисляет себя к гениям, отказывая в этом всем остальным. Как говорил классик: сложно наступить на горло собственной гордыне. Картинами Шафранова восхищаются многие известные люди страны. Ну, не все же они полные идиоты?

Андрей был рад, что, наконец, высказался.

Привыкнув, что приятель всегда прислушивается к его мнению, Владимир выразил удивление на лице.

- Ты так считаешь? Вот так все разом взяли и стали завидовать?.. Ты мне сейчас напоминаешь простого гончара, который искренне полагает, что разбирается в памятниках куда лучше, чем скульптор.

Сравнение с гончаром Андрея оскорбило.

- Да уж куда нам?! Мы ведь художественных коридоров не проходили! А ничего, что у меня высшее образование?

- И что, тебя на твоём факультете экономики, или что ты там оканчивал, учили понимать балет? Может, ты можешь отличить Доменико Чимарозу от Доминика Скарлатти, а Клода Моне от Эдуарда Мане?

- Интересно, все, кто не состоялся как художник, пошли в критики Шафранова? - Ответил уколom на укол Андрей.

Владимир ответил со свойственной ему иронией:

- Нет, не все! Некоторые, как видишь, стали хранителями музейных фондов!

- Ну ладно, художники не пришли - тут, как говорится, все ясно: зависть и даже не спорь! - чуть притушив запал, продолжал Андрей, полагая, что обмен колкостями он выиграл. - Но объясни мне, почему на ваши выставки не ходят артисты, музыканты, писательская братия - в общем те, кого принято называть богемой?

- Я тебя умоляю! Ты много видел музыкантов или поэтов, которые понимают живопись?

- Не думаю, что и вы, художники, что-то смыслите в стихах или тонкостях музыки! Очевидно, здесь проблема общекультурного обнищания нашего общества...

- Ну, не скажи, не скажи! - Губы Владимира расплылись в улыбке. - Я, к примеру, очень даже люблю классическую музыку! В былые времена, когда еще не щадил хвосты колонков и белок, стирая их о холсты, обязательно ставил пластинку Баха или Бетховена. - Картинно подбоченясь, словно стоял у мольберта, Владимир взял в правую руку невидимую кисть. - Как сейчас помню: малюешь барышню, возлежащую пред тобой на диване в чем мать родила, в ожидании, когда ты закончишь работу и начнешь угощать ее шампанским, или, на худой конец, чайком с заварным пирожным, если на игристое с икоркой денег не хватает, а из старенького патефона звуки доносятся! Очень хорошо, доложу тебе, писалось под Баха и Бетховена! А вот под Штрауса совсем не писалось! Под Штрауса дамам непременно хотелось пуститься со мною в пляс. Так и кидались на шею! А я ж не мог, ты же понимаешь! Я в этот момент в образе был... эээ... в образе творца! Как можно мастеру, творящему под величественную музыку свое искусство, танцевать с какой-то там бабенкой, сорри - обнаженной моделью? Никак нельзя! Обижались, призывали к грехопадению! Но я под Бетховена - ни-ни! Я, может, поэтому и не женат до сих пор, потому как молоденькие женщины Бетховена не очень уважают, а под «Ласковый май» или там «Мираж», я... хе-хе...

Словно продолжая писать невидимую картину, Владимир выставил руку еще дальше, и так забавно это у него получалось, что Андрей живо представил себе возлежащую на старом диване с торчащими пружинами голодную модель не первой молодости, желавшую закружить крупную фигуру Владимира в танце и... расхохотался.

- Вот, а ты говоришь: художники не любят музыкантов, поэтов и... кого ты там еще назвал?

- Артистов!

- А это кто такие?

Их хохот разорвал тишину небольшого зала, чем привлек внимание вошедшей следом за ними тройцы восторженных «психологов». Осуждающий взгляд последних красноречиво напомнил, что музей - не место для столь мальчишеского поведения...

Уже много лет в средствах массовой информации разгорались страсти вокруг имени Шафранова, чье лицо часто мелькало на телеэкранах рядом с известными артистами, депутатами, политиками. Одни медийные лица,

любившие потусоваться и попиариться не важно где, не важно с кем, называли художника гением, требуя от него взаимного восхваления. Другие же уверяли, что в его искусстве нет и толики творчества, лишь ремесло человека, страдающего дурновкусием.

Чтобы вознестись на олимп искусства, сделать себя значимым, Шафранову, осознавшему в какой-то момент, что самому никогда не подняться до нужного уровня настоящего искусства, пришлось перешагнуть через определенные моральные принципы, включающие в себя такие важные понятия для любого по-настоящему творческого человека, как профессиональная честь и достоинство. Решив однажды, что мораль еще никого не сделала богатым, он пошел путем наименьшего сопротивления. Умереть в нищете и безвестности, как заканчивали жизнь многие талантливые, но так никогда и не узнанные широкой публикой художники, он не собирался. Просчитав все ходы, ведущие к популяризации, Шафранов стал действовать, и начал с... имени.

Коля, Колян, Колюсик! Свое родное имя ему никогда не нравилось. Паспортно-официальное Николай казалось непрезентабельным. Решив сменить его на более звучное, он остановился на имени Никас, которое, как полагал, подходило ему больше. Ну на каких еще просторах России, с её Иванами да Марьями, встретишь такое редкое и запоминающееся имя?! Следующим этапом должен был стать пиар...

Просиживая часы со своими друзьями в модном парижском кафе, молодой Пабло Пикассо, чья история жизни весьма импонировала Шафранову, дабы утвердить свою значимость, как художника новой формации, частенько любил размахивать большим пистолетом перед лицами более старших коллег, нелестно отзывавшихся о его творчестве. Особенно от него доставалось тем, кто был обласкан прессой. Пикассо утверждал, что писать так, как они, он может обеими руками, но такая живопись давно не актуальна, и он намерен открыть миру новые течения. Со временем так и случилось, и имя художника еще при жизни стало синонимом новизны в искусстве.

То ли пистолет не нашелся, то ли характер оказался не таким горячим, как у великого испанца, но Шафранов решил идти иным путем, применив до гениальности простой трюк. Запустив в прессу легенду о том, что его картины имеются у многих известных лиц страны, он разослал некоторым нуворишам их собственные портреты, написанные, как с кальки, с доступных из прессы фотографий. Что там страны! Сам папа римский был счастлив получить собственный парадный портрет от русского гения, а уж всемирно известная актриса Софи Лорен - та просто в него влюблена!

Так, во всяком случае, Никас неустанно рассказывал всем подряд. Большим подспорьем для дальнейшего собственного продвижения стал альбом с портретами все тех же известных персонажей, выпущенный им за кровные деньги. Правда, о последнем обстоятельстве Шафранов умалчивал, скромно намекая очередному собеседнику на «царский подарок, сделан-

ный ему сверху». От кого «сверху», он не уточнял, лишь загадочно отводил глаза в сторону. Клиенту оставалось догадываться, а нищим коллегам завидовать: целует же Господь некоторых в лоб!

«Не многие могут позволить себе иметь работу Шафранова, - вкрадчиво внушал Никас очередному потенциальному заказчику, - а ты можешь!» И вот очередной счастливый обладатель собственного портрета, утопая в кружевных воротниках испанского идадьго или в парадном облачении короля Сигизмунда, уже сидит на рисованном троне с супружницей, вчера только отошедшей от газовой плиты, а нынче ставшей владелицей многих квадратных метров на лазурном побережье. «Тока ты других Сигизмундами не рисуй! - просит он художника, расплачиваясь за «шедевр». - Пусть я один им буду, понЯл?»

«Ну, о чем речь?! - Шафранов понимающе кивает в ответ. - Нужны другие костюмы, эпохи, кумиры? Не вопрос!...»

Такой путь к собственному возвеличиванию на Западе был известен давно. К тому же он не был суров, как те потасовки, какие устраивал на заре своего становления молодой Пабло. Правда была в том, что Пикассо действительно оказался талантливым живописцем и новатором. Но, прославив своё имя на весь мир, к концу жизни художник вернулся к упрощенным формам, достигнув понимания, что высшая идея любого искусства заключена в простоте. Забросив живопись, мастер стал работать с глиной, ваяя из нее сосуды.

Шафранов знал историю жизни великого художника, но лепить в старости вазочки не собирался: не настолько еще был богат и знаменит, как хотелось. Да и в философии уступал знаменитому коллеге по причине малограмотности. Продолжая одаривать состоятельных людей своими альбомами, он уверял, что в следующем выпуске разместит их лики (однозначно, святые!) рядом с портретом президента страны. Новые клиенты благоговейно закатывали глаза, выдыхая на американский манер: «О, май гад! Это реально круто!»

Верным оказался еще один расчет Шафранова: никто из его заказчиков в живописи не разбирался. Те же, кому он дарил, если понимали - всячески открещивались от картин художника. Но, об этом, естественно, «божественный» Никас распространяться не желал.

Приобретая «искусство» от Шафранова, нувориши полагали, что покупают место в высшем обществе, куда он большими стараниями пробил дорожку. «Обычный художник пишет то, что можно продать, а хороший продает то, что пишет», - говорил на закате своей жизни помудревший Пикассо. Никас продолжал писать то, что продавалось. С годами заказов стало прибавляться...

Вернувшись обратно в главный экспозиционный зал, они столкнулись с небольшой группой людей, возглавляемой старой знакомой Владимира, искусствоведам Эвелиной Майер - частым гостем всевозможных выставок. Как обычно, она находилась в окружении молодых коллег из университета, в котором преподавала.

- Эвелина Марковна, всегда рад вас видеть! - двинулся он навстречу ей. - Пришли прикоснуться к вечному?

Поправив на носу очки в толстой роговой оправе, Майер махнула рукой:

- Бог с вами, Володя, я уже видела эту галиматью в Москве! Вот, привела своих показать воочию, что такое антиискусство.

- Так уж и анти? - Владимир бросил на Андрея красноречивый взгляд, словно говоря: «Ну, что я тебе твердил!».

- Это все, что угодно, только не живопись. Так писать нельзя! - Извинившись за простуду, Майер потянула из своей сумочки носовой платок. - Любой студент художественного училища знает, что краски разного цвета, умело смешанные, должны играть на холсте, как хороший актер в театре. Это и называется живописью! А что мы видим у Шафранова?

- Полноте, Эвелина Марковна! - Владимир придал лицу выражение умиления. - О нем столько хорошего пишут ваши собратья по перу!

- О, еще как пишут! - согласилась она. - Им ведь тоже хочется есть. Если Шафранов заплатит мне приличные деньги, я, пожалуй, продам душу дьяволу и напишу о нем всё, что попросит и даже больше! Хотя нет! - Майер на секунду задумалась. - Жить потом с этим позором...

- Н-да! Начинающего художника понимает всего-то несколько человек, а знаменитого - почти никто! - многозначительно изрек Владимир.

Эвелина Марковна прошла вдоль стены, где висели картины. Следом за ней тенью двигалась ее свита. У портрета известного телеведущего, всю жизнь посвятившего изучению животного мира, она остановилась.

- Любая картина - это иллюзия! Художник должен найти способ убедить зрителя в правдоподобии своей лжи, иначе он просто ремесленник. Думаю, таких, с позволения сказать, «гениев», в каждом среднем городке можно найти с десяток, но, слава богу, не все они являются чьими-то выдвинутыми, иначе наша жизнь стала бы намного гаже. - Майер сморщила лоб, отчего тяжелые очки сползли на кончик носа. - В последнее время Шафранова стало слишком много! Я уже опасаясь включать микроволновку, вдруг он и оттуда заверещит!

- Вы совершенно правы, Эвелина Марковна! - неожиданно вступила в их диалог юная особа из ее окружения. Вглядываясь в хорошенькое личико девушки, Владимир невольно подтянулся, что не ускользнуло от Андрея. - Я вот недавно смотрела передачу про ремонт в санитарных комнатах... э-э-э... ну, в туалетах, проще говоря, так представьте себе, он и там обозначился! Рассказывал, какой у него дома, извините, унитаз стоит. Вы представляете? Это уже ни в какие рамки: художник и туалет!..

- Что вы говорите? - Еще больше втянув в себя выдающийся вперед живот, Владимир включил все свое обаяние. - Каков, однако! - Взяв девушку под руку, он неожиданно для всех, кроме Андрея, спросил ее: - А как вы относитесь к Бетховену? Мне кажется, он вам должен нравиться!

- Обожаю Бетховена! - ответила та, отчего-то покраснев. - Как можно его не любить?!

- Согласен! Вы знаете, под его музыку так хорошо пишутся жанровые картины! Если хотите, я вам как-нибудь расскажу об этом, - оживился Владимир, но, перехватив полный убийственного холода взгляд Майер, тут же выпустил руку девушки из своей. - И всё же, Эвелина Марковна, как вы находите выставку?

- Среди достойных моего внимания и времени я ее не нахожу! Как говаривал Йозеф Бойс: «Художником может быть каждый, кто таковым себя считает!». Это как раз тот случай. Ну, нравится Шафранову терзать холст - его право!

- Именно об этом я только что рассказывал своему другу! - В очередной раз показав Андрею ухмылку победителя, Владимир снова повернулся к понравившейся ему девушке. - Бойса не читал, но его высказывание очень совпадает с дюшановским тезисом: искусством может быть все, что угодно!

- Пусть эти перлы мудрости останутся на совести обоих мужей, - решительно отгораживая девушку от него, строго произнесла Майер. - А вы, Володя, прекратите поедать глазами нашу Ксению!

Но любвеобильный Владимир, подлив голосу елея, продолжал:

- Ксения?! Какое прелестное имя! А что, Эвелина Марковна, замужем наша Ксения или как? Я-то, если помните, человек пока что свободный от брачных пут, но, видя такое совершенство, готов к окольцеванию, и если...

- Никаких «если»! - все так же решительно ответила Майер. - Между прочим, у меня еще Левушка, мой племянник, не женившийся!

Невольно оказавшись объектом их разговора, девушка зарделась и скрылась за спинами подруг, чем вызвала сдержанные улыбки у окружающих.

- Жа-аль! - протянул Владимир. - Против вашего музыкального Лёвы, Эвелина Марковна, с его тяжелым роялем, мне не сдюжить! Ну вот, снова день не задался! Прожит зря!

- Как же зря? А выставка Шафранова? - Впервые за весь разговор Майер улыбнулась ему, и тут же перекинула внимание на Андрея: - Молодой человек, смотрите, не поддавайтесь на уговоры этого хитреца! Я слышала: вы приобретаете картины? Уж поверьте мне - здесь, - она махнула рукой вдоль стены с картинами, - ничего достойного вы не найдете. Не стоит пополнять ряды людей, не способных отличить хорошую картину от раскрашенного рисунка. Запомните: опасен не бездарный художник, опасны его почитатели! Чем больше их, тем ниже культура общества.

- Эвелина Марковна, о чем вы говорите?! Любовь народа к Никасу безгранична! Публика его обожает!

- Народ у нас всеядный, что не кинь - все съест, а уж если упаковать в блестящую обертку...

Андрей чувствовал себя неловко, делая вид, что изучает картины.

Одна из стен зала была полностью увешана портретами кошек, чьи головки Шафранов искусно дорисовал к женским фигурам, скомпилированным с картин известных мастеров. Остановившись возле одной такой работы, Эвелина Марковна покачала головой:

- Гюстав Флобер как-то сказал: художник должен присутствовать в своём произведении, как Бог во вселенной - быть вездесущим и невидимым! Что божественного мы можем увидеть здесь, позвольте вас спросить? Тонкую душу живописующего кошковеда?

Слово «живописующего» в устах человека, ответственного за каждое произнесенное слово, прозвучало как «живописающего», неся определенный оттенок, что заставило всех рассмеяться.

Бегло осмотрев кошачью галерею, Майер подступила к картине под названием «Король - Солнце».

- Ну, а здесь, извините, уже диагноз!

Это была известная работа Доминика Энгра «Император Наполеон», написанная художником в 1806 году. Не мудрствуя, Шафранов вместо головы полководца изобразил... солнце с отходящими от него лучами. «Реформатор» старого произведения не удосужился даже сменить императорскую мантию на королевское платье.

Андрей хорошо помнил картину по репродукциям в многочисленных художественных альбомах, которые он собирал.

После такой оценки «творчества» московского художника в зале наступила тишина, во время которой Андрей снова чувствовал себя неловко. Первым заговорил Владимир, в голосе которого скрывалась привычная ирония:

- Ну, не будем строги к «таланту»! Кажется, Эжен Делакруа говорил, что картина должна радовать глаз. Скольких людей радуют эти кошечки и солнцеголовые короли!

- Прежде всего картина должна питать душу! - сухо отреагировала на его иронию Эвелина Марковна. Зажав платком нос, она в очередной раз пыталась сдержать чих. - Я знаю людей, которые владеют приличными библиотеками, но при этом совсем не читают книг. Им доставляет удовольствие казаться умными. Картину нужно читать! Произведение искусства тем и отличается от ширпотреба, что вы его всегда видите разным.

- Нечитающий владелец библиотеки напоминает мне, пардон, евнухов: те, вроде, тоже жили в гаремах, да что толку! - вставил Владимир.

Скользнув взглядом по циферблату часов, Майер заторопилась:

- Опаздываю в университет...

- Эвелина Марковна, все порываюсь спросить вас: вот о чём говорят искусствоведы, когда собираются вместе?

- Вероятно, о том же, о чем и художники: о форме, содержании произведения, смысле, структуре! Но могут поговорить и о норковой шубке, если близко зима! - пошутила она.

- Это вы хорошо думаете о художниках, - засмеялся Владимир. - В действительности, когда мы собираемся, то говорим о том, как подорожали краски, что холст нынче не тот, не репинский, как бывал прежде, и что настоящее искусство сейчас уже никому не нужно.

- Вот как?! Видимо, это настоящие художники так рассуждают, Володя, а придворные говорят о яхтах, виллах за границей, галереях и академиях имени себя любимых. А вы пишете картины? - удивилась она. - Что-то я не припомню их на выставках!

- О, я еще удивлю мир! - без тени смущения на лице заявил Владимир. - Какие мои годы!

Андрей с трудом сдержал улыбку. Уже много лет его приятель выдавал эту заготовленную фразу всем интересующимся его творчеством, очевидно, сам давно перестав верить себе.

- Что ж, будем ждать! - Майер грациозно, насколько это позволяла ее располневшая с годами фигура, задвигала бедрами, держа путь к выходу из зала, но вдруг резко остановилась. - Знаете, я только сейчас поняла, что меня смущает в работах Шафранова, кроме, конечно, мещанства! Краски! Я их не вижу! Такое ощущение, что это слегка подкрашенные репродукции на холстах.

- Не поверите, Эвелина Марковна, но так оно и есть! - просиял Владимир. - А я-то полагал, что вы сразу обнаружили подвох!

Осмотревшись и не заметив вблизи посторонних глаз, он отвел от стены одну из картин, подставив свету ее бок. Все увидели края штамповки, затянутые скобами. Изготовленный на специальном цифровом дупликаторе методом трафаретной печати, позволявшей перенести на холст любой рисунок или фотографию, такой «шедевр» мог выпускаться в неограниченном количестве. Массовое издание не только обесценивало оригинал, но и опошляло искусство.

- Ризография? - Майер ужаснулась. - Шафранов, видимо, полагает, что здесь это пройдет? Ничуть не бывало! - Глаза Эвелины Марковны, увеличенные линзами очков, грозно расширились. - Что вы хотите - обесцеченное искусство! - вздохнула она. - Это такой же плевок нам всем, какой в свое время сделал Пьеро Мандзони. Но я этого так не оставлю! Я напому своим московским коллегам-искусствоведам, воспевающим всякую бездарность, что такое настоящая живопись...

Проводив гостей до выхода, Владимир вернулся невероятно довольный:

- Ну, теперь жди драчки между Майер и столичными писаками! Я, правда, надеялся, что Эвелина захочет публично «раздеть» Никаса.

- Хочется скандала?

- Очень! Скучно, понимаешь, живем! Хочется хорошего мордобоя, в фигуральном смысле, конечно! Эх, Андрюха, ты вообще понял, что сейчас произошло? - похлопал его по плечу Владимир.

- Ничего особенного. - В Андрее еще не прошла обида на приятеля за сравнение его с неграмотным народом. - Очередная субъективная

оценка творчества Шафранова. Ты, конечно, будешь утверждать, что искусствоведы не ошибаются в своих суждениях и их слово последнее в инстанции...

- Нет, не буду, - не стал с ним спорить Владимир. - Деньги у тебя есть, а знаний, извини, не хватает. Всего тебе все равно не объяснишь. Но я сейчас о другом. Ты, можно сказать, только что присутствовал при историческом моменте - очередном массовом исходе евреев из мест обетованных! Такого в стенах нашего музея еще не случалось, чтобы искусствоведы покидали площадку до открытия выставки!

- А при чём тут еврей? - не понял Андрей.

- Ну, как при чём, как при чём? Не секрет, что все галереи мира, музеи, концертные площадки, артистические сцены притягивают детей Израилевых, как манна небесная.

Наступал момент открытия выставки. Главный зал стал наполняться шумной публикой.

- Выходит, Шафранов обманывает людей, выставя копии своих работ? - Андрей понизил голос. - Но зачем успешному живописцу идти на такой обман? Продавай оригиналы!

- Их всегда мало, а копий можно наштамповать. Это даже не копии, это - мусор! - Владимир глазами выискивал в толпе знакомых. - Вообще-то, в приличном обществе за такое морду бьют. А насчет успешности... Успех даже таких прохиндеев, как Никас, таит в себе опасность: рано или поздно начинаешь копировать себя, если ты понимаешь, о чём я. Это даже хуже, чем копировать других, потому что приводит художника к бесплодности. Ты меня осуждаешь за то, что я плохо думаю о почитателях Шафранова, дескать, народ лучше знает, что ему нужно и его не обманешь. Это верно: народ обмануть нельзя, если он сам того не желает! Всякий обыватель, а ты обыватель, и не надо обижаться, думает, что понимает искусство. Но если художник учится творить искусство, то зритель должен учиться его понимать, чтобы подняться над своей безграмотностью. Художник обязан поднять обывателя на верхнюю полку культуры, а не опускаться на дно ящика. Для одного музыканта - три струны на балалайке, а другому нужен оркестр, сложная композиция. Вот как-то так!

- Что с моей коллекцией? Много мусора я приобрел с твоей помощью? - озадаченный сегодняшним курсом ликбеза, уныло поинтересовался Андрей.

- С твоей коллекцией все нормально! - успокоил его Владимир. - Картины мы тебе подбираем хорошие, достойные. Конечно, больших денег за них ты не выручишь, надумай продать, потому как мастера эти никому не известны, да и вряд ли когда будут на слуху, но и Шафранова через пятьдесят лет никто не вспомнит, разве что дурным словом, и уж точно я тебе не продал ни одной «банки от Мандзони».

- Кто такой этот Мандзони? - полюбопытствовал Андрей, вспомнив упоминание о нем Майер.

- О, эту историю должен знать всякий, кто решил кинуть бабло в топку повышения собственной значимости, - начал Владимир. - В мае 1961 года итальянский художник-концептуалист Пьеро Мандзони закрутил в консервных банках по тридцать граммов собственных фекалий, заготовив таким образом девяносто штук. На каждой из баночек он на четырех языках честно написал: «Стопроцентное натуральное дерьмо художника», и продал их по цене... золота. В 2007 году одна из этих баночек была продана на «Сотбис» за рекордные 124 тысячи евро.

...Шум в зале нарастал. Наконец, в сопровождении директрисы музея и представителя местной власти, перед собравшимися появился сам автор. Тут же появились журналисты местного телевидения и радио. Оператор принялся устанавливать штатив под видеокамеру, наводя ее объектив на московского гостя.

Андрей с Владимиром стояли к Шафранову довольно близко, так, что могли слышать его разговор с представителями прессы.

Две породные дамы, не особо церемонясь, протиснулись между приятелями, став впереди них. Затаив дыхание, они с вожделением взирали на столичного гостя, пытаясь поймать каждое его слово.

- Какой мужчина! - наконец выдохнула одна из них, и ее лицо озарилось счастливой улыбкой. - Какой человечек!

При слове «человечек» Андрея передернуло. Скрестив руки на груди, Владимир стоял рядом, нацепив на лицо маску стороннего наблюдателя.

Откинув со лба заученным движением головы прядь длинных волос, Шафранов, не обращая внимания на собравшихся, сосредоточился на журналистах.

- Где мне стать? Здесь нормально? - допытывался он у молодой журналистки, разматывавшей шнур для микрофона. - Как с освещением? Может, добавить софитов?..

- Все хорошо! - не поднимая головы, безучастно ответила та. - Да вы не волнуйтесь, мы вас уже достаточно поснимали в аэропорту!

Избалованный повышенным вниманием, художник, очевидно, от местной прессы ожидал большего уважения к собственной персоне, но девушка не выказывала к нему особого интереса. Шафранов заметно занервничал.

- Проверьте, пожалуйста, все еще раз! Я недавно давал интервью в Новосибирске, и там у них что-то не сработало. И да, снимите меня... - оглядевшись по сторонам, он встал рядом с высоким мужчиной, одетым в строгий деловой костюм, - снимите меня с заместителем вашего губернатора!

Стоявшая прежде рядом с Шафрановым, директриса музея неловко отодвинулась в сторону. Наконец оператор подал знак. Все так же, не поднимая головы, журналистка бросила:

- Картинка готова! У нас будет несколько минут!

- Как и все? - Голос Никаса сник. Эта пигалица явно не воспринимала его подобающим образом. Словно призывая к помощи местного высоко-

го начальства, Шафранов обиженно воскликнул: - Несколько минут - это очень мало! Ну, не каждый же день к вам приезжают известные всему миру художники?

- Знаменитостей у нас хватает! - придав голосу стали, холодно отреагировала на его замечание журналистка. - Вы не волнуйтесь! - повторила она. - Сейчас мы снимаем картинку для новостной программы, а вечером вас пригласят в студию на запись!

- Значит, у меня еще будет возможность встретиться с поклонниками моего таланта? Прекрасно! Надеюсь, ваши местные знаменитости не сильно на меня обидятся!

- Не сильно, у нас добрый народ! - парировала девушка, будучи явно не в духе. - Тем более, что ваши почитатели останутся за кадром: в студии вы будете один на один с ведущей.

Решив больше не вступать с прессой в пререкания, - себе дорожке, - Шафранов нервно потер ладони.

- Пожалуй, начнем...

С этого момента он ни на минуту не забывал, что находится перед камерой.

Первой выступила директор музея. Представляя публике известного художника, она, к своей чести, не стала особо рассыпать комплименты в его адрес. Работники музея знали, как неохотно их руководительница согласилась на проведение этой незапланированной выставки, на которую пришлось затрачивать и время, и средства. Произнеся дежурные в таких случаях слова, она предложила автору рассказать о своем творчестве.

Андрей приготовился услышать очередную историю становления художника. Как правило, такие выступления были похожи: люблю рисовать с детства, ходил в художественную школу, особенно на мое творчество повлияло искусство такого-то живописца и так далее. Однако Шафранов, вопреки ожиданию, говорить о себе не стал. Со стороны это могло характеризовать его, как человека скромного. На деле он так часто придумывал о себе всевозможные небылицы, что сам окончательно запутался в них. Попав несколько раз в неловкие ситуации, когда дотошные журналисты уличали его во лжи, Никас решил, что впредь ему стоит меньше говорить на официальных церемониях. Так он, к тому же, будет выглядеть загадочнее. Поприветствовав гостей, художник не преминул высказать обиду в адрес так и не посетившего его выставку губернатора, заметив, что в других краях его уважают больше, и перешел ко второй части своего «выступления», по всей видимости тщательно отрепетированной. Так, во всяком случае, показалось Андрею.

«Всемирно известный гений» в свойственной ему лениво-валяжной манере рассказал, как буквально был завален просьбами местных властей осчастливить своим визитом их земляков и, несмотря на «страшную загруженность и выставочную деятельность, расписанную на годы вперед», он (светлый человек!) никак не мог им в этом отказать.

- ...И вот я здесь! - потупив взор, тихо сказал Шафранов. Зал тут же принялся неистово рукоплескать ему. - Знаете, как это важно для нас, художников, когда на твою выставку идёт простой народ!..

Безусловно, этой фразой он стал ближе СВОЕМУ зрителю, роднее. Густо пахнувшие парфюмерией соседки приятелей обмякли. Казалось, еще мгновение и женщины бросятся на шею любимому «человечку». Тем временем Никас, закончив короткую речь, медленно, с каким-то упоением, стал стягивать со своей руки часы, сопровождая действие комментарием:

- Я снимаю свои золотые «Картье» и надеваю часы, подаренные вашим губернатором! Надеюсь, они будут не хуже моих «Картье»! - снова сделал он ударение на названии знаменитой французской ювелирной и часовой фирмы, ловко пряча в карман пиджака один хронометр и выуживая из него другой...

Одна из тайн настоящего искусства состоит в том, что каждая творческая личность переживает периоды наполненности и опустошённости. Эгоцентризм человека, выступавшего сейчас перед аудиторией, не предполагал последнего. В каждом его жесте, слове, взгляде читалась только наполненность самим собой, своей значимостью. Разочарованию Андрея не было предела. От встречи с «гением» он ожидал иного: разговора об искусстве, своих исканиях, сомнениях. Отрепетированная не на одной площадке «игра» заезжего гастролера продолжалась. В какой-то момент Андрею стало даже приятно от того, что в зале так и не появились первые лица края и города. Но ведь для чего-то они пригласили Шафранова?!

- Да никто его не приглашал! - поведал ему тихо на ухо всезнающий Владимир. - Стыдно им тут объявляться! Ну, не совсем же глупые?! Губеру позвонили из Москвы, так, мол, и так: выставку провести, деньги на ее проведение выделить, из средств местного бюджета сделать закупку картин!

Услышав сзади бормотание, одна из дамочек резко обернулась, злобно сверкнув стекляшками модных очков.

- Неужели сам министр культуры позвонил? - удивился Андрей.

- Нет, конечно! Было бы откровенным свинством занимать такую должность и не понимать, кто такой Шафранов. Народ поговаривает, что за ним стоит один известный кинорежиссер, представляющий культуру в Госдуме. По слухам Никас отстегивает ему за продвижение приличные проценты.

Услышав известное имя, Андрей возмутился:

- Киноделу что, зарплаты «думца» мало? На жизнь не хватает?

- Старый уже! Муза сбежала, кино не снимает, а кушать-то хочца!

Едва Шафранов закончил манипуляции с часами, как из бездонного кармана его пиджака донеслась мелодичная трель мобильного телефона, который хозяин, готовясь выступить перед публикой, почему-то не отключил, позабыв, очевидно, о правилах приличия, или намеренно...

Андрей даже повертел головой по сторонам, пытаясь выискать в толпе тайного руководителя этого действия, так слаженно срежиссированного.

Медленно вынув на свет дорогой прибор связи - еще один по значимости атрибут современных успешных людей или им подражающих, - Шафранов, не считая нужным извиниться перед публикой, поднес его к уху.

- Послушайте, я сейчас нахожусь далеко от Москвы, в одном очень приличном городе, где открываю свою пер-со-нальную выставку, - намеренно растягивая слова, медленно выговорил он неведомому собеседнику, успев шепнуть в зал, что звонят из Госдумы, - и передо мной... - тут он отвел взгляд от лица журналистки, полного неприкрытого сарказма, - три тысячи камер! Вы меня отвлекаете...

В голосе Шафранова почувствовалось наигранное раздражение, впрочем, недолгое и негромкое. Публика глотала всё: и детскую игру в «а мои часики лучше!», и про множество камер вместо одной. Андрей с удивлением рассматривал лица окружающих. Каким восторгом горели их глаза!

Закончив краткий разговор с невидимым собеседником, Шафранов, не сказав больше ни слова, схватил заместителя губернатора за руку и потащил по залам показывать свои работы. Охрана чиновника тут же окружила их полукольцом. С этой минуты никто кроме этого высокого мужчины, наделённого властью «отпускать деньги» на закупку картин, художника не интересовал. Стоявшей в некоторой растерянности директрисе музея не оставалось ничего другого, как предложить зрителям осмотреть выставку, и тут же исчезнуть в своем кабинете.

Ропот пробежался по залу: уж слишком быстро закончилась долгожданная встреча публики с ее кумиром. Особо ретивые из воздыхателей Никаса, не желая мириться с таким положением дел, последовали за ним, собравшись в некоторое подобие хвоста кометы под названием «Шафранов».

Андрей с брезгливостью смотрел им вслед. На душе было скверно от осознания, что еще каких-то полчаса назад он и сам мог оказаться пылью этого хвоста. Сейчас он был благодарен Владимиру и Майер, преподавшим ему урок искусствознания.

- Ну, будем покупать Никаса? - спросил Владимир, пытаясь уловить по лицу Андрея его настроение.

«Я просто думал вложить деньги...», - хотел было оправдаться Андрей, и, через силу улыбнувшись, решительно произнес:

- К черту Никаса! Будем учиться скромности, пока ее не отменили...

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

Что такое русская поэзия?

Это каждый день ступать по лезвию,
властвовать собой и знать безумие,
айсберг расплавлять в жерле Везувия!

А ещё - высокое смирение
и гордыни дерзкое сомнение,
противление Богу, с сердцем битва,
а в конце - раскаянье, молитва.

Что такое русская поэзия?

В дебри разъяснений не полезу я.

Лучшие читатели империи -
бенкендорфы, дубельты и берии...

В каждую строфу ломились в гости
так, что женских рифм трещали кости!
Знали даже скрытых в неизвестности
сыновей и пасынков словесности.

Что такое русская поэзия?

Девочка в цветах босая, резвая
и шалава грязная, запойная,
грусть-тоска по родине разбойная,
белый вальс, смущенье гимназистки,
жар любовный в скомканной записке.

Что такое русская поэзия?

Душ сгоревших белая магнезия,
ночи без ночлега с папиросами,
жизнь с неразрешимыми вопросами,
искорка, погасшая под бровью
вслед за потухающею кровью,
запятые, точки бесполезные,
строчки с самой юности любезные
Пушкина, Кольцова Пастернака,
выгнанная на мороз собака...

СООТЕЧЕСТВЕННИКУ

Когда имперское сознание
жить с хуторским обречено,
не хорони себя заранее,
в Россию прорубай окно.
Смотря на башню Гедимины,
не забывай о башне Спасской,
жуй честный хлеб и сало с тмином,
живи как жил, не по указке.

СТИХИ

Не тексты стихи, не фразы,
а жизнь вопреки всему...
В них - к сердцу спускается разум,
сердце восходит к уму.

УБЕЖДЕНИЕ

Мои богатые друзья,
я знаю непреложно:
жить на поэзию нельзя,
но жить стихами можно!

ДВЕ РЕЧИ

Удобна косвенная речь:
всё можно ей в туман облечь.
Она ответственность снимает
с тех, кто нас в жизни донимает.
Вводя спасительное, что
оправдываются: не то
мы говорили, запятую
меж слов воткнули не такую.
И выгодна такая речь,
раз шкуру надобно сберечь!..
Я выбираю речь иную,
предпочитаю речь прямую!

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

Речь литовскую в свою перелагая,
городом без устали шагаю.
Совершенство готики меня
поражает сходством со стихами:
в пламени застывшего огня
догорают годы мотыльками.
Только город в сердце сохранит
всех, шагающих бесстрашно в вечность.
В зимнем небе колокол звонит,
иней опускается на плечи...

ВИЛЬНЮС

Здесь мёд - мядус. Санскрит летуч!
Гортань в предчувствии немеет, -
три имени летят из туч:
Марина, Анна, Саломея.
Переливаются слова,
в славянский стих сплетясь узором,
здесь князь татарский воровал
литовок узкоглазым взором.
Здесь мальчик плакал крепостной,
ему земля казалась адом.
Здесь над быстрою водой
друг Александра юный Адам.
Здесь кровь и пепел, пот людской
впитались в вековой булыжник...
И этот город над рекой
мне с каждым годом сердцу ближе.
Приобретения его
и скорбные его утраты
суть составляют, естество,
рождающееся стократно.
Здесь в узких улочках живёт
неизъяснимое пространство...
Я им дышу из года в год
при возвращении из странствий.

Здесь я стихи перевожу,
стихи с литовского на русский,
и каждым словом дорожу,
двойную чувствую нагрузку.
Здесь сын рождён, здесь мой отец
пророс травой такой зелёной...
Здесь целовался, наконец,
сто лет назад под старым клёном.
Здесь никогда не одарю
друзей лукавостью чертовской,
когда негромко говорю:
«Я русский сын земли литовской».

Из архивов Юрия Кобрин. Вильнюс. Костёл Святой Анны

НАС СПАСЁТ ПИСЬМЕННОСТЬ

Вообще-то, нас спасёт письменность. Прикосновение волшебных букв к бумаге рождает оттиск - тончайший слой, математическая точность укладки. Его и будем прикладывать к нездоровым местам. Все же помнят, что в начале было слово. Вот нам всем и надо туда - в самое что ни на есть начало...

КАК ПИШЕТСЯ РАССКАЗ

«Ровно в 12 часов по Гринвичу Петя Касаткин закрыл свой рот». Действительно, а чего бы Пете Касаткину не закрыть свой рот? По Гринвичу. Интересно, зачем он его вообще открывал? А вот и чьи-то голоса:

- Между прочим, наш зам, судя по всему, в прошлой жизни был конским слепнем.

- Навозом он был. Конским.

- Да нет, у него склад ума татарской женщины.

- А у вас шаловливое лицо.

- Хорошо ещё, что не шалавистое.

- Слушайте, маженуар - это одеколон или мужик?

- Ну ты, слепок с античной ночной вазы, чего застыл с алебардой?

- Дождались! Сцена пятая, картина седьмая, те же и тень отца Гамлета.

Голоса слабеют и пропадают.

Я пишу рассказ. Я пишу его в любое время: когда стою, сижу, лежу, еду. Могу из-за рассказа уехать не туда.

«Ровно в 12 часов по Гринвичу...» Он начинается всегда с одной только фразы. Вот как эта. Главное - не торопить рассказ, и он пойдёт сам.

А ты вроде бы и не при чём. Ты наблюдаешь со стороны, как он обростает словами, и как слова соединяются друг с другом, как они друг в друга влюбляются, втюриваются, втюхиваются, и как они изменяют друг другу, бросают на полпути.

А потом с какого-то момента вдруг пошли, пошли люди, лица, события. Они хлынули, они мешают друг

Евгений Кузнецов. Фразы

другу, и половина рассказа уходит неизвестно куда, так никогда и не попав на бумагу.

Может быть, когда-нибудь память вернёт их?

Вполне может быть.

А может быть, и нет.

А раз нет, значит, так и должно было случиться.

КАК ТАМ СТРАНА?

Невероятно!

Я вчера чуть не сошёл с ума.

Две недели в море - всплытие-погружение, всплытие-погружение, не спали, не жрали, спешка, суета, режимы рваные и к тому же, понятное дело, мощнейшее информационное голодание. Так что, только вошёл в квартиру в 7 утра, сразу же, в шинели, не рздеваясь, пошёл к телевизору, чтоб узнать, как там страна.

Включил и чуть не сдох.

Там на экране мужик мордой тужится - ам-ам! - руками водит и не издаёт ни звука.

С экрана тишина.

И я сразу понял, что сошёл с ума.

Выключил, подождал, опять включаю - опять мужик, и опять тишина.

Я даже застонал, по-моему. Точно. Сошёл.

Как же я детям-то своим всё это объясню?

И тут на моё счастье на экране появляется диктор и говорит, что завтра, в это же время, можно будет поставить перед экраном гораздо больше воды.

Оказывается, это выступает незнакомый мне молчаливый кудесник Чумаков, и он заряжает воду космической праной для всей страны.

Вот я смеялся!

Вот я заливался малиновым колокольчиком, падал на диван, а потом с дивана, всхлипывал, причмокивал, чирикал воробьём.

Оказывается, я не сошёл с ума.

После этого я немедленно уснул. Прямо в шинели, на полу, совершенно счастливый.

О СКАЗКАХ

Иногда я пишу сказки. Я и раньше их писал и теперь пишу. Раньше я писал для своего маленького сына. Как только он научился говорить, мы с ним беседовали, и я эти беседы записал. Потом мне захотелось рассказать ему сказки, но таких сказок, что понравились бы мне самому, под руками не было - времена были такие, что и книг-то хороших под руками не было. В сказках мир удивительный, волшебный. Там стрекоза может оказаться феей, а большой утес ожить и стать дедушкой, и от этого весь мир вспыхивает, становится объемным, глубоким, невероятно теплым. Его можно попробовать, пощупать и на вкус он сладостный.

Герои в сказках никогда тебя не бросят, не предадут. Они всегда готовы встать с тобой рядом в битве, а если предлагают тебе свою любовь, то она будет самой искренней и преданной.

Можно рассказывать сказки о чем угодно, хоть о ветре, хоть о солнышке, хоть о детских корабликах.

Вот, например...

ЛЮСТРА

- Расскажи мне про чего-нибудь, - попросил маленький Сашка.

- Про что «чего-нибудь»?

- Про что хочешь, - сказал он, а потом подумал и говорит, - А про что можно рассказать?

- Да, про что угодно. Хочешь, про люстру расскажу?

- Ну, давай.

- Жила-была одна моя знакомая Люстра. И захотелось ей снести яйца. Пошла она в то помещение, где все люстры несут яйца, села там и снесла. Яиц было десять. Люстра пересчитала яйца, распушила свои висюльки, осторожно уселась на яйца сверху и давай их высиживать. Скоро из них вылупились маленькие люстры. Да, такие шустрые, только вылупились и принялись бегать. Насилу она их собрала. Некоторые из них были страшно талантливы. Когда пришло время им висеть, они очень талантливо висели.

А одна маленькая люстрочка была просто прекрасна. И была она прекрасна, как фонтан. Многие ходили вокруг и говорили: «Да это же не люстра, это просто фонтан!»

Сашка выслушал, посмотрел на меня хитро и говорит:

- Все-то ты врешь!

ОСЛИК

- Давай поговорим, - сказал маленький Сашка.

- Давай, - сказал я.

- Ну, говори, - сказал он.

- А о чем?

- Все равно. Ты же был ребенком.

- Был, конечно.

- Вот и расскажи, что тогда было.

- Ладно. Сейчас расскажу. Дай подумаю. А, ну вот.

Это было однажды. Вот иду я ребенком как-то по дороге, а навстречу мне животное - ослик. У него ослые глаза, ослые уши и еще у него хвост, тоже ослий. Я ему: «Здравствуй, ослик!»

- Здравствуй! - сказал он и попросил, - Дерни меня, пожалуйста, за хвост.

- А зачем? - спросил я.

- Все мальчишки, проходя мимо, дергают меня за хвост и потом радостно смеются. Им становится весело. Я хочу, чтоб тебе тоже стало весело.

- Нет, - сказал я, - мне и так хорошо, и мне будет очень грустно, если я дерну тебя за хвост.

- Ты - ненормальный мальчишка, - сказал он, - нормальный дернул бы...

После этого он улетел. У него выросли крылья.

- Ну, как тебе эта история?

- Ничего. Только я же говорил: поговорим о настоящем, а ты опять за свое...

ПЕРЕД СНОМ

- Пап, ты что, спишь? - это Сашка. Наши кровати стоят рядом. Он засыпает только тогда, когда держит меня за руку. Говорит всегда: «Дай ручку!» - и я даю, он за нее хватается и засыпает. Только я ни в коем случае не должен заснуть раньше него. Сашка за этим бдительно следит.

- Ты не спи!

- Хорошо!

Глаза сами слипаются. Мама наша уже давно в подушку дышит, а Санька - нет.

- Папа, ты всегда думаешь?

- Нет, наверное.

- А я всегда.

- И о чем же ты думаешь?
- Я думаю, а вдруг все умрут.
- Как это «все».
- Ну, все люди!
- С чего это?
- Господи! Ну, ты можешь по-человечески так подумать?
- Ну, могу.
- Вот! Я бы тогда мороженого наелся...

- Пап, а ты, когда был маленький, боялся умереть?
- Боялся.
- Вот и я боялся. А потом перестал.
- Почему?
- Ну, я же вырос.

- Пап, а в Африке люди зачем живут?
- Они там родились.
- Это они из-за слонов?
- Почему из-за слонов?
- Ну, чтоб каждый день слонов видеть.

- Пап, тут некоторые говорят, что Вселенная разбегается.
- Ну, и что?
- Что «ну и что»?
- Ну, и что? Ну, разбегается она, ну и что?
- Я что-то не понимаю, ты совсем что ли нашим будущим не интересуешься?

КРАСОТА

Сашке семь лет. Рисует он только церкви. Купола и кресты. Если попадаем с ним в город, то каждая встреченная церковь - это задумчивый поход вокруг нее, оценивающий взгляд.

После пяти церквей я обычно еле ноги волочу, а он бодро вышагивает.

Подходим к Казанскому собору. Сашка немедленно и молча направляется к нему, а я, со стоном внутренним и с надеждой в голосе:

- Сань, может не будем его осматривать, а?
- Санька, остановившись, разводя руками, возмущенно:
- Ну-у... если ты не хочешь смотреть эту красоту!..
- Делать нечего. Отправляемся смотреть «красоту».

АРАБСКИЙ

Саньке двенадцать.

Летом он вдруг решил изучать арабский. Измученный этим его решением, я направился в университет на восточный факультет, где - о, счастье! - за деньги можно летом учить арабский.

Санька ростом очень мелкий и с увесистым учебником арабской грамматики выглядит, как Буратино с букварем. Я его сопровождаю. Тащу учебники. Преподаватели смотрят на него с нескрываемым уважением.

По дороге мы заходим в книжный магазин, где он, мой отпрыск, в мгновение ока находит Коран и учебник грамматики санскрита.

Подходит ко мне:

- Купишь?

- Сань, ну Коран - понятно. Вещь очень нужная. А санскрит-то тебе зачем?

- А ты знаешь, что на нем уже не говорят?

- Ну, вот! Тем более!

- Ты, значит, хочешь, что-ли, чтоб его совсем забыли?

- Я-я?...

В общем, я купил и санскрит...

ВЕЧЕРОМ

Вечером, перед тем, как ложиться спать, мы обычно тушим свет, собираемся у кого-нибудь на кровати и болтаем. О чем угодно. Иногда я что-то рассказываю. Все равно что. Не то что бы я знаю что-то, просто я фантазирую. Как-то начал рассказывать о времени.

- Закройте глаза, - говорю, - я расскажу вам о времени. Дело в том, что только в нашем измерении существует пространство и время. Но есть такое измерение, где наше, здешнее время - это пространство, и каждый его момент существует на манер отдельной ячейки. И оно есть всегда. То есть, всегда можно найти себя и любой миг своей жизни. Это похоже на то, что ты летишь над полем, а на нем вплотную стоят колоски. И каждый колосок это ты и весь окружающий тебя мир в разные мгновения существования. И в каждое мгновение можно вернуться. Было бы желание. И так для любого человека. Здорово все устроено. Ничего не пропадает.

- Пап, расскажи еще что-нибудь, - говорит Сашка.

- А тебе нравится?

- Ну, да. Под твои разговоры хорошо засыпать.

«2045»

Мне приснился научно-фантастический фильм «2045». Вот его краткое содержание (синопсис).

Мрак, темные, нависшие над самой землей тучи, гром, молнии, дождь. Под проливным дождем идет жуткая бронированная машина с надписью сбоку «Газпр...» - и дальше неразборчиво, на гусеничном

ходу, то и дело изрыгающая огонь, поливающая все из пулеметов. Из мрака медленно поднимаются слова «Величайшая. Дожившим». Надпись пропадает, слышится хруст - это гусеницы давят человеческие черепа, а дикторский голос объявляет, что андроиды защищают цивилизацию от мутантов.

У андроидов красные зрачки глаз, у мутантов - зеленые, но лучше всего и тех и других отличают бездомные собаки. Андроиды не любят собак.

Действие разворачивается на правом берегу реки Невы. Вдалеке видна четырехсотметровая обугленная башня. Это главная башня андроидов, их последний оплот. Она наклонена, на манер Пизанской башни, но она все еще стоит, держится. Она нависает над рекой. Молнии бьют в берег, ужас.

Через реку на торпедо переправляется главная героиня Маша. Она обнимает торпеду, та изредка работает винтом, стараясь не задеть Машу. Маша молится, торпедо тоже - голосом диктора. Всюду на берегу лежат оторванные правые ноги. Почему только правые? Не знаю, но лежат. Считается кровь. Считается и стынет, остывнув, опять считается. Много полуголых людей с четырьмя ногами. Рук у них так много, что невозможно сосчитать.

Маша доплыла. Она целует и отпускает торпеду, и та, почувствовав свободу, резко включает максимальный ход, выскакивает на берег и таранит бронемашину - взрыв.

Маша жива, но ее отбросило к обгоревшему мутанту. Тот умирает, но просит показать ему... он забыл это слово... точнее, он его никогда не знал, потому что не видел... показать... все дело в том, что он учился как раз в то время, когда ввели в школах платное образование, и русский язык был платным предметом, а бесплатно учили только молиться, после чего давали кефир. И вот слово «кефир» он помнит, а это не то, чтобы... в общем, используя только слово «кефир», он не сможет сформулировать свое желание.

Но Маша догадалась. Она немедленно разделась, после чего мутант спокойно отошел в мир иной. Маша медленно одевается. Она понимает, что должна найти отца. Сначала он был андроидом, а потом стал мутантом, сохранив способность становится андроидом в зависимости от своего желания.

Она находит отца - тот ведет мутантов в последний бой на башню. Всюду летают космические боевые машины. Мутанты стреляют в них из арбалетов. Кидаются копья. На лезвии копья минут пять играет солнце, которое выплывает из-за туч, только для того, чтобы поиграть на лезвии.

На ступенях башни Маша находит отца. Он окружен мутантами и бездомными собаками. Любовь Маши к отцу и отца к Маше занимает примерно сорок минут. Всем в этом мире правит любовь - это основная мысль.

Именно любовь помогает сокрушить башню.

Наступает рассвет. Это рассвет новой жизни.

Последние слова отца Маши в кадре посвящены бесплатному образованию.

Всё...

Быстро движутся титры.

МЕНЯ МНОГОЕ ИНТЕРЕСУЕТ

А меня многое интересует. К примеру, мне интересно, как у нас развивается такой вид единоборств, как самбо, и чем в этом деле нам сможет помочь актер Жан-Клод Ван Дамм?

А еще мне интересно, не утомили ли в Екатеринбурге тетушку Ангеле тонкими ходами различных рассуждений? И не пора ли брать ее под локоток со словами: «Нынешний разговор, мадам, гораздо короче давешнего»?

И еще хорошо бы сводить ее на экскурсию в наш музей оживших восковых фигур - это когда фигуры, хоть уже и восковые, но все еще живы, пардон.

Для чего музей, конечно же, придется привести с собой: «А тут у нас художник, не надо трогать его руками, мадам. Вы видели его творенья? А вот и режиссер. Его последний проект нас всех потряс. А вот и писатель. Раньше он писал только в стол, а теперь мы всё это вывернули. А вот и известный правозащитник, мадам, жаль только, что с рождения он глух и нем, а вот и культура, бывший ректор бывшего университета. А вот наш спортсмен. Вы должны помнить его последний прыжок. Потрясающая сила духа, ну и так, вообще...» - словом, найдется, чем ее позабавить. Просто бальзам для сломанной кости, я так считаю.

Если у тетушки в организме найдется сломанная кость, то и бальзам кстати. Если же все кости целы, то и бальзам лишним не будет.

Заодно можно поинтересоваться, как у нее обстоят дела с испариной и пищеварением - я бы, наверное, занемог от прекращения этих полезных функций, если бы мысли мои не были отвлечены и здоровье не спасено новой волной забот.

Именно с этого момента во мне проснулся интерес к литературе.

Точно, это было в пятницу: я вдруг подошёл к книжному шкафу и, что никогда не делал, ласково погладил корешки (книг, конечно же).

После чего, само собой, меня уже неудержимо потянули к себе - с точки зрения композиционной, разумеется - психологические опусы ранних и экзистенциальные сентенции поздних французов и я немедленно увлёкся соотношениями парадоксального, ортодоксального и исповедального в прозе, полюбил ненавязчивые парадигмы.

Теперь меня часто можно было наблюдать шляющимся с томиком Паскаля в руке, а также изучающим всякие Авесты, Ницше и Фрейда.

Я полюбил приставки и суффиксы,
аффиксы и префиксы,
и особенно корни - их в первую голову.

Всё теперь для меня имело значение, и мир теперь являл собой особую ценность, потому что в нём были слова -

мягкие,
терпкие,

гладкие,
едкие,
колючие,
жгучие,
вкусные,
грустные.

Я даже посещал поэтические семинары.

Там по вечерам собирались поэты и в атмосфере хрупкости душевного устройства слагали вирши.

Следовало при этом их хвалить.

Потому что поэта можно легко убить, сказав, что у него не стихи...

Нужно было говорить так: «...Образность прозрачных линий не всегда доминирует... эм... я бы сказал... вот...»

Семинары вёл гений - сын ящерицы: потому что на абсолютно лысом черепе глаза казались особенно выпуклыми, потому что помещались в бугорке из складок полувяленной кожи.

Когда я впервые увидел это сокровище отечественной изящной словесности, я почему-то подумал, что он должен ходить по душевной комнате босиком с лукошком и разбрасывать по стенам гекконов, которых он из этого лукошка и достаёт.

Он разбрасывает - они прилипают.

Я там узнал много новых слов.

Я там узнал слово «сакрально».

Его следовало произносить с придыханием, томно расслабив члены.

Его нужно было вставлять где попало - оно всегда выглядело к месту.

Там же я познакомился с иностранцами и даже прослыл среди них чем-то вроде путеводителя...

МЫСЛИ ВСЛУХ

Иногда трудно написать даже одну строчку. Звуки не идут. Ведь в начале письма всегда музыка. Послушал, и слова пришли. Сами. Порой льются - не сдержать, но иногда - ни звука.

Я думаю, думаю, думаю. Я должен придумать. Я придумаю. Все должно быть новым. Зачеркнуть, и начать заново.

Я пишу на сытый желудок, а правлю после клизмы натошак - так получается яростней.

Но я же гуманист. Тому двадцать лет, как я возлюбил ближнего своего, аки агнца божьего.

Очень сильно с той поры поменялся, просто кардинально, внешне, внутренне, и давно уже никого не бою.

Есть писатели только одной книги, и есть читатели только одной книги. Когда они совпадают друг с другом - наступает истинная гармония.

Видите ли, во всем виновата первичная теплота, которая пребывает в первичной влаге - тут речь мы ведем об утробе, конечно, где и должна заводиться, по моему разумению, национальная идея и чувство долга. То есть, долг передается с зачатием? Безусловно! Он такой... с хвостиком, а потом хвостик отпадает.

Милый вы мой, батенька! Х... чи-та-тель! Да кто Вам сказал, что я должен из Вас человека делать? А?

Это не ко мне, это к маме с папой.

А впрочем, слово способно воспитать даже осла - я все время говорю что-нибудь такое. И..

Но зря ты, читатель, думаешь, что то, что не захотят слышать от тебя, услышат от меня. Люди вообще плохо слышат. А если и слышат, то не понимают. По этой самой причине я уже давно и успешно скоморошничая.

Шута слушают. Слова шута западают в душу. Шут свое не навязывает, не принуждает, от того его мысли легче принять, а потом выдать за свои.

Так что, если тебя, читатель, что-то интересует, спрашивай меня смело. Тема не имеет значения. Запретов нет. Свое мнение на происходящее у меня есть. Отвечу на любой вопрос.

К слову, стоит только записать любую фразу и вот она уже стала значительной, особенно если ее записать вороньим пером на пожелтевшей бумаге, мелким и тонким почерком очень бледными чернилами. Тогда у нее будут все основания походить на старинную запись, само существование которой проверено временем, и пусть даже записана откровенная глупость, но это будет глупость, прошедшая через века, а глупость, прошедшая через века - это почти генетический код человечества.

Ах, друг, друг, друг мой, сыты ли вы душевно? Меня это постоянно заботит. Печалиться приходится только об этом - о душевной сытости. Трогают ли вас ускользающие картины бытия и все эти извивы и сковородки (черт его знает, почему я написал про сковородки, ну, да бог с ним)? Выглядит ли правда сегодня с самого утра так же вызывающе, как она выглядела вчера в шесть часов по полудню? И пробуете ли вы после утреннего кофе со сливками и булочки с заварным кремом слово «демократия» на звучание, ощущаете ли от него ломкость в языке или онемение чувствительного нёба?

Прошу вас срочно ответить на эти мои вопросы и тем избавить меня от истинного томления духа.

Бренность, перевязанная накрест тесьмой из грубой пряжи. Оконфузианство, как стиль и кредо. И при этом, заметьте, ни тени тщеславия, которое выглядит слабой попыткой мимолетного одобрения и прочее, тайно шевельнувшегося в нашем чувствительном сердце.

Грубое, бесцеремонное, мелкое жульничество окружающей меня жизни никогда не поколеблет моего глубинного жизнелюбия, а все эти проповеди величия, прошлого и настоящего, выглядят как содержимое только что разбившейся об асфальт хрустальной лошади.

Я же, как человек музыкальный, в том смысле, что всякий звук во мне и рядом уже есть музыка, не могу не отметить знаки умышленного унижения, предлагаемые мне средой моего обитания. Не берусь угадать сразу, но верую, что всего этого вам, дорогой мой читатель, удалось избежать.

«Глаза его были вдавлены чуть ли не до затылка» - сегодня, ото сна состав, все мои ощущения от жизни начались с этой фразы.

«То ли затылок был близок, - подумал я ей вослед, - то ли... а, впрочем, возможно мне приснился Диоген и смотрел он на меня из своей бочки».

Властью, данной мне моим воображением, повелеваю: встань, злыдня! И я встал.

Походка моя, всегда такая легкая, после того являла собой образец для побирающихся нищих - именно так, этим воплощением голода, ломая конечности, надо и передвигаться, чтоб с первого же шага наполнить доверху алюминиевую кружку.

Неужели ж на меня так подействовало вчерашнее вечернее чтение?

Что я вчера читал? «Апулея»? Видимо, на меня так действует античность, а возможно и Средневековье - то самое, что начинается сегодня прямо за моими окнами.

Окна моей спальни выходят прямо на Средневековье. С утра глашатай возвещал о новых, дополнительных запретах - запрет на мысли и чувства. После запрета на яркую индивидуальность это выглядит особенно строго.

Да, да, да - опять запретили материться. Подозреваю, скоро народ наш будет заботой о его нравственности омыт, как свеженький покойник, и положен в гроб.

А что же достанет его из гроба?

Только трехэтажный мат.

Все в этом мире если не грубый шантаж, то неумелая провокация.

Если всё это не мешать с собственными выходками и шутками, то сложно выжить в этой обители лжи. Поеду дней на десять в Испанию - солнце и море - что еще лечит от старых ран совести? Вдруг всплывают какие-то воспоминания, где ты когда-то кривил душой. Всплывают и тонут в полуденном знойном сиропе. Хорошо.

Что же касается русского языка. Чего ж тут ужасаться? Нет эпистолярного жанра - нет рассуждений, погони за ясностью. Нет дневников - чело-

век не способен резюмировать. Нет письма от руки - то есть, текст не воздействует на тебя еще и как рисунок. Ты не пишешь на бумаге - пропадают тактильные ощущения. Для ума важна фактура бумаги, скрип пера, умение выписать буквы, наклон, стиль, слова произносятся про себя, прежде, чем попадают на бумагу, слова правятся. Тут важна не сама правка, а наглядность процесса. Важны отвлечения - кто-то рисует во время письма рожицы. Человек перестает разговаривать сам с собой - бедствует внутренняя речь, беднеет сознание. А потом человек не может держать мысль, не может ее даже сформировать, оуклить, отбросить лишнее. Человек вне процесса формирования мысли - то есть, он перестает быть личностью. Многообразие личностей - народ. Распадается не только личность, но и народ - вот что такое экзамен ЕГЭ по русскому языку.

Опять слышатся обвинения в адрес современной российской молодежи в аполитичности, анемичности, инфантильности, душевной и просто лени.

Мне кажется, что молодежь имеет право быть такой, какая она есть, потому что величина внутреннего стержня в человеке не зависит от того уровня лжи, в которой живет общество, но именно ложь заставляет юные сердца искать в этом мире остойчивость и растить в себе самом этот жизненный стержень.

В зарождении его внутри человека повинно то чувство справедливости, которое есть в окружающей природе - таким ее замыслил создатель.

То есть, можно говорить о том, что это чувство заносится в организм человека чуть ли не с окружающей пылью, а вот когда оно начинает в нем жить и крепнуть - это уже к природе самого человека.

Некоторым везет - человек просыпается в них рано.

А кому-то не везет - в нем просыпается все поздно.

А в ком-то и вовсе не просыпается, но ведь не ругаем же мы семечко за то, что оно не проросло в пустыне. Все в этом мире меняется, и ветер поменяться может и, возможно, то семечко когда-нибудь он и занесет под струи очень теплого дождика.

Любой язык, и русский в том числе, это, прежде всего, человеческое сознание.

Сознание - человек вместе со своим знанием. Его нельзя навязать, отменить, запретить, переименовать, переучить. Оно развивается постепенно - человек накапливает знания. Есть и внутренняя речь - человеческое сознание, мозг, общается с человеком посредством слов и образов, но и образы, пусть неясные, художественные - живопись или музыка - это сознание все равно пытается перевести в слова.

Человек все время говорит с собой. Обладая иным языком, ты обладаешь еще одним сознанием. Афанасий Никитин, который когда-то отправился «за три моря», свободно говорил по-арабски, по-персидски, на санскрите.

В его описаниях встречаются записи на арабском языке и персидском. Он переходил с языка на язык, потому что считал, что для описания при-

роды лучше всего подходит не русский, а персидский язык - в нем больше красок, сравнений.

Вдруг запретить русский язык нельзя. Это бомба. Она взрывается. Взрывается сознание человека, он теряет почву под ногами, он теряет себя, свою личность.

Иначе - война навсегда. А язык, что вода, свой путь найдет.

Пишу. Пока в стол. Но ничего страшного - столу нравится.

Объяснял одному иностранному любителю русского языка: почему «ни х...» - это мало, а «до х...» - это много (в женском варианте: «ни хрена и до хрена»).

Прежде всего, сказал я, речевое многообразие русского языка создается, порой, с помощью предлогов, приставок и суффиксов, увеличивая, таким образом, смысловой диапазон иногда одного единственного слова. Что же касается смысла, то в данном случае, речь идет: в первом варианте об отсутствии критерия оценки, как такового, во втором же варианте следует полагать степень заполнения некоторого помещения.

А вообще, это часть тоста, где сначала идет рассказ о проявленном интересе некого иностранца к речевым построениям в русском языке, а потом уже тому, к кому обращен тост, желают, чтоб никогда в его жизни не встречалось первого, и как можно чаще случалось второе - тут речь идет, конечно же, об осыпани благами.

Ах, учите ли вы стихи каждое утро? Хоть по строчке, хоть по слову, хоть по чуть-чуть? Нет? А я учу. Стихи помогают уму, без них он сохнет, усыхает, скукоживается, становится не умом, а чем-то вроде дополнения к телевизору, к газете, к обыденному, постылому чтиву. Надо добавить ему спасительной влаги - это я об уме. Так нельзя, надо любить свой ум, беречь его, лелеять, ласкать, постоянно формировать - он же как песок, все время рассыпается, норовит утек, ускользнуть.

Вы пробовали запомнить что-то сложное, не поддающееся запоминанию? Попробуйте. Важно только начать, чтобы потом ночью вскакивать лихорадочно от того, что забыл одну строчку.

Это важно - вспоминать по ночам, когда ж еще нам думать, мыслить, как не в это время.

Возьмите Маяковского - невозможно сразу запомнить, строчка ускользает, она извивается, она живая, она не хочет, чтоб вы к ней вторгались, она целомудренна, как и те нераскрытые страницы в полном собрании его сочинений, что вы купили по случаю в «Букинисте» за сущие копейки - бабушки собирали всю жизнь, так и не прочитав ни строчки, и внуки не прочитали - сразу снесли в «Букинист» и тот выдал им деньги - на сигареты хватило.

Возьмите Маяковского и начинайте учить - сначала не получится у вас ни хрена.

Но потом! Потом вы начнете запоминать по самой махулучке, а потом - всё больше и больше, и вот уже вы вскакиваете по ночам, потому что, проснувшись, забыли, пытаетесь вспомнить и путаете эти строчки с «Отче наш» - поздравляю, у вас проснулся ум - теперь его надо питать, чтоб снова совсем не иссох.

Учите стихи, как учу их я.

ФЕСТИВАЛЬ

Летний Грушинский фестиваль - главное культурное достижение Самары. Во всяком случае, так кажется мне, и ничего, что в этом году их целых три. Размножение Грушинских - это, скорее, вопрос не культуры, но коммерции. Главное - люди поют, а поющие неспособны к агрессии, тут совершенно меняется химия организма. Тут такая химия, что люди почти не спят, но прекрасно себя чувствуют.

В этот раз мы опять отправились на фестиваль на кораблике, а кораблик - это гости, матрасы, еда и напитки. Гостей надо встретить, накормить, напоить, разместить, и чтоб они еще и песни и попели, и послушали. Атмосфера - все люди - братья, а проплывающие мимо лодки - это повод поорать и помахать им вслед. И это никакого отношения не имеет ни к зарплатам, ни к пенсиям, ни к росту цен, ни к тому образовался таки таможенный союз или не образовался, и как мы теперь будем всем продавать газ и нефть.

Даже к тому, что в эту самую секунду делают наши драгоценные президент и премьер, это не имеет ни малейшего отношения, потому что, чтоб они ни делали, все это можно отнести к культуре в самую последнюю очередь, а вот то, что делается на Грушинском - в первую.

Поэтому Володя Колосов готовился запекать сома и делать шашлыки, остальные готовились все это съесть.

А еще мы должны были встретить певца и музыканта Юрия Шевчука, накормить, разместить его в одной из кают, чтоб он немного поспал, а потом отвезти на ту площадку, где он должен был выступать. Во встрече Шевчука участвовали почти все, а кто не участвовал - я, например - тот переживал.

- Как там Шевчук?

- Едет.

- Чего-то он долго едет.

- А они на середине Волги застряли, у них мотор встал.

- И чего теперь?

- Другую лодку послали.

Послали, пересадили, привезли и сейчас же накормили. Шевчук выглядит уставшим и смущенным, а все остальные стараются быть деликатными и не лезть к человеку со всякими глупостями. Ночью ему выступать, так что пусть приходит в себя. Потихоньку он оттаивает, уже не так напря-

жен, шутит, и все остальные стараются не замечать, что он очень знаменит. Улыбнулся - ну, слава тебе, Господи. Болтовня, так, ни о чем, но в ней великий смысл - человека оберегают, дают ему от всех спрятаться, а потом отправляют поспать. Солнце, река, вода, берега - это все само по себе. Ко всему этому надо прильнуть, и оно успокоит, направит в нужное русло. На реке главное попасть в нужное русло, и тогда река будет не против твоего в ней присутствия. Как только певец удалился в каюту, немедленно появляется некто, не сильно трезвый, и начинает орать:

- Э-э... позови Шевчука!
- А папу римского тебе не позвать?
- Позови...
- А ну пошел отсюда!

Вечером подошли к берегу. Шевчук ушел петь, остальные ушли его слушать. Остались только те, кто готовил солянку - придут ночью с концерта и захотят есть.

Я остался, потому что мне лень - в этой жизни я все уже видел.

Ночью сели на мель. Нам идти встречать, а мы сидим. По уши. Река ушла - и черт его знает, когда же мы снимемся. Право руля, полный назад - лево руля полный назад! Через полтора часа снялись и от счастья помчались на всех порах. Ориентир на том берегу - огонь фонаря.

- Все дошли, все на месте?
- Все.

Все дошли, никого не потеряли, Шевчук спел, и после него народ ломанул вниз с горы.

Устали, но счастливы - где там ваша солянка!

Утром прощались с Шевчуком - он улетает в Питер. Фотографирование, автографы, опять фотографирование. Шевчук отдает себя на все это безропотно. Хороший мужик.

Я не стал с ним фотографироваться.

Пусть хоть от меня отдохнет.

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Бурые травы-плети
И камышовый ветер,
И - до небес - дорога
Прямо в ладони Бога.

За горизонтом серым
Солнце в лазурь осело.
Кручи, ложбины, кущи,
Воздух, в груди поющий.

Тело сухого древа,
Рядом - Адам и Ева,
Что от высот и далей
Ближе друг другу стали.

СКРИПОЧКА

В парке городском
Скрипочка играет,
Музыка плывет.
Каждый на своем
Языке читает
Письмена ее.

Небосвод высок,
Да сокрыт ветвями:
Приоденься в тень.
Жизнью, на часок
Улученной нами,
Станет этот день.

Музыки в плену,
Бабьелетней лени.
В предзакатный час
Городок в дыму
Костерков осенних
Щурится, кружась.

Евгений Синчинов. Деревенька в снегу

И ты смотрел, и улыбался так,
Что отступал куда-то ночи мрак,
И время останавливалось.

Просто

Хотела, чтобы были мы одни,
И прошептала: «Стой, повремени,
Как временят столетия и звезды», -
Не проходя,

не исчезая,

так,

Как будто ночь равняется чему-то
Бескрайнему,

и зримого маршрута

У жизни нет: она во всем и всюду,
И каждый вдох здесь - сокровенный знак,
Дающий нам с тобой возможность выжечь
Губами письма - теснее, ближе,
До сочетанья полночи с зарей -
Я вся твоя, и ты до капли - мой.

И будут: озеро и остров
На нем - плавучий.
Оно - в блистательных торосах,
Он - рыжей кручей
Застывший, в травах поседелых,
Вчерашнем снеге.

Что ты теперь с собой ни делай,
Ты мой навеки.

И память - исповедь немая.
И время - что мне,
Ведь я теперь такое знаю,
Такое помню!

Про то светлоромашковое лето
Молчит тайновлюбленная земля.
Из радости, закатами согретою, -
Поля.

Тропинкою, ползущей поднебесно -
В ухабах, кочках, камушках, пыли
Взойду, замру, усопну и воскресну:
«Лови!»

Сорвусь назад - в раскрытые объятия,
Твоя - на миг, на золоченый смех...
Светило спит, но пламенеет платье:
Без всех!..

Беленый домик топольком
Накрытый густо.
Припоминания о ком
Ты множишь, грустно
Подставив на июльский зной
Покатость крыши.
Порогом, косяком, стеной
Меня любивший,
Не вымолвишь про то никак,
Молчишь покорно.
Трещит распаренный чердак
От мрака черный.

Он заперт наглухо - замок
Амбарный вот же.
Мой дом, о если бы ты смог
Прийти на помощь
Ко мне, забывшей, что есть жизнь,
Июль и тополь.
Платочком беленьким маши,
Оконцем хлопай,
Кричи: «Разлука - западня!»,
Подставь ступени
Ступням, очни, верни меня
В родные сени...

Мало для жизни надо:
Просто живи.
Росным июльским садом
В утро плыви.

Если есть ты на свете,
Значит, есть все -
Небо, трава и ветер,
То, что спасет,

То, что вовеки длится,
Где она, грань?
То, от чего не спится
В этаку рань.

Это душой обрящешь,
Сердцем поймешь,
Если по-настоящему...
Просто живешь.

Стой у окна, оглядывай окрестность.
Ну что же там?
Порхающих снежинок легковесность,
Поспешность покидающих подъезды
Людей.
Среда.

Посередине жизни, в сердце марта
Так мало надо: только бы звуча
Светло и чисто, как давно когда-то,
Волнение приснопамятно и свято
Влекло вперед - в деньке голубоватом
Пожить - врасплох весной и солнцем взятым,
Здесь и сейчас.

ПРАВДА ЛЕДЯНАЯ И СОГРЕВАЮЩАЯ

В третий, заключительный день международной научно-практической конференции, посвященной современному состоянию русского литературного языка, участников повезли на автобусе в поселок Ивье, где только что завершилось строительство нового аэропорта для малой авиации. Торжественное его открытие планировалось через две недели. Международная авиационная комиссия должна была оформить новому аэропорту сертификат и утвердить частоту для работы диспетчеров.

Белоруссия, рассказал по дороге сопровождающий (явно из научной национально ориентированной среды), в ближайшем будущем превратится в Мекку экологического туризма. Великое княжество Литовское, сердцем которого являлась Белая Русь, было самой экологически чистой, свободной, благоустроенной и культурной территорией тогдашней Европы. Именно в то время Франциск Скорина разработал основы европейской христианской философии. Но после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 году, развел руками сопровождающий, с белорусским ренессансом было окончательно покончено. Чернобыльская катастрофа нанесла экологии Белой Руси последний и самый страшный удар. Однако сейчас Белоруссия возрождается, возвращается к традиционным началам европейской Белой Руси. Аэродром построен для того, чтобы состоятельные клиенты из Европы могли легко и быстро на своих частных самолетах добираться до экологических жемчужин Белоруссии - ее лесов, озер и рек, а потом, наладившись отдыхом на природе, беспроблемно возвращаться домой.

В автобусе писатель Василий Обьёмов устроился рядом с молдавским поэтом Серафимом Лупаном. Седой, в тонком летнем костюме и свежей рубашке, при золотых часах, к тому же еще, как выяснилось, депутат молдавского парламента, Серафим смотрелся олигархом, вздумавшим демократично прокатиться на экскурсию вместе с нищими литераторами.

Наталья Литосова. Венский мотив

С давних времен Объемова изумляла и восхищала способность Фимы респектабельно и опрятно выглядеть наутро после самых диких и безобразных гулянок. Во времена СССР они часто пересекались на писательских съездах, семинарах и днях советской литературы в разных областях и республиках необъятного Советского Союза. После 1991 года размах подобных мероприятий резко сузился, утратил державную мощь, однако алгоритм их проведения остался прежним. Хмельная тень СССР все еще тянулась за писателями из России и их пишущими на русском коллегами из бывших республик, а ныне независимых государств. А может, этот алгоритм не зависел от того, при капитализме, социализме или феодализме (далее Объемов не заглядывал) существовало общество. «А вот у поэта - всемирный запой, и мало ему конституций», - еще черт знает когда провозгласил Александр Блок.

«Мне нельзя иначе, - помнится, объяснил свой феномен Фима полуживому после ужина на базе отдыха “Долина нарзанов” в Кабардино-Балкарии Объемову. - Детский поэт обязан быть чистым, красивым и добрым, особенно если он... пишет стихи о Ленине».

В автобусе Фима охотно прикладывался и давал приложиться товарищу к красивой серебряной фляжке с добрым молдавским коньяком. Приметливый Объемов заинтересовался эмалевым гербом на фляжке, разглядев в нем среди стрел и сабель... два кривых, в капельках крови, клыка.

- Герб рода графа Дракулы, - объяснил Фима. - Его потомки заказали мне поэму.

- Для детей? - удивился Объемов.

- Влад Дракула теперь во всех румынских и молдавских учебниках, - с едва заметной иронией, совсем как раньше, когда на днях советской литературы, допустим в Хакасии, он читал на молдавском стихи о Ленине, улыбнулся Фима. - Пламенный борец за свободу Трансильвании против... русской тирании.

- Но ведь Русь тогда сама сидела под татарами, - напомнил Объемов.

- Ты забыл, - рассмеялся Фима, - Дракула был вампиром-долгожителем. Есть версия, что он дотянул до XIX века.

Объемов засомневался, о Ленине ли читал в далекие советские годы стихи Фима на молдавском языке в залах, где никто, кроме него, не знал этого языка? (некоторые лингвисты утверждали, что он произошел от блатной латыни). Вдруг он просто материл вождя мирового пролетариата и советскую власть? А доверчивые слушатели ему бурно аплодировали. А сейчас Фима - депутат молдавского парламента - рассказывает на встречах с избирателями, как дурил русских лохов...

- Зачем нас везут в аэропорт? - спросил Объемов, возвращая коньячную фляжку.

- Скорее всего, на них повесили заключительный банкет, - объяснил Фима. - Но вообще-то, малая авиация - хорошее дело, за ней будущее. Надо посмотреть, какая там полоса.

- Зачем? - удивился Объемов. - У тебя что, есть личный самолет?

- Люди из Трансильвании раскопали интересные документы в монастырских архивах. Хотят видеть меня немедленно. Если полоса готова, они пришлют за мной самолет. Два с половиной часа - и я в Брашове, в замке Дракулы.

- К чему такая спешка?

- Я спросил, - пожал плечами Фима, - они ответили: «Дракула все делал быстро».

- Как Ленин, - ляпнул Объемов.

- Даже быстрее, - усмехнулся Фима.

Откинувшись в автобусном кресле, глядя на аристократически прогуливающих по убранным белорусским полям аистов и народно путающихся у них под ногами грачей, Объемов подумал, что все эти годы он

недооценивал товарища, не придавал значения однажды вскользь произнесенной им по какому-то незначительному поводу фразе: «Жизнь - это результат». Сегодня результат был налицо. За Фимой потомки графа Дракулы были готовы прислать самолет, а Объемов на десятилетнем «додже» собирался пилить через всю Белоруссию в свой разваливающийся дом в нищей деревне Невельского района Псковской области.

И аплодировали на конференции Фиме сильнее, чем Объемову, - почти как в советские времена, когда он читал в домах культуры стихи о Ленине. Особенно понравились местной и приглашенной творческой интеллигенции слова Фимы о том, что русский язык уходит, чтобы никогда не вернуться. Но мы, успокаивающе подмигнув Объемову, смягчил он угрюмый прогноз, литераторы разных национальностей, жившие в СССР, обречены доживать с этим языком, как с хомутом на шее, потому что творили, существовали в его среде в свои лучшие годы. Нам поздно переучиваться. Мы пленники, притороченные к стремени умирающего всадника на издыхающей лошади. Фиму, похоже, увлекла конная тема. Неужели держит лошадей, подумал Объемов. Но следом за нами, продолжил оратор, идут поколения, которым русский язык не нужен. Они не будут его изучать даже не потому, что он для них генетически неприемлем, как язык поработителей, а потому, что никто никогда не изучает язык проигравших и побежденных. Когда народ теряет волю и энергию, язык вырождается, превращается в одолеваемого рассеянным склерозом, забывающего собственное имя старика маразматика. У русского языка за пределами России будущего нет. Проблематично его будущее и в самой России - на территориях, населенных другими этносами. И все-таки я, завершил выступление Фима, буду до конца своих дней любить русский язык, говорить на нем и верить в его победу, как верили в нее советские люди в сорок первом году! В разгромившей фашистскую Германию армии команды отдавались на русском!

Оживленная дискуссия о печальной судьбе русского языка продолжилась на круглых столах. Объемов, естественно, опроверг Фиму (тот, правда, был на другом круглом столе и не слышал), приведя в пример немецкий язык, интерес к которому в мире, особенно в Европе, стабильно растет. Немцы что, не проиграли Вторую мировую войну, не пережили национальную катастрофу? Можно подумать, они сейчас осмелели? Нет! Безропотно принимают толпы беженцев, живущих за их счет, лапающих их фрау и фрейлейн и плевать хотевших на их порядки! Возражать Объемову взялся какой-то литовец, по всей видимости потомок прибалтийских нацистов. Он заявил, что разница между отношением к немецкому и русскому языкам заключается в том, что немецкий народ не был сломлен, бился против всего мира до последнего, заархивировав в душе (так выразился этот литовец) синдром отложенной победы. Русские же в девяносто первом году, обладая самой сильной армией в мире, сдались Западу без борьбы. Поэтому, сделал вывод фашиствующий литовец, русский язык не только язык проигравших и побежденных, но еще и язык сдавшихся, то есть тройне позорный язык. Объемов за-

пустил в литовца блокнотом, тот в него - открытой пластиковой бутылкой с водой. Бутылка до цели не долетела, как из шланга веером окатила круглый стол. Больше всех досталось молодящейся украинской поэтессе. С нее потекла косметика. Поэтесса завизжала как резаная. Модератор оперативно закрыл дискуссию. Подготовившие выступления участники возмущенно задвигали стульями. Литовец как-то незаметно исчез из зала. Позже выяснилось, что он торопился в аэропорт на рейс... в Москву.

Сделав вывод, что больше его никогда не пригласят в Белоруссию ни на одно литературное мероприятие, Объемов странно успокоился, перестал гоняться за белорусскими начальниками со своими книгами, проникся неожиданной внутренней свободой. Следом за ощущением свободы к нему вернулось (как библейский блудный сын после долгого отсутствия) достоинство. Он перестал робеть, отважно провозглашал на банкетах тосты за русский язык и великую русскую литературу, потребовал у организаторов конференции карту дорог Белоруссии, которую ему тут же испуганно принесли. Уже и строгая Анна Дмитриевна Грибоедова одобрительно поблескивала в его сторону очками-улитками, а украинская поэтесса уточкой отходила от него подальше. В последний день конференции писатель Василий Объемов, можно сказать, был счастлив - как человек, ставший самим собой.

...Гостей принимал директор аэропорта. Он сообщил, что подлетное пространство контролируют специально обученные соколы. Один такой сокол, действительно, стрелой пронесся высоко в небе. Его преследовала стая верещащих ласточек и явно не выдерживающая темпа погони ворона. Сведущий в орнитологии директор объяснил, что молодые хищные птицы не сразу осознают свою природу, первое время робеют нападать на других птиц, чем те пользуются, атакуя неопытных хищников большими стаями. Но потом, успокоил директор, все становится на места. Объемову стал ясен план вороны. Когда гонимый ласточками юный сокол обессилеет, подтянувшаяся ворона добьет его чугунным клювом, а заодно и полакомится свежатиной.

Участников конференции сводили в дубовую рощу, где протекала небольшая речка, показали бобров, устроивших там хатки. Затем провели по взлетно-посадочной полосе. Она оказалась выше всяких похвал - прямая, ровная, без единого шва, как путь праведника в рай. Потомки Дракулы могли смело присылать самолет в Ивье.

Прощальный ужин, как и предсказал опытный Фима, организовали в светящемся металлом и серебристым пластиком зале нового аэропорта. Когда солнце зашло, над аэропортом образовался туман. Сидя за столом, Объемов вдруг вспомнил другой аэропорт - столицы Словакии Братиславы.

...Пятнадцать лет назад, тоже ранней осенью, он возвращался из Вены, со съезда русскоязычных литераторов, в Москву через Братиславу. Он попал

на этот съезд случайно. Никто его, естественно, не приглашал. Русскоязычные литераторы (в основном выехавшие в Европу по брачным объявлениям, но не нашедшие там счастья дамы и натурализовавшиеся неудачливые бизнесмены) понятия не имели о существовании писателя Василия Обьемова. Как, впрочем, и он о рассеянных по Европе русскоязычных литераторах. Но съезд проводился на российские деньги по линии то ли МИД, то ли фонда «Русский мир». Кто-то из ожидаемых гостей в последний момент не смог. Обьемов удачно подвернулся под руку одному знакомцу - бывшему комсомольскому поэту, а ныне начальнику департамента в Министерстве культуры. Тот и отправил его в Вену, правда, ограничив в командировочных. Возвращаться Обьемов почему-то должен был за свой счет.

Обратный билет из Братиславы стоил дешевле, чем из Вены, и Обьемов решил сэкономить. За пять евро доехал на автобусе, не заметив границы, от венского автовокзала Эрдберг до братиславского аэропорта, который местные славяне называли по-простому - Иванка.

Пока Обьемов бродил по Иванке (он прибыл с большим запасом времени), искал табло, интересовался номером регистрационной стойки, покупал в duty free (опять же из экономии) бутылку иорданского арака, стоившую дешевле виски и даже местной сливовицы, опустился непроглядный туман. Мир за пределами аэропорта как будто перестал существовать. Фары машин, как тупые спицы, скользили по непробиваемому белому полотнищу. По громкой трансляции объявили, что в связи с нелетной погодой аэропорт закрывается на восемь часов. Машины, мерцая стоп-сигналами, красными бусами повисли на шее ведущего в город шоссе. Здание стремительно опустело.

Обьемов в бешенстве (как гранату) выхватил из сумки бутылку. Он взял в duty free последнюю - из холодильника. Охлажденный и встряхнутый арак цветом и видом был один в один с поглотившим все туманом. Лечить подобное подобным, вспомнил Обьемов бессмертный афоризм, напряженно размышляя, чем будет закусывать пятидесятиградусный арабский самогон?

После шибанувшего в нос анисом арака настроение улучшилось. Даже некая прелесть открылась Обьемову в сидении в братиславском аэровокзале, в то время как многие его собраты по перу и думать не могли о путешествиях по Европе. Достав из сумки книгу Иоахима Феста «Гитлер» с черно-белой фотографией фюрера на обложке, он переместился поближе к окнам, где было светлее. Не то чтобы его сильно интересовал преступник номер один - книга случайно попала на глаза, когда он собирал дома сумку. Тут обязательно будет про Вену, рассудил писатель Василий Обьемов, задумчиво взвешивая на руке солидный том (его всегда удручали лишние вещи в багаже).

Он начал читать Феста в самолете, но быстро заскучал. В Вене вообще хотел оставить «Гитлера» в гостиничном номере, да постеснялся. Люди из отеля могли подумать, что он случайно забыл важную для него книгу, и передать ее организаторам съезда. Те - дальше по цепочке в российское

посольство. Там бы начали выяснять, кто такой Объемов и как он попал на съезд? Книгу, понятное дело, ему бы не вернули, а вот ненужную известность, как фашист, он бы, точно, приобрел. Хотя, в силу малозначимости его личности для работников российских загранучреждений, это ничем Объемову не грозило.

Кроме него у окон в опустевшей секции расположились две женщины: молодая негритянка с торчащими из головы, как разноцветные карандаши, дредами и одетая не по возрасту - в джинсах и кроссовках - пожилая представительница белой расы. Приглядевшись, он определил, что тугая, с трудом удерживающая себя на месте, пританцовывающая в кресле темнокожая девушка не чистая африканка, а, скорее всего, плод любви негра и южноамериканской индианки (или, наоборот, краснокожего индейца и черной как уголь негритянки). Его как будто опалило пламя этой любви - так живо вообразил себе Объемов сцену близости родителей девушки. Она была произведением другого мира, и тот был мощнее и первобытнее мира Объемова. Он с тревожной грустью подумал, что морально и физически изношенная белая плоть не выдержит напора этого мира.

Мысль просквозила стороной, как косой дождь (по Маяковскому). У Объемова не было инструментария, чтобы ее развить, довести до логического абсолюта, а главное, сделать выводы и определить пути решения проблемы. Все обрывалось в вакууме между выводами и путями решения проблемы. Решение отсутствовало. Обобщенной белой плоти было предназначено существовать (доживать?) вне решения. Неужели, отстраненно ужаснулся писатель Василий Объемов, закон вечности в том, что нет ничего вечного? Миллионы лет по Земле ходили динозавры, и где они? Какая разница, какого цвета люди будут ходить по Земле через сто или двести лет? Тем более что меня-то уже точно не будет...

Вздохнув, он вытянул ноги и погрузился в чтение Иоахима Феста.

«Интересная книга?» - вдруг услышал мелодичный, с акцентом голос. Оторвавшись от книги, он увидел, что старуха в джинсах и кроссовках сидит напротив него в кресле, уставившись в черно-белую фотографию Гитлера на обложке.

«Как вам сказать, - растерялся Объемов, - слишком много второстепенных подробностей, и еще мне не очень нравится перевод. Вы... говорите по-русски?» А что, если, с раздражением подумал он, забыть этого Феста в аэропорту, чтобы никто ко мне не приставал!

«Говорю, - подтвердила старуха, - но больше читаю. Отец вывез мою мать из Совдепии. Она жила в Омске, а он служил в Чехословацком корпусе, который захватил всю Сибирь и похитил золотой запас Российской империи. В Чехословакии при Масарике русский был в ходу».

Объемов внимательно рассмотрел неожиданную собеседницу. Не такая уж она оказалась и старуха. У нее было довольно гладкое, слегка помеченное пигментными пятнами подтянутое лицо, серые прозрачные глаза в птичьих лапках морщин и седые, словно заиндедевские, волосы, забран-

ные сзади в мотающийся плетью хвост. В аэропорту было тепло, но рядом с этой дамой ему стало холодно, как будто она шагнула из холодильника, забыв прикрыть за собой дверцу. Молодая старуха, вспомнилось гениальное определение Достоевского. Старуха, вернувшаяся с холода, перефразировал название знаменитого романа Джона Ле Карре Объемов. Дух каждой нации, вспомнил он мудрые слова этого писателя и шпиона, находит отражение в характере деятельности ее разведки. И, не удержавшись, снова перефразировал: «Дух каждой нации находит отражение в характере деятельности ее старух». Интересно, подумал Объемов, какая нация отражена в характере деятельности этой старухи?

«Я слышала его в Праге весной тридцать девятого, - кивнула на фотографию старуха, - но тогда он выглядел старше. У него были мешки под глазами и дергалась щека».

«Это фото... - зашелестел страницами Объемов, - тридцать второго года, за несколько месяцев до прихода к власти».

«Мне было пятнадцать лет, я стояла с цветами на Парадном дворе в Граде, а он говорил из окна. В тот год была ранняя весна, яблони и груши в садах вокруг Града цвели. Он, наверное, видел из окна. Теплый ветер засыпал двор розовыми и сиреневыми лепестками. Мне было совсем не холодно».

«Вы помните, какие это были цветы?» - задал странный вопрос Объемов.

«Белые гиацинты. Отец дал мне букет. Он хотел, чтобы я их подарила Гитлеру (у нее прозвучало: «Хитлеру»), но он тогда не спустился на площадь».

«Вы... по отцу немка?» - предположил Объемов.

«Он был наполовину судетский немец, наполовину словак, - ответила дама. - Меня зовут Алгбета».

«Василий, - представился Объемов, - жду рейса на Москву. А вы?»

«В Амстердам. Оттуда в Йоханнесбург, это в Южной Африке, и обратно».

«Не ближний свет», - уважительно заметил Объемов. Какое-то у нее алфавитное имя, подумал он, и сложное происхождение. «Южная Африка - прекрасная страна», - продолжил светскую беседу.

Спрашивать, кем был озаботившийся букетом белых гиацинтов для фюрера отец Алгбеты, он не решился. Точно не Юлиус Фучик. В общих чертах Объемов знал историю возникшей в тридцать девятом году, когда вермахт вошел в Прагу, независимой Словакии - союзного Третьему рейху марионеточного государства, а потому догадывался, почему эта дама летит в Южную Африку. Она была с той стороны.

«Южная Африка давно не прекрасная страна, - ответила Алгбета. - Я прожила пятьдесят пять лет на ферме в Северном Трансваале. Сейчас это провинция Мпу...маланга, кажется, так. Я лечу в Йоханнесбург, чтобы оформить передачу местной общине земли и того, что осталось от фермы. Они ее год назад сожгли, а моего мужа Юхана убили. Он успел уложить двоих из

старинного трофейного винчестера. Дед Юхана добыл его у англичан в битве при Кимберли сто лет назад во время Англо-бурской войны. В подвале был огнемёт, только Юхан не успел его заправить горючей смесью. Дочь сейчас живет в Голландии, но ей не дают гражданства, потому что мы не урегулировали имущественные отношения с правительством Южной Африки. Они недавно приняли закон о... Как это по-русски? Компенсация за утраченное имущество для белых. Ее дают в том случае, если белый южноафриканец отказывается от всех претензий и разбирательства дела в международных судах. Тогда что-то выплачивают. Вырученных денег нам, пожалуй, хватило бы на полгода жизни в Словакии. В Голландии - нет, там все дороже».

«Могу только посочувствовать, - вздохнул Объемов. - Это называется перестройка».

«Возможно, - не стала спорить Алгбета, - но ферму не перестроили, а сожгли».

«Вы помните, - он отложил книгу в сторону, - что произошло с Советским Союзом?»

«Я пережила много перестроек, - сказала Алгбета, слегка, как показалось Объемову, дернувшись лицом при упоминании Советского Союза. - Чехословакия, Словакия, снова Чехословакия, наконец, Южная Африка...»

«Значит, у вас есть опыт. - У него возникла мысль угостить алфавитную даму араком. - Вы знаете, что надо делать».

«Делать?» - переспросила Алгбета и... продолжила на немецком.

«Нихт ферштейн», - полез в сумку за бутылкой Объемов.

«Люди, не способные собрать силы для битвы, должны уйти, - вернулась на русский Алгбета. - Это не мои слова, - уточнила, видя, что он не знает, как ответить. - Его! - ткнула пальцем в фотографию на обложке. - Он так сказал из окна Пражского Града».

«Какие люди? Куда уйти?»

«В никуда, - ответила Алгбета. - Силу, которую он имел в виду, уже не собрать. Вернее, ее не позволят собрать. Однако она все равно соберется и... уничтожит тех, кто мешает ее собрать».

«Он вам нравится, - повернул Феста обложкой в сторону Алгбеты Объемов. - Вы сожалеете, что у него не получилось».

«Я его ненавижу, - не дрогнула Алгбета под пронзительным взглядом фюрера. - Он разрушил мою жизнь. Но был момент... на площади в Граде. Мне было пятнадцать. Не знаю, как это звучит на русском... Скрытый оргазм, да, я его ощутила. Тот теплый весенний ветер с сиреневыми и розовыми лепестками... как будто влетел мне под юбку... С тех пор я в бесконечном полете, - добавила мрачно, - только уже без оргазма. После войны - по лагерям. Потом через Аргентину в Южную Африку. Сейчас из Южной Африки в Словакию, а может, в Голландию, не знаю».

«Кем был ваш отец?» - спросил Объемов.

«Министром почты в правительстве Тисо, - ответила Алгбета. - Коммунисты его расстреляли в сорок шестом. Адвокат мне сказал, что сейчас

приговор можно обжаловать в Европейском суде. Если он не совершал военных преступлений, могут даже назначить пенсию».

«Жизнь налаживается, - констатировал Объемов. - Хотите, подарю вам эту книгу?»

«По-моему, вы хотите предложить мне выпить, - усмехнулась женщина. - Это самый верный способ наладить жизнь».

«Как товарищу по несчастью... Я имею в виду перестройку и туман», - спохватился Объемов, свинчивая крышку с бутылки.

Успокоительный запах аниса распространился по воздуху со скоростью перемешавшего лепестки и слова фюрера весеннего ветра, на порыв которого много лет назад столь неожиданно отреагировал юный организм Алгбеты. Он ее согрел, подумал Объемов, растопил ее девство, а потом она угодила... в холодильник.

«Перестройка и туман - это пауза, затишье перед очередным концом, - задумчиво произнесла Алгбета. - Сила не в нем. Она спит в людях. Если он знал, как собрать ее для битвы, значит, появятся и другие, кто сможет. Пусть даже отправная точка будет диаметрально противоположной. С кого он начал? С социал-демократов, душевнобольных, педерастов, евреев? Кто их уничтожал? Немцы и другие белые европейцы. Законы в Европе сегодня устанавливают те, кого он уничтожал. Белые в Южной Африке пострадали первыми. На очереди - белые в Европе. Суть в том, что уничтожение первично, а отправные точки вторичны. Зло можно победить только более сильным злом, чтобы потом его победило еще более сильное зло. Он был всего лишь звеном в этой цепи. Звеном, но не цепью».

«Сбегаю за стаканами». Объемов вспомнил, что видел прозрачную гусеницу из одноразовых стаканов у агрегата с бесплатной водой.

«Почему - вы? - возразила Алгбета. - Здесь есть... кому сбежать!»

Пока Объемов смотрел по сторонам, она подошла к молодой, цвета тлеющих углей, негритянке. Он не слышал, что говорила ей его новая знакомая, видел только ее прямую спину и вздрагивающий серебряный хвост на затылке, где прежде (Объемов в этом не сомневался) элегантно смотрелся пробковый шлем. Однако негритянка, к немалому его удивлению, поднялась с кресла, упруго зашагала в сторону водяного агрегата.

«Летит вместе с вами?» - проводил он взглядом девушку. Ему казалось, она не идет, а прыгает как мячик.

«Понятия не имею, куда она летит, - пожала плечами Алгбета. - Знаю только, что скоро они будут посылать нас за стаканами!»

У впечатлительного Объемова, помнится, возникло странное ощущение, что он скользит в стеклянном лифте внутри новой - многоэтажной - реальности, прекрасно понимая, что открывающиеся внутри бесчисленных, как в Вавилонской башне, этажей картины жизни - это миражи, ложь! Иногда там мимолетно мелькало что-то похожее на согревающую правду, и он пытался зацепиться за эту неуловимо носящуюся в воздухе, как сиреневые и розовые лепестки над Пражским Градом, обманчивую правду, ко-

лотил по кнопкам на панели, но лифт не останавливался. Боже, ужаснулся Объемов, неужели из этого строительного материала создан наш мир? Есть ли в мире сила, способная растопить (не обязательно посредством скрытого оргазма) вселенскую ложь?

«Лехаим!» - провозгласил он народный еврейский тост «За жизнь!», когда негритянка принесла стаканы.

Объемов хотел и ей плеснуть арака, однако, взглянув в строгое лицо Алгбеты, понял, что делать этого не следует. Темнокожая красавица принесла, наверное, десяток плотно вогнанных друг в друга стаканов. Алгбета извлекла два из середины. Ну да, подумал он, нижний негритянка держала в руках, а в верхний могла... плюнуть.

«Лехаим!» - подняла свой стакан Алгбета.

ЧТО ТОЛКУ ВО ФЛЕЙТАХ...

Тюльпан горит шестью лучами,
терять надежду не велит.
Бывалый ветер за плечами
былые крылья шевелит.

Над серебром весна летает
и сыплет золото с небес.
Где серебро живое тает -
зеленый бог травы воскрес.

Что толку во флейтах,
 когда говорят барабаны?
Сводить воедино
 волокна утка и основы
ткачи разучились.
 Вскрываются старые раны
и новые вмиг расцветают -
 от пули и слова.
А мертвые мысли
 плетутся, как будто живые,
по вечному кругу.
 Но жизнь напрямую уходит.
Стихи увядают,
 и сохнут цветы полевые,
и память заветные кольца
 теряет в походе.

Сквозь заштопанную жизнь
небеса не сиры - серы.
Так попробуй удержишь
на шестке расхожей веры.
И по сорок раз на дню -
ветер жалящих июлей
треплет жизнь, как простыню,
продырявленную пулей.

Фото Маргариты Вороновой. Прогулка в облаках

Я знаю, что в цене,
я знаю, что в опале,
и это нужно мне -
ценимое едва ли.
Но денется куда
сухая искра слова,
когда зальет вода
всевластия чужого?
Вода, беда, гранит -
жизнь обернётся драмой.
А слово устоит -
оно их всех упрямей.

Музыка лета, ах, музыка лета...
Знойная песня почти что пропета.
Вниз потихонечку падают ноты -
для усыхания, не для чего-то
сочного. Пахнет знакомым, осенним -
зимне-осенним сливовым вареньем,
чашками с чаем - при блюдах и ложках,
сумрачным вечером в мокрых одежках.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ

Ещё не осень, а начало лета.
Но почему, сама я не пойму,
та песня, что в багряный плащ одета,
всего милее сердцу моему.
Казалось бы, успеется: рассветы
в густых слезах и дни без каблуков,
шуршащие печалью секреты,
разболтанные сотней языков
древесных - из оставшихся, последних -
под ветра неслабеющей рукой...
Но эти лазуритовые бездны,
наполненные охристой тоской!..
Любя тепло и след цветка целуя,
Всё ж горьким дымом в небо возношусь.
Как рана - радость! Радугами - струи!
И так тепла сиятельная грусть!

Осень, осень! Холод свежий,
долгий путь домой.
След оставлен, свет отцежен,
годы - за кормой.
Синий вечер лёг на плечи
и в слезах рукав.
Сердце стынет, а навстречу -
только облака.

Не пришивайте нежные
творения к творцам,
Не золотите грешные
морщины вдоль лица.

Твореньям дарят крылышки,
творцу - земной удел.
Он сам из жизни вылушен,
но жизни им хотел.

Их в мир отпустит (к хлебу ли?)
корявая рука.
Летят-плывут, как лебеди,
как тучи-облака.

Как облака ничейные
и общие, как свет...
Есть в небесах свечение -
в земле поэта нет.

МЕЖДУ ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ

1

Урванов почти не слушал представительного с рыжеватой бородкой молодого человека на трибуне, бывшего подчинённого, а теперешнего москвича Богоева. Доклад был известен, а главное, что захватило его всего, вызывая крутое раздражение, и не отпускало с момента известия о конференции, было то, что устройство лоток, представленное сейчас гладко и значительно, имело в основе его семилетней давности гипотезу. Тогда Валентин или Валёк, как звали в отделе Богоева, только что вышедший из университета, нескладный, худой, белобрысый, в потёртых коротких брючках, застенчивый и скромный, явился к нему за помощью с чертежами ещё слабого, неосмысленного в полной мере, но уже маячившего изобретения. И напоролся на отказ - важнее карьеры на ту пору не было для Урванова ничего, а наука, посчитал, как дальняя родственница, обойдётся без его плеча. Но, схватив цепким умом стержень, подкинул-таки парню догадку, ставшую солью всей работы и серьёзно двинувшую исследование.

Поскольку импозантный, видный, ухоженный, со столичным лоском, твёрдо и уверенно державшийся учёный не упомянул его имени, а лоток смотрелся зрелым и лёгким, словно яркая и умная игрушка, выиграло самолюбие, зависть остро кольнула урвановское сердце, ощущение весомой утраты проняло до окраины мозга. Вмиг одно захватило - во что бы то ни стало заполучить дивное, будто ценный предмет искусства, детище ума, души и рук недавнего аспиранта-земляка, а ежели заартачится, то напомнить, точно кинуть скрытый козырь в высокой игре, о той давнишней подсказке. Тесней сделалась одежда, прыгнул градус тела и внутренняя дрожь - непременная спутница главных и сильных дел - ощутимо и жадно прокралась от пяток до стриженной макушки. Он сменил позу, сидение под мощной фигурой скрипнуло, поддёрнул узел галстука, повёл туда-сюда толстой шеей, напряг мускулы квадратного лица. Как всегда в существенном волнении, горел ог-

Владимир Петров

Евгений Кузнецов. Оружие

нём под тёмными очками правый глаз с нарушенным ещё при родах нервом, отчего едва открывался зрачок; тяжелел поперечный шрам на веке - следствие неудачной операции. Толстые, всегда влажные губы, нависший над ними массивный нос, тяжёлые щеки, исковерканное, не открывающееся, как у всех, око складывались в отталкивающий и жутковатый образ. Он тронул массивные дужки, потёр виски, угнул голову и несколько секунд сидел недвижимо. При людях очков не снимал, терпел боль, только сами собой в кулак собирались крепкие толстые пальцы и мускулы каменели. В этот момент директор закрыл собрание и пригласил на банкет. Урванов, выбравшись из ряда, двинулся к трибуне и, приняв строгую полуулыбку, стал ждать, пока толпа, окружавшая Богоева, рассеется. А когда остались с глазу на глаз, сказал, что есть разговор, твёрдо взял под ло-

коть плотнотелого, в отлично сшитом костюме, с острым взглядом умных глаз автора феерического сообщения, и повёл к себе, будто под конвоем, молча шагая - Здесь всё, как раньше, - войдя в кабинет, грубовато бросил Урванов. - Располагайся.

Бегавший не раз по его посылу, как мальчишка, в соседний продмаг за закуской для узкого застолья, Богоев отметил ту же картину: на газете поверх стола разместились бутылка водки, два гранёных стаканчика, нарезанный чёрный хлеб и плавленые сырки.

- А кто теперь гоняет за этим? - полушутливо-полусерьёзно спросил Богоев, занимая место поодаль на краешке стула. Он был несколько связан, сцеплен в движениях видом прежних стен, всегдашней манерой шефа и тем, что ожидал от разговора, ибо принимал себя, как тогда, в компании старших, новичком-инженеришкой, забыв любимое присловьице шефа: - Ну, за твой успех пьём, Валёк. Понеслась душа в рай!

Тотчас бесшумно возникла симпатичная девушка в обтягивающем острую грудь свитере и короткой игривой юбчонке. Безмолвно с подноса сняла две чашки с дымящимся кофе и тихо, как тень, удалась, словно её и не было; лишь парил вокруг несколько времени мягко-сладкий запах тонких и дорогих духов.

Урванов, тридцатипятилетний, массивный, крепкий телом и характером, был из породы начальников, шефов, как любил себя величать, для каких подчинённые - безропотные пешки, обязанные исполнять то, что приказывают, и из любого надлежало, ровно пресс, выжимать всё до точки. От умных и упёртых избавлялся, соперничества не терпел; ведомый им отдел, обзываемый в шутку гаремом, включал в большинстве женщин, а точнее, красивых девушек, что было его слабостью, - лаборанток, операторов, секретарш. По слухам, не одна из них ходила в любовницах. Он был по-южному смугл, физически крепок, носил причёску ёжиком, ходил, точнее, шествовал, порой занимая почти всю ширину коридора, говорил убедительно и чётко, двигая мощными губами, и мог подать свою персону то чертовски притягательной, то отталкивающе-грозной, то равнодушно-осторожной. Эта перемена масок порой забавляла, взбивала кровь, точно игра-борьба; каждый раз с азартом, увлекаясь, он, будто пытливый исследователь, анатомируя подопытное животное, вскрывал человеческое нутро. Товарищей не имел, душу никому не открывал, лишь один Юра Хлебнов - безотказный, мастеровитый холостяк, в доме которого с безотцовского детства Витю принимали как сына, мог зваться другом. Молчаливый, сухой, с прищуром светлых глаз, небрежно одетый и беспрестанно курящий, он умел всё - от ремонта дверного замка до чистки компьютера, от укладки паркета до выделки красивой мебели и всегда был при шефе.

- Разговор вот какой, Валентин. - Урванов потёр массивный подбородок с углублением посредине, неторопливо наполнил полстакана и, как всегда, разбавил водой. - Отдай лоток на внедрение. Всё будет чики-чики. Не пожалеешь.

Он внимательно глянул на Богоева. Желание кольнуть подсказкой, исследовательским толчком, какой выдал в прошлом за так, и тем, что не упомянут нигде, упорно рвалось наружу. Да удержался, точно сам себе перехватил горло.

- Я подумаю, - невнятно ответил тот.

- Вот и ладушки, понеслась душа в рай, - провозгласил низким тоном Урванов и хохотнул. - А пока - в воскресенье махнём на дачу: шашлыка поесть, да отдохнуть на природе. Возьмём твоих Марковича и Тому. Думаю, не против?

Богоев слегка улыбнулся, ибо уловил: Урванов рассчитал - приглашение друзей, сродни подспорью, лишней гирьки на свои весы. Мудрый, как Соломон, гигант в тёмных очках, конечно, знал о симпатиях между ним и Томой, и это тоже играло в его пользу. Урванов по-дружески облапил, будто заключил в тиски, Валентина, и они - нога в ногу, плечо к плечу - двинулись в зал.

С первых дней Урванов явил себя тонким игроком на карьерном поле, знал, как угодить начальству, чуял, подобно тёртому-перетёртому дельцу, выгоду, удачу, деньги, резко взялся кроить производство, убеждая, настаивая, выбивая всеми правдами и неправдами новейшую технику. И должности своей добился, обойдя скромного несамолюбивого мужичка. С детских лет, с полуголодного существования, убогого жилья в саманной пристройке к школе, где мама служила и уборщицей, и сторожем, и дворником, Витя, ненавидя всей душой тех, кто носил галстуки и белоснежные рубашки, посещал театры и рестораны, водил авто и владел домами, воспитывая бойцовский характер, упорство, словно изгой, словно меченный чёрной судьбой, держал в голове одну цель: разбиться в пыль, в тлен, сдохнуть, но выбиться в люди, встать твёрдо на ноги, спать на чистом белье, иметь квартиру, машину, дачу, престижную работу, не считать денег. Сердцем, умом, телом он рвался к своей мечте, а если кто мешал, не разбирая средств, не мучаясь совестью, по-звериному, жёстко сметал преграду. И наконец взял своё.

- Сдаю в целости и сохранности, - проговорил он шутливо, когда они приблизились к столу, за которым сидели Тома и Маркович.

- А мне подумалось, загордился Валёк, не желает знать бывших одноклассников, - сказала, чуть растягивая слова Тома, стройная, красивая женщина, переводчик техотдела.

- Миль пардон, виноват. Заглаживаю промашку: завтра все - на шашлык. В одиннадцать ровно. Маркович, не переусердствуй. - Урванов звонко щёлкнул ухоженным ногтем по бутылке. - Я бдю. Ну, отдыхайте, мне пора.

Он тяжело вернулся, поймав внутреннюю конструкцию на том, что тревожит какая-то думка, сверкнувшая и пропавшая во время сообщения Богоева. Но, чтобы извлечь её из закоулков мозга, требовался особый, отличный от повседневного, воздух и кураж. То есть, надо было себя завести, вздёрнуть нервы, заставить работать все клеточки, жилы, сосуды, мускулы, члены, разогреть сердце, подчинить костяной остоу, напрячь серые

извилины. Он заходил по кабинету, по любимой привычке, перебирая, глядя костяшки чётко, каких у него было по штуке в каждом костюме, но эти, с отливом, маленькие, теплые бочоночки на простом шнурке давали толчки мозгам безотказно. Однако сейчас ничего в соображающей части напряжённой головы не прояснилось, и через несколько минут, не торопясь, захватив автореферат диссертации Богоева, вышел на улицу.

Спускался вечер. Он вдохнул тёплого воздуха, миновал перекрёсток, кафешку, на углу сквера с фонтаном закурил, присел на свободную лавочку.

Бегали, воркуя, голуби, ссорясь из-за еды, какую сыпал малыш с родителями, женщина, выгуливающая таксу, едва сдерживала непослушное животное, струи воды, искрясь, то взмывали, точно гейзер, то опадали слабыми дугами; парочка - девчушка на коленях у парня курила неумело, а он её целовал, запрокидывая почти до горизонтали - уединилась в лиственной полубеседке.

Странная приятность впечатления от доклада и собственной причастности к нему поднимала настрой. Но предощущение так ничего и не родило. Казалось, голова и тело работали вразнос, вроде как два независимых существа, и это мешало заострить ум. В здании, знакомом от крыши до подвала и которое только что покинул, горели окна верхнего этажа, слышалась музыка, двигались тени. Сумерки уже обнимали город. Зажглись в форме раскрывшихся бутонов фонари вдоль дорожек, бегали освещенные трамвайчики, автобусы, таксомоторы. Он пересёк сквер, вступил на проспект, миновал банк, салон красоты, универсам, аптеку, где работала жена. В подземном переходе кинул в футляр патлатого гитариста денежную бумажку; энергично отбрасывая ступеньки, выбрался наверх и сбавил ход лишь у своего подъезда. Затем машинально поднялся на этаж, машинально облачился в домашнее и молча ушёл на лоджию, плотно затворив дверь. Жена не решилась ни постучать, ни войти. Урванов заварил крепкого чаю и, словно одержимый трудяга-учёный, буравящий землю, червь, меняя одну сигарету за другой, проглотил работу младшего коллеги, не пропустив и полслова. Болезненное томительное чувство ело всего, настойчивая мысль долбила мозг: ищи, грызи трактат и откроешь нечто. Он извлёк из старой тумбочки тетради студенческих и первых лет работы, с подъёмом, всё более и более погружаясь в содержание, вбирал в себя лист за листом, пока не упёрся в нужную формулу, от которой оттолкнулся Богоев. Заколотилось сердце, пот окропил лоб и вдруг, как будто сквозь бумагу, увидел другое, лучшее назначение устройства. В дрожи отложил тетрадь, дотошно, с карандашом проработал брошюрку. Распирало грудь; взмок, радостный и окрылённый, точно взлетел под облака, затрепетал от мысли: богоевское изобретение можно приложить к стратегическому сырью. А это уже было нешуточно. Оставалось лишь нащупать загадочно-манирующий таинственный мостик, переходик, функцию. Воображение рисовало, как будут хвалить, представлять в фирме; набегут газетчики, телевидение, поздравит директор, министр. «Ого-го, чики-чики! Понеслась душа в рай!» Он уже обожал этот милый лоточек, своё дитя, и преклонялся перед

ним, как перед Богом, как перед нежной и красивой женщиной, манящей и обещающей. Студентом Урванов выказал редкий талант, выступления, курсовые, рефераты одобрялись профессорами, обратившими внимание на живость ума, готового к открытиям, на упорство. А диплом так заслужил высшую оценку, и его взяли в лучшее предприятие. Он почти сорвал рубаху, вздыбил волосы - они показались на редкость жёсткими и колкими, будто иголки у ежа. Но это лишь поддало жару, усилило ток, затянуло нервы. Рука провидения или чутьё толкнуло к дерзкому сумасшедшему действию, было неизвестно, да виражик судьбы, этот дивный подарочек, небрежный жест Всевышнего, был явно по вкусу. Забытое сладкое чувство победы, пусть малой, пока нетвёрдой, словно мираж, из прекрасной молодости, вернулось к нему. «Грандиозно! Грандиозно, понеслась душа в рай!», - с напрягом жил горла твердил он вроде полоумного, мечась по лоджии, с дрожащими губами, с нывшим глазом, с силой, наполнившей до последней кожаной поры. Захолонуло сердце; чудилось, руки, ноги, голова собрались в одно мощное ядро; котёл под черепной коробкой бурлил, правя извилины, сталкивая мозговые атомы. Он рванулся к окну, выставился по плечи. Была одна из необыкновенных ночей между летом и осенью, когда всё вокруг замирает, звёзды с серповидным месяцем, точно декорации в сказке, светят, разливая серебро, щебечет, едва слышно, листва, воздух невесом и чист, природа ласково дарит что-то волшебное и манящее, тёплое и обещающее, как любовь, как сама жизнь, как чудо. Переполненный лёгкостью, вернулся на тахту, взял чистый блокнот, мозгуя, по-философски: кем бы он был и кем стал. Ну, должность, ну, квартира, машина, дача, шмотки. «А ведь мог бы и другое...» Упущенное время, запас возможностей, горение сердца и полёты души корили. Увы, былого не вернуть. Да он, пожалуй, не смог бы отрешиться от всего, как Богоев, обречь себя, подобно отшельнику, на одиночество. Быть может, характером, злостью и взял бы, да желание показать себя скорее, захватить, выпятиться из толпы владело им безраздельно, и перебить его не нашлось бы никаких средств. Это была его, урвановская, суть. «Отчего Бог положил мне этот путь, а не иной?» - сцепив зубы, размышлял он. А другой тёплый голос подсказывал, что не в проигрыше, что отдал много ума, терпения, сил, не меньше любого учёного, чтобы достичь сегодняшнего. И душа не осталась немой. Горка в пепельнице грозила рассыпаться, чай не остывал, на округу ложилась тишина, ресторан напротив закрывался, редкие машины с шипением бегали по трассе, в больнице на другой стороне улицы горели межэтажные пролеты, да в операционной кварцевые лампы давали фиолетовый тон. Казалось, миг вся жизнь тронулась вспять, смешались понятия, точки отсчёта, ценности, и вернулась молодость - задорная, бесшабашная, с прекрасными взрывами сердца, души - и искры способности, таланта вспыхнули как прежде. Далеко за полночь жена вновь приблизилась к лоджии, но и теперь не посмела затронуть. А он вернулся к блокноту, подстёгивая себя: надо, трудись, сможешь. И ощутил почти забытое волнение, мысли неслись плотной рекой, но вдруг ярко, обжегши, вырвалась одна - именно тот логический мо-

стик, которого жаждал. Колыхнувшаяся кровь ударила в виски, схватил карандаш, как ошалелый, даже замычал от сладкого и болезненного чувства, и с жаром, напористо, ломая грифель, рвя бумагу, побежал по листу. Прежняя формула, словно по волшебству, раскрылась, точно бутончик дивного цветка; требовался лишь один штришок, простой, как всё гениальное, чтобы изменить её. И вставил, ровно шаловливого чертёнка, собственный коэффициент, что заплясал, как живой, и строил рожи, и кривлялся, двигая всеми тонкими членами, невесть откуда взявшимися. Показалось, сей миг вскрикнет, отклеится от бумаги и скакнёт в мир, упрётся своими весело-злыми глазками в него. Холодок взял Урванова, закружилась голова, поплыли вокруг предметы. «Чёрт возьми, не схожу ли с ума?.. Явь ли, сон ли, видение?.. Ну, ну, понеслась душа в рай!» Он судорожно смял лист, начал сызнава. Да будто кто-то свыше вёл его также точно, рука, дрожая, словно прилипла к бумаге, и трудилась далее - ниточка знаков истекала и плотно укладывалась на синие-белые клетки вполне сама. И найденный символ встал на прежнее место. Энергия пёрла из него, как из атомного реактора. «Грандиозно! Фантастика, чики-чики!» Как даровитый мастер, взирал он на своё создание с чувством и трепетом. Пот скопился на тяжёлых бровях, стянул майку с торса - она была мокрой, тело сотрясало, будто по нему пустили высокий ток. Он не чувствовал ни себя, ни всего вокруг, не знал, где и что делает, потерял и место, и время, точно в глубоком нокауте, в трансе, между жизнью и смертью, точно воспарив под небеса; и ангелы, похоже, смутились, не решив, куда определить его душу - в ад или рай... Наконец полулёг расслабленно, вроде как добрался до весомого и крайнего итога, закурил жадно и сладко. В сознании всплывали какие-то пятна без форм и краёв, рисовались странные картины, жаркие волны то накатывали, то опадали; сердце, будто бы расширилось до границ тела, его шатало, улыбка кинулась к губам как молния. Сдернул очки, крепко потёр ладонями щёки, нежно накрыл горячей ладонью больной глаз, неудачный шрам, отдавая живительное тепло. Снова высунулся наружу и сначала тихо, но всё сильнее и сильнее, не сдерживаясь, рассмеялся так, что хлопнула дверь рядом, и сосед в семейных трусах выступил на балкон, озираясь, а троица ресторанных гуляк, нетвёрдо стоящих на ногах и громко споривших, уважать им какого-то Васю или нет, разом умолкла и замерла, вперившись в небо, словно ожидая чего-то оттуда. «Вот оно - счастье, понеслась душа в рай!» - сверкнуло в тесном мозгу. Лунное сияние падало на землю так, что, казалось, сами собой светились крыши домов, дороги, кроны деревьев. Вспомнилась мама, ушедшая пять лет назад, - согнувшаяся в последние дни, но строгая, сильная характером, и её любимая песня, что часто, задумавшись, замерев на железной своей кровати, с которой не рассталась в новой большой квартире, тихо пела: «Ах, зачем эта ночь так была хороша, не болела бы грудь, не страдала б душа...» Защемило сердце. Виктор вернулся на тахту, словно пьяный, проглядел, что вышло, и не нашёл ошибки. Свою новинку решил назвать «Ур-функцией», улыбнулся хитро и значительно, как победитель, загнавший соперника в угол ошеломительным ходом. Теперь

своего не упустит, не откажется. «Но Богоеву об этом знать пока ни к чему». С этой мыслью рухнул на ложе усталым телом и предался мёртвому сну...

2

Уже гуще и гуще заливало местность глухими тонами от бледно-жёлтого до жгуче-сиреневого, чаще и чаще лист неохотно, изо всех сил цепляясь за живительные материнские нити, оставлял ветки кустарников и деревьев, сильнее и сильнее утренние зори насыщались прохладой, небо полнее и полнее занимали густо-серые тучи, сыпавшие тоскливый нудный дождь, речушка, секущая город по кривой, словно устав от весёлой и долгой работы, текла кротко и мирно, лишь иногда вспорхнёт кое-где бурунчик, и снова - холодная тишь. Природа определённо меняла характер на более суровый, однако в иные часы жёлтое светило ещё по-летнему щедро лило тепло, как будто всерьёз намеривалось обратить время вспять.

Просторная «Волга» везла за город Урванова, его жену - провизора аптеки Валерию, миловидную, полноватую, с пышной копной густых волос и слегка вздёрнутым носиком, по виду, будто, готовую, как шаловливая девчонка, на какую-нибудь штуку: то рассмеяться без причины, то завертеться, словно перед зеркалом, то сорваться с места и удариться взапуски; на заднем сидении Тому и двух товарищей по обе руки - завсектором Марковича и Богоева. Тома была в разводе, жила с шестилетним сыном и родителями, и со школьной скамьи нравилась обоим.

- Не укачало после вчерашнего, галёрка? - спросил Урванов низким голосом, полуобернувшись. И услышав сдавленное «нет» Марковича, прибавил газу.

- Чего молчим? - он кинул ещё вопрос. В зеркало Урванов рассмотрел каждого из пассажиров и добавил. - Маркович, а, Маркович, выдай анекдотик!

Но тот с кислой физиией, вжавшийся в угол, смяв новый пиджак, почти упираясь в крышу авто гладковолосой головой, с затекшей ногой и алчущий единственно рюмки водки, что-то промычал в ответ. Урванов не стал нажимать на подчинённого, скользнул взглядом по Лере, и мозг тотчас нагрузился думой - у жены обнаружился поклонник. Встало перед взором собственное унижение, когда неделю назад увидел её с мужчиной. Самолюбие того, кто наставлял, учил, вёл почти сотенную орду послушных полужесту, полувзгляду, полукоманде его было глубоко уязвлено; мир перевернулся, всё, чего добился, вроде как низверглось в тартарары.

Казалось, ясное, чистое, большое окно, через которое смотрел на мир, враз прикрывшись, уменьшив свет до узенькой щелки; и очутился в тупике, точь-в-точь нерадивый школяр перед аховской по сложности задачей. Вспомнилось, что небрежно и свысока наставлял когда-то молодого Богоева, как твёрдо, по-домостроевски, держать семью, дом, жену. А теперь куда делись сила, упорство, твёрдость; точно вырвали костистый столб, оставив слабую оболочку - он был унижен и раздавлен. Урванов ослабил сжатие руля, глянул опять на жену, точно хотел убедиться, догадывается она о том, что думает, или

нет. Но она смотрела обыкновенно, не отводя взгляда, даже показала полуулыбку, хотя было ясно: за добрым и тёплым выражением мордашки скрыто то, чем занята умная красивая головка. И загадку эту ему, сильному мужику и мужу, предстояло раззять. Из-за глаза и шрама Витя стеснялся девчоночьего общества, лишь однажды, на дне рождения, целовался с красивой, начитанной, высокомерной одноклассницей. Та же, шутя, сорвала с него очки и обомлела, невольно вскрикнув: «Квазимодо». Комплекс уродца засел в нём надолго, оттолкнув от женского пола. Он злился, презирал эти непонятные красивые существа, однако тянулся к ним. Перед Лерой, однажды, нарочно снял очки, словно проверяя, но она оказалась готова к такому обороту.

Жар с лица истёк, будто встречный ветерок охладил, уверенные руки лежали на штурвале почти невесомо, мозговые извилины трудились чётко.

Он вёл авто легко, пальцы, будто кованные из металла, верно читали, подчиняя себе четырёхколёсную махину. Встала перед глазами ночь, он улыбнулся и внутренне засмеялся, вообразив, как поведёт себя молчащая, с не улыбчивыми лицами, словно на похоронах, четвёрка, расскажи, что с ним творилось: ещё глубже уйдёт друг от друга и от него, поздравит, выкажет сочувствие или позавидует. И похвалил себя мысленно: «Ай, да Витёк, понеслась душа в рай!» С лёгкой улыбкой на тяжёлом лице, оглядел салон, прикинул объяснение поведению жены и гостей: Лера, вероятно, озадачена его странным делом на лоджии, ибо впервые спал отдельно, ничего не объяснив; Марковичу, как пить дать, приезд Богоева-соперника сломал планы относительно Тома; Валентин, забыв о лотке, пожалуй, взвешивал все за и против сближения с давно любимой женщиной; а женщина, видимо, окунулась с головой в сложную думу, ибо шаг к тому или к другому менял уклад жизни не только её, но и сына... Дорога потянулась в гору. Чудилось, что там, на горбу трассы, они, как в аэроплане, взлетят, и Урванов чуть наклонился вперёд, будто хотел не пропустить этого момента. Асфальт был сер, густ и над ним не парила, как в жару, отражающаяся, словно зеркало, горячая дымка. Миновав пост ДПС, кладбище, орешник, склады, оставили город. Осень была здесь чудо как хороша. Вдоль обочины берёзки в золотых пеньюарах то весело трепетали листвою, то, чуть грустные, словно в ожидании холодов, никли, едва не касаясь машины. Синий горизонт ширился и ширился, как летом, предсказывая тёплый день.

- Лепота, прелесть, чудо! - не скрывая волнения, произнёс Урванов. - Валентин, а Валентин, скучаешь по родным пенатам? Небось, в столице такого не увидишь?

- Я же в Подмоскowie, - ответил сухо Богоев. - Там своя природа - леса, речки, озёра, ягоды, грибы.

- Ну да, помню. Бывал.

Солнце уже стояло высоко, когда они свернули с трассы и потащились по ухабистой дороге садового товарищества, а через километр затормозили у двухэтажного, обитого вагонкой особняка. Поездку на дачу Урванов любил: живое волнение и радость сердцу давал сам сбор; неспешно, обсто-

ательно, чтоб не забыть чего-нибудь, осматривал гараж, проверял скарб, технику, чистил салон. Однако всё, как всегда, гляделось идеально, ибо железная коняга была его страстью, такой же, как охота и бильярд. Дачу строили под приглядом Хлебнова, она вышла таким сказочным замком с башенками, с банькой, бильярдной и небольшой, с иконой Георгия Победоносца, часовенкой, куда уединялся дважды: вначале и перед отъездом. В каждом уголке деревянного чуда с верандой, балкончиком, резными наличниками, имелось что-то свое: то картинка маслом с живописным видом, то эстампик, то кавказская чеканка, то бронзовая статуэтка или черного дерева фигурка с Востока, то карнавальная маска из Венеции, где был с Лерой в свадебном путешествии. Быстро выгрузились. Хлебнов, приехавший ранее, наладил мангал. В ожидании мясного мужчины выпили и закусили. Маркович пока не обрёл душевного и телесного равновесия, но уже не дрожали руки, и глаз смотрел более осмысленно. Лера и Тома расположились в ажурной беседке на садовых качелях. Ещё не убрали поздние яблоки, набравшие сок за лето, льющие аромат, твердокаменную айву, а вдоль забора ещё кустилась малина, да, обвисая полными, словно виноградные грозди, веточками, матово-черная и блестящая ярко-красная смородина.

- Я не отстану, Валентин, - начал Урванов после второй рюмки. - Пока мы в состоянии говорить трезво. - Он запихивал в рот перья зеленого лука и смачно хрустел; подбородок с ямкой посередине ходил мерно, как жернов. - Прикинь, ради твоей игрушечки сделаю всё, ты меня знаешь.

Богоев молчал. Ещё вчера утвердилось: Урванов вцепился, точно клещ, пойдёт на всё. Хотя плюсом было то, что можно остаться здесь дольше.

Он впился взглядом в Тома, как будто по её жестам, взглядам, движениям красивого тела хотел угадать, чего ждать. Сердце забилося. Правда, между ними был Маркович - статный, уверенный, и всегда, если говорят о мужчине, гладко выбрит и слегка пьян. А при всём - ум, напор бывшего офицера, и несомненная хватка, как у паука, плетущего сети. А жертвой, понятно, была назначена Тома - давняя любовь.

- Вы нас забыли? - донёсся мягкий голос Валерии.

- Идём, - отозвался Урванов, сжал локоть Богоева, стал так, что очки едва не касались его большого лба. И твёрдо закончил. - Если не изменяет память, я - родитель идеи лотка, который сейчас именуют твоим именем.

- Помню, - глухо обронил Валентин и бесстрашно поднял глаза. - В диссертации упомянул, хотя от темы откестились.

- Ныне расклад иной. Пойми, внедрение в моём отделе, что лотерейный билет с миллионным выигрышем, - всё!.. Нужно решение выше - будет, не сомневайся; требуются помощники - собью бригаду; лишь намеки о материальных затратах - отстегнём вмиг. - Он повышал и повышал голос, накатывая лавиной. Затем приобнял гостя и, будучи на голову выше и объёмистее, точно взял в клещи. - А если задержка сверх договора по причине - он кивнул в сторону дам, - устрою. - Они медленно перемещались. - Жду ответа, у тебя несколько секунд.

- Да, Валёк, решим по-товарищески, - поддакнул Маркович, только что без команды влив в себя ещё стопку.

- Я согласен, - негромко проговорил Богоев.

- Вот это фартово, по-мужски, понеслась душа в рай! Не пожалеешь! - воскликнул басовито Урванов. - Хлебнов, шампанского!

Словно ураган кинулся он к женщинам, обнял, расцеловал. Обкрутившись, широкий, энергичный, весёлый, играючи неся тушу в центнер весом, схватил мощный, схожий с мачете, тесак, каким его помощник рубил дрова на щепки, одним движением, по-гусарски, сбил горлышко у тёмной пузатой бутылки и красиво, ни дать ни взять, официант-профессионал с белоснежной салфеткой, не давая пролиться и капле, наполнил бокалы.

- Выпьем за удачу! Сегодня у нас - праздник! - Шампуры с дымящимся аппетитным мясом тотчас легли на стол. Молчаливый Хлебнов то исчезал, то являлся, деловито правя трапезой. - Между первой и второй, как говорят, промежуток небольшой. За дам! Мужчины пьют стоя и с локтя, - прибавил Виктор, и все выпили.

Урвановская фигура, как по-волшебству, преобразилась. Он подливал женщинам, метался от костра к столу и обратно, как будто паря над землёй, бросал комплименты, шутил. Казалось, не один, а два, три, пять, дюжина Урвановых заняли всё пространство между мангалом, столом, беседкой, грядками, парником, садом. Лера закусил губу, не сводила взгляда с мужа и слегка улыбалась. Перемена твёрдого сдержанного супруга выглядела так как перед бурей ветер гонит лист по асфальту, меняется давление, атмосфера накаляется - всё движется к катастрофе. Вдруг что-то внутри легонько ударило, будто второе сердце двинулось в ней. Валерия приложила руку к груди, глаза остановились, волнение забрало ее...

Вчера пригласил к себе заведующий, бывший однокурсник, Сергей Петрович, ухаживающий за ней давно и настойчиво. Снова прилагались цветы, шампанское, конфеты. Он опустил на колени, пристально глянул в глаза, нежно обнял, поцеловал в висок, потом ниже и ниже. Грудь её вздымалась, потянула руку к его подбородку, но пальцы вроде бы удерживали и в тоже время гладили красивое мужское лицо, пока губы их не соединились. Сергей шептал, что любит. Валерия чувствовала сердцем жар его слов, легкое головокружение от шампанского усилилось, истома потекла по телу. Ещё чуть-чуть, ещё минута и не устояла бы, но вдруг холодная волна ударила в голову, она тряхнула копной волос и негрубо оттолкнула.

- Не надо... Встань, - прошептала сквозь задержку дыхания.

- Ты не даёшь мне шанса, что еще сделать?... Каждый день - пытка.

- Я пойду к нему, будь, что будет.

- Нет, пока сама не решу. Виктор не поймет ни тебя, ни меня. - Она поднялась. - Знаешь, это даровитый по-своему человек: неглупый, расчётливый таран, железная машина, поток лавы. И жизнь, и чувства, и поступки ценит не так, как мы.

- Он не дорожит тобой, топчет, помыкает...

- Видно судьба. Сколько живу, а в душу не проникнуть - панцирь, могила. Иногда кажется, что ненавижу всем сердцем, иногда - люблю... Мне пора. Не провожай.

Она развернулась здоровым телом нерожавшей женщины и двинулась прочь, чувствуя на себе любовный взгляд. Не оборачиваясь, словно отбросив объятия, поцелуй, трепет, стуча каблучками, миновала коридор, причесалась у зеркала, любовно правя непокорную, как у мальчугана, каштановую шевелюру; похвалила волю, удержавшую плоть. Затем подновила макияж, пальчиками лёгких рук пробежала по шее и подбородку манером, каким обыкновенно делала массаж, стала вполоборота, выпрямив стан, провела ладошками, точно оглаживая ткань, сверху вниз по груди, талии, девичьим бёдрам, чувствуя каждым перстом отзывающуюся кожу. И, словно дав заряд энергии и подъёма телу, улыбнулась, отметила, что по-прежнему красива, и то, что ею увлеклись, вовсе не удивительно. Вся она являла лучший образчик очаровательного создания, манящего взоры мужчин. Валерия вдруг подумала: «Сергей - прекрасная любовь или блажь, лёгкий флирт от скуки быта?» Но тут же отбросила мысль. Детей у них с мужем не было, хотя по врачебной оценке ни она, ни Виктор, мечтавший о сыне, не были ущербными. И эта долгая неправильность давила на них, мажа порой дни, месяцы, годы серой краской. На супружеском ложе царил холодок. Лера, неся головку, как всегда, чуть вздёгнутой, покинула аптеку и отправилась длинным маршрутом - мимо ореховой рощи, по которой с мужем гуляли раньше, церкви, дома отдыха, куда бегала на танцы, мимо кафе, где познакомилась с Виктором, и он неловко её поцеловал. В храме поставила свечу у иконы Николая Чудотворца и просила о зачатии. В душу влилось спокойствие, улыбка обняла лицо, а мягкие черты добавили прелести. «Пора домой», - подсказало сердце. И с настроением, легко, взбив Веселье было в разгаре, Урванов потащил всех в бильярдную. И женщины стали свидетелями, как безжалостно, с иронией, добавляя к каждому удару характерные игровые присловья, успевая ухаживать, наполнять бокалы, сыпать анекдотами и тостами, он разгромил и Марковича, и Богоева.

- Я всегда в выигрыше, понеслась душа в рай! - Он, смеясь, вогнал со вкусом последний шар в лузу. - Хотя Валентин тот ещё соперник, не чета тебе, Маркович, а Хлебнов - вообще класс.

Следом, с бурным настроением, увлёк всех вглубь участка, пострелять из револьвера, которым похвалился, как и двумя охотничьими дорогими ружьями. И в уничтожении консервных банок мощной живой массе не нашлось равных. Казалось, действовал не человек, а объект, сотканный из неведомой материи, частью от Бога, частью от дьявола, пределу энергии которого не существовало. Шумно возвратились к столу. Урванов вдруг резко, со злым сарказмом, предложил мужчинам, покачивая воронёным оружием, сыграть в русскую рулетку. Лицо его обрело жесткую маску.

- Только чур, я - первый, - проговорил он мрачно и верным твёрдым движением вытолкнул из барабана все патроны, кроме одного.

Женщины переглянулись, тишина упала на дачу, как тяжёлый метеорит, картина замерла в напряжении.

- Ты... шутишь? - наконец вырвалось у Леры.

Нехорошее предчувствие усилилось, ибо отметила резкую смену поведения: из расслабленного и легкого муж обратился в угрюмого и грозного. Она вглядывалась в широкое побледневшее лицо, но прочесть, что удумал, не смогла. А Урванов мотнул тяжёлой головой, отрицая вопрос жены, крутанул барабан, лихо скользнув по руке, от плеча до кисти, и воздел ствол к голове.

- Витя, не смей, это глупо! Зачем? - зазвенел голос жены.

Что-то в поддержку высказала Тома, мужчины поражённо молчали. Валерия схватила мужа за руку, повиснув на ней.

- Опомнись, Витёк! - прошептали её дрожащие губы.

Урванов же, пятясь, тихо, почти в ухо, проговорил:

- Пусть Бог или случай решит, нужен ли я этой жизни или ты станешь свободной.

Он нажал тембром на последнее слово, и Лера поняла - ему известно про Сергея. Урванов, легонько её оттолкнул и уложил подрагивающий палец на крючок. Он смотрел на жалкую, беспомощную в волнении жену, и в голове выплыл тот гадкий день, когда, пойдя навстречу, на другой стороне улицы увидел её не одну: жгуче-позорная мысль ударила в голову. То ли от неё, то ли от рванувшегося к сердцу горячего потока, то ли от опаски быть увиденным, то ли от лёгкой походки и незнакомо-странной красоты её лица, то ли от стыда своего положения, рухнул между тротуаром и дорогой, за куст сирени. Сердце зашлось, на глаза упал мрак, а правое веко, казалось, объяло пламенем. Не помнил, сколько лежал, дурачки распластавшись беспомощной тушей, впившись в грязь, в траву руками, словно это было одно спасение, не позволившее невероятной силе взметнуть на воздух и разбить о землю.

С того дня им владела одна мысль: выказать терпение, ум, найти штуку, ход, манёвр, чтобы не опозориться, не погубить семью. Но ревность, ревность рвала на части... Урванов сделал ещё два шага. Жгучее веко пульсировало невпопад и болезненно. Он видел лицо жены с гримасой страха и боли, и жизнь промелькнула в сознании. Он вроде как раскрыл давно знакомую и любимую книгу, а в ней, в тех же главках, строчках, словах и смысл, и бывшая магия повествования: светлые чувства героев, аромат лексик, высокие мысли умерли. Был убеждён, его измены должно не считать, увлечение жены - не простить. Он не желал лишаться своей собственности, убедив, что любит. Но посыл был слабым током, словно едва видимый ручеек, мнящий соперником бурной широкой речки. Беря лёгкую красивую руку жены, опасался, что случайно, в гневе ли, в страсти ли может повредить. Тем вечером, не бросив ни слова упрёка, ни намёка, что знает об ухажёре, в объятии сжал так, что у Леры выступили слёзы, глаза округлились, и она, как будто осознав, здесь и сейчас муж убьёт, лишь прошептала:

«Мне больно. Побойся Бога...» Ах, как сильно в тот миг желал её смерти: в сорвавшемся ли лифте, под колесами авто, под съехавшей с крыши льдиной! Вообразил, как принесут весть, наверное, участковый, выразят соболезнование, как нужно будет наряжаться в чёрный костюм, ехать в морг на опознание, смотреть в знакомые черты, давая желание усмехнуться...

Палец и рука его нервически тряслись, а Лера отступала. Наконец, закрыв лицо руками, ойкнув, по-бабьи, кинулась к дому. Но тут, как из-под земли, вырос угловатый Хлебнов. Молча, сильным движением вырвал наган у шефа и бросил его на стол.

- Увы, - прошептали дрожащие губы Виктора. Правая сторона нервно дёрнулась. Он слабо и глупо улыбнулся и, как будто очнувшись от столбняка, побежал. Жена лежала в спальне, уткнувшись лицом в подушку, и плакала. Виктор поцеловал в тёплую макушку, вдохнув знакомый и дорогой запах. Желание близости как никогда овладело им. - Прости, я - идиот, хотел... проверить тебя. Сглупил. Прости.

Он нежно притянул её к себе, крепко обнял.

- И ты меня прости, Витёк. Прости...

Они целовались так, как давно не целовались - жарко, с чувством, и любили друг друга так, как давно уже не любили. Жена будила в нём долгую, поглощающую, почти животную страсть; не ту, едва трогающую, с секретаршами, не ту, что вспыхивала хилым огоньком в командировках и случайных встречах, а глубокую, сильную, поработавшую и сладкую, какую ни на что не променяет. И обнимая, жадно наслаждался красивым, гладким, как у девушки, телом.

- А помнишь, Лерок, свадебное путешествие: Венецию, карнавал, площадь Сан Марко? - шептал он ей в ушко, лаская.

- Да-да, конечно, Витюш, - отозвались её губы.

- Так поедем ещё! Я обещаю...

О, это были сильные игроки-любовники, ибо каждый знал, что ожидает другой! Лера, любила его тело, оно обволакивало страстно и крепко, будто обматывают плотной лентой без единой промашки. Он заполнял её всю: проникал по жилам, клеточкам, плоти, вливался в вены, в мозг, как яд, как наркотик, и это давало ощущение любви и счастья. А что ещё нужно женщине?... В выпускном классе, попав с воспалением лёгких в больницу, влюбилась в практиканта, который не обнимал, а, казалось, пальпировал, по-врачебному, холодными руками грудь, живот, руки, ноги, и стал её первым мужчиной. Вторым - неяркий сын профессора, очкарик, клявшийся в любви, и после единственной ночи, долго ходивший за ней по пятам, твердя, что, как порядочный человек, обязан жениться. По-другому было с Витей, этой громадиной, её поглощавшей. Когда руками, словно лапами неведомого зверя, обнимал, сердце отказывало, ноги подкашивались, и Валерия открывалась для любви, как цветок для тяжёлого шмеля. Это было сладко, и держало тело в истоме страсти и радости долго. Она упивалась любовью и не могла напиться. Уродство Вити заглушала взаимная

страсть... Каждый в эту минуту думал, что нет меж ними отчуждения, нет ямы, есть одно лишь понимание, близость и счастье двух людей, а остальное авось рассосётся.

С думой, что сегодня непременно понесёт, она легко уснула, положив маленькую ухоженную ручку на волосатую грудь мужа...

А в это время, Маркович, перебравший, объяснившись Томе в который раз, и получив отказ, злившийся на Богоева, на шефа, на весь мир, схватил наган.

- Ты что удумал, не дури! - Валентин шагнул было к другу.

- И мне охота поиграть в рулетку... - Он пошатнулся, взвешивая на руке тяжёлую смертельную железку. - А тебе слабо?.. Решим: я или ты.

- Сашка, отдай! - закричала Тома.

- А... испугались. Не подходите, всерьёз клацну, - грубо выговорил он влажными губами и отодвинулся дальше. - Вот теперь, перед смертью, могу сказать. - В голосе звучали тоны не жалкого, а грубого и наглого субъекта. - Ты... ты, Томка, измучила меня, а ты, - он махнул оружием в сторону Богоева, - бывший друг, должен исчезнуть. Выбирайте...

Наступила мучительная пауза. Тома по наитию приступила к Валентину, потянувшись к нему рукой. Маркович нажал на спуск. Щёлкнул вхолостую металл. Но тут, вывернув его кисть, забрал наган Хлебнов.

- Пропись, клоун! - негромко, но твёрдо произнёс он и оттолкнул Марковича. - Барабан я сразу освободил!

- Ты... Ты - гад, подлец, скотина! - Тамара сорвала с шеи шарф и стала хлестать им Марковича.

- Ну, я же шутил, Том. Неужели не ясно... - пьяно лепетал он.

- Валентин, проводи меня, - попросила Тома и заспешила прочь.

Маркович, что-то бормоча, поплёлся за ними...

Урванов нежно высвободился из объятий жены, тихонько поднялся и через соседскую заброшенную дачу стал пробираться к железке - узкоколейку местного заводика стеклотары. Сюда, бывало, уходил, чтобы насладиться картиной окрестности: ближним леском, бесконечным полем, зелёными холмами, серебристой неглубокой речкой, лениво несущей свои воды. Вероятно, лет 300-400 назад она привлекла людей красивым изгибом, песочными берегами, рыбой, судоходством. Теперь это была серая грустная, как женщина, отягощённая заботой, речушка. Пела какая-то птица, в кустах шныряли воробьи, тишь и гладь поселились в округе. Урванов усмехнулся от мысли, каким зыбким и странным видится мир, вмещающий любовь и измену, жизнь и смерть, счастье и горе - и всё рядом, протяни лишь руку. Он взошёл на насыпь - на рельсах в фуфайке поверх голого тела, в шортах, шлёпках, курил Хлебнов. Локти безмятежно покоились на коленях, ветерок колебал мягкий чубчик. Затягиваясь глубоко, он шумно выдыхал и, прищурившись, спокойно глядел вдаль. Урванов, оперевшись на его

- Ты зачем встрял, брат? Я, по-любому, стрелял бы в воздух.

- Но Валерия этого не знала, а ты... - И тихо, умиротворённо, как прочитал молитву, закончил. - Любите врагов ваших и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет Вам награда великая, и будете сынами всевышнего...

Хлебнов протянул другу сигарету, тот резко затянулся и вернул. Они сидели в оцепенении, точно попавшие на другую планету и не решившие: явь ли это либо сон. Река холодно блестела, облака наливались влагой, тяжелели, на том берегу копошились люди у костра, слышался смех, маленький челночок лениво протарахтел по водной глади, на снижение шёл тяжёлый самолёт. Люди в нём, по всему, сустились, готовясь к посадке. Там, в небе, отрезанные от земли, они были иными, а здесь их ждали прежние или новые хлопоты, волнения, дела. Менялся цвет неба, солнце падало за горизонт оранжевым дрожащим шаром, вот-вот округа замрёт и ночь укроет её плотно. Жизнь двигалась по своим законам, плавно и тепло. Хлебнов курил, необычно держа папиросу между указательным и средним пальцами бугристых загорелых рук, а три других свёл в одну точку. И было видно, что процесс сей приносит ему удовольствие.

- Женись, Хлебнов, - неторопливо проговорил Урванов.

- На ком? - Он снова дал затянуться шефу.

- Мало ли девчат...

- Я - однолюб, - выговорил Хлебнов.

- Знаю её? Замужем? Так отбей!.. - Урванов восстал голосом.

- Не буду, - хрипло ответил Хлебнов, легко поднялся, затушил окуроч, подал руку.

Они стали вплотную друг к другу, и недобрый огонёк в глазах друга-слуги испугал Урванова. Что-то показалось странным и необычным в его взгляде, а слова «Я - однолюб» как-то тяжело отложились в мозгу, будто касались лично. Мелькнула догадка: не его ли Лера и есть тот неизвестный и ценный предмет обожания?.. Вроде при ней Хлебнов смущался, молчал, старался держаться в отдалении. Урванов нахмурился, дёрнулось больное око. Но примеры увиделись смешными, и, не углубляясь, отбросил их.

- Да... - протянул он, - тяжёлый случай.

Мужчины развернулись, касаясь плечами, смотрели на простирившуюся до горизонта округу.

- Сколько землешки у нас, а? - вбирая глубоко и выпуская, с наслаждением, щемящий воздух, сказал Урванов. - Нет ей конца и края...

- Для русского человека нормально, когда перед глазами не забор, - тепло проговорил Хлебнов, - а лес, поле, река, простор, в общем...

- Потому ты и сетку низкую настоял поставить?

Хлебнов кивнул.

Чудный день между летом и осенью умирал. «Все будет чики-чики, понеслась душа в рай!» - подумал Виктор с лёгкой душой. И мужчины, не спеша, двинулись обратно.

ЛЮДИ И ПТИЦЫ

Возможно птицы
Не подпускают нас к себе
От омерзения

К пристрастиям
Воображать их песни
Прекрасными изысками

Лишь бы не видеть
Что их жизнь
Такая же

От боли к боли
Да страхи пережить
Да съесть кого-нибудь

А если повезёт -
Покрасоваться в стае
Увлечь уверить обязаться

Гарантией
Что будущее так же
Пойдёт по кругу

Ведь если кто и наши вопли
Отчаянья
Сочтёт за нежность песен -

Мы тоже отстранимся
Чтобы сберечь надежду
От посторонних глаз

Сергей Смайлиев

Есть чему поучиться
У старых деревьев
Под первый мороз

Сначала листва облетела
Теперь ненадёжные ветви
Под ветром срываются

Каждое хоть и со скрипом решает:
Что ещё можно отбросить чтоб укрепиться
До весеннего возрождения

Вот и я среди них
Перебираю свои сучки и всматриваюсь
В непроглядную осень

Вот потому и не скажу
Владельцу пустыря с высокой башней...
Когда здесь не было привольных дач
Мне нравилось перед дождём
Привязывать гамак с навесом
В вершинах сосен
И мирно засыпать под грохот капель
Между землёй и небом

Никто из дачников
Не вырастил такие сорняки
Как я минувшей осенью
Вот и теперь -
Ещё не стоял снег -
Спешу взглянуть:
Готов ли кто
В садах взаимных пыток
Опомниться
Что у души
Особенные грядки:
Забросишь - и задушит урожай
Непрошенных рецептов ожиренья

Каждый день
Из шкафов заводской раздевалки
На мою неподатливость
Смотрят
Выцеливая
Фотографии
Мощных вояк
Музыкантов успешных
Кичливых машин
Обнажённых красоток
Бог весть о чём размышляющих

Олег Калайтанов. Золото зимнего солнца

Под пиком Калицкого
Когда отморозенный ветер
Начал трепать палатку

Я долго не знал:
Как её удержать
Что про себя придумать:

Сюда идут из последних сил
Но чем
Образумит священное место?

И вдруг
Почувствовал
Что надо мной пролетают

Покой... понимание... деньги...
Замороженный быт...
И всё мимо... Мимо...

«Да!» - облегчённо сознался я
Закутался в спальный мешок
И дрожал наверно от радости

В треске снежной крупы
О стенания нашего лагеря
До рассвета

ДОКТОР ЭТЧЕЛЬ

1.

Из солнечной Италии на Кавказ приехал преуспевающий бизнесмен доктор Этчель. Его привлекали не доходные финансовые сделки. Этого ему хватало и дома, в Европе. Он был известен прежде всего как альпинист высочайшего класса, обладатель престижного звания «Тигр снегов», что означало: сей муж побывал на семи и восьмидесяти тысячах - на Эвересте, Памире... О нем «тосковали» крутые склоны Большого Домбая, Казбека и, конечно же, Эльбруса. Ему казалось неприличным до сих пор не побывать на его вершинах, тем более что в пятидесятые годы студентка Пятигорского иняза Эмилия Ермакова уже «застолбила» такой шаг, причем в один и тот же день. Уступать Этчель не любил. Так, оставив все свои европейские коммерческие дела, он оказался у подножия белоснежного гиганта...

В то время, когда наши альпинисты еще не могли расстаться с любимым рюкзаком Абалакова, палаткой Здарского, он щеголял легким, удобным, красивым набором, состоящем из лебяжьего пуховика-куртки, таких же теплых брюк, шапки, носков, особого качества триконой на непромокаемых ботинках. И, конечно же, у него были отличные очки. Нет, не для того, чтобы пускать пыль в глаза аборегенам. Все это у него было, естественно, приобретено на собственные лиры, которые он умел хорошо считать и никогда не испытывал в них нужды. Готовясь к походу на Кавказ, он взял несколько уроков русского языка, посмотрел ряд русских фильмов, основанных на классике, успел пообщаться с некоторыми носителями языка.

Остановившись в гостинице «Иткол», в Приэльбрусье, он, несмотря на свою прижимистость, выбрал хороший одноместный, но не самый дорогой номер - нечего сорить валютой. Сутки акклиматизации он пережил легко и утром, как и вся его группа, был готов к восхождению. Можно было подняться до «Приюта одиннадцати» на канатке, но он отказался от такого удовольствия и стал на тропу, чтобы почувствовать

*Владимир Грибачёв.
Эдельвейс*

радость вхождения в форму. С ним был его конкурент по бизнесу, бывший сокурсник, весьма завистливый, ревнивый человек. Там, в Италии, они не ладили из-за того, что тот взял за правило ставить свои коммерческие точки впереди Этчеля, тем самым отсекая от него заметную часть клиентуры. Покупателю все равно, у кого брать товар, лишь бы он был качественным и хоть немного ближе к своему дому. Этчеля это раздражало, но приходилось мириться - конкурент давний товарищ. Причина же их неприязненных отношений, конечно, крылась в другом: Роберто любил Миррину, а женился на ней Этчель. Банальная, драматическая история. Вот почему Роберто радовался, когда ему удавалось хоть чем-нибудь насолить преуспевающему сопернику. Он и альпинизмом увлекся только из зависти к Этчелю, о ком писали местные газеты, восхищаясь подвигами «Тигра снегов» и его этюдами, которые тот привозил из всех своих экспедиций. Кстати, писать их на морозе весьма сложно - не все масляные краски поддавались художнику при низкой температуре. Ему важно было схватить воздух, цвет пейзажа, передать высоту и видение мира сверху, может быть, даже выше птичьего полета, открывать все это глазами Богов. Например, как это успешно делал его коллега, выдающийся альпинист Евгений Абалаков. А фотокаме-

ра уступала место художнику: запотевали объективы, частично пропадала разрешающая способность в кадре. Удивительное дело: его увлечение альпинизмом, продолжительные походы не мешали ему в бизнесе - все работало как часы.

Дома он доводил свои этюды до совершенства и даже выставлялся в Риме наряду с художниками-профессионалами. Многие из них завидовали ему белой завистью: повезло человеку, прикоснувшемуся к тому, что не дано увидеть простому смертному.

Роберто скептически смотрел на работы Этчеля и невольно тянулся к нему. Кисть ему не давалась, а ходить в горы он начал активно: побывал на Монблане, на других высотах в Альпах и его допустили в экспедицию на Эльбрус вместе с большими мастерами, но пришлось немало потрудиться, нажимать на авторитетные рычаги, чтобы войти в команду, представляющую свою страну в предстоящем восхождении.

2.

Вчера вечером начитанный проводник, он же переводчик, Володя, по-европейски - Вольдемар, рассказал поучительную легенду. Надо обязательно запомнить ее и по возвращении домой рассказать жене, семилетнему сыну. У Этчеля было непреложное правило - рассказывать дома все интересное...

Давным-давно жили на кавказской земле два неразлучных джигита - Казбек и Эльбрус. Никогда не расставались они. Казбек был моложе и красивее, Эльбрус - старше и сильнее. Любили они друг друга, как родные братья. Мешали им пришлые враги, которые боялись нападать на аул этих сильных джигитов. Но враги сумели подойти к Казбеку, убедить его, будто его друг Эльбрус вовсе не друг, а враг, смеется над ним, считает трусом, ни на что не способным. Доверчивый Казбек, по своей наивности, поверил клевете, перестал общаться с другом, отдалился от него. Эльбрус ничего не понимал, очень огорчился холодку, возникшему между ними, стал угрюм, молчалив, часто уходил в горы, в леса, на охоту. Обида терзала его сердце. И радовали только два верных пса - Большой и Малый Бермамыт, которые всюду сопровождали его, помогали в схватках с хищными зверями. А когда наступал вечер, если не было добычи, Эльбрус устраивался на ночлег у ручья, возле костра. У ног его укладывались два верных пса.

Узнав о том, что Эльбрус один уходит далеко в лес, враги уговорили Казбека убить его, стать главным в округе. Тот согласился, взял всадников и отправился вслед за Эльбрусом. Была темная ночь, лишь луна освещала уснувшие сосны, кричали чуткие совы.

Эльбрус спал на берегу ручья. Разбудили его верные псы. Эльбрус проснулся и вступил в бой с наемниками Казбека, порубил их своей острой шашкой, а помогали ему в схватке верные псы. Когда у Казбека никого не осталось, недавние друзья, теперь жестокие враги, схватились в неравном

бою. Казбек был физически слабее, отступил и ушел туда, где поет свои песни бурный Терек. Здесь он присел на большой камень, опустил голову на грудь, и из глаз его ручьями полились слезы: Казбек горько сожалел о ссоре со своим бывшим другом. Он понял, что враги предательски разлучили их. Дружбу не вернуть, раскаиваться поздно. Силы оставили Казбека, и он заснул вечным сном, превратившись в скалистую гору.

Эльбрус по-прежнему был могуч и силен, и никакие враги не осмеливались подступиться к нему. А он, как и раньше, один ходил по лесам в сопровождении верных псов. После разрыва с Казбеком жизнь его стала не нужной: когда нет с тобой верного друга, такую жизнь нельзя называть жизнью. И он ушел подальше в горы, туда, где царил вечный холод, бушевали метели и грозные бури, и там превратился в еще одну гору, более могучую, возвышающуюся над всем Кавказом. Две вершины его выполняли роль глаз, которыми он обозревал весь Кавказский хребет до самой горы Казбек, виднеющейся на востоке в туманной дымке, а его верные псы - Большой и Малый Бермамыт - также окаменели у ног великого Эльбруса, день и ночь до сих пор охраняют покой своего хозяина...

Роберто, затаив дыхание, слушал эту легенду и никак не мог преодолеть в себе зависть к рассказчику - альпинисту, художнику, бизнесмену из Палермо. Он увидел в этой легенде некое сходство его судьбы и судьбы друзей - Казбека и Эльбруса, откровенно завидовал Этчелю, не зная, как обойти его, возвыситься над ним, навсегда избавиться от него, не видеть его прекрасных этюдов, газетной шумихи, самоуверенных жестов.

Роберто старался быть выше Этчеля, который в последнее время смотрел на него, как на пустое место. Конечно, подобное недопустимо в альпинистской среде, там должно быть взаимопонимание всегда, но он ничего не мог с собой поделать, прекрасно понимая несправедливость своего поведения. Обиднее всего, что эта неприязнь проявилась именно здесь. Завтра же придется идти с ним в одной связке... Вспомнились строчки знаменитого русского барда Высоцкого: «Если друг оказался вдруг И не друг, и не враг, а так...», то не стоит его брать с собой. Но что делать - уже взяли.

3.

Путь к самой высокой вершине - 5621 метр над уровнем моря, был стандартным - две связки по три человека и впереди всех инструктор Вольдемар. Этчель и Роберто были в одной связке. Первый шел ровно, с поставленным дыханием, Роберто нервничал, задыхался, вынуждал обе связки останавливаться. Осложняла обстановку непогода: снизу, из ущелья, шел поток холодного воздуха, и чем выше поднимались альпинисты, тем становилось холоднее - минус пять, девять, четырнадцать. Поначалу Этчелю нравилось это. Детский сад в сравнении с Памиром. Он шел и радовался тому, как хорошо все складывалось. Незаметно надвигалась гипоксия, кислородное голодание. На каждом десятиминутном перерыве он умудрялся установить походный этюдник и сделать один-другой карандашный на-

бросок: вид на ущелье сверху; крутой обрыв и парящий над ним орел, высматривающий очередную жертву. Роберто вглядывался в загорелое лицо Этчеля, его глубоко посаженные глаза, красивую родинку прямо на переносице, как у героинь индийских фильмов, на пальцы в теплых шерстяных перчатках, уверенную позу, как у себя дома перед Фонтаном Ботичелли; он нервничал, что Этчель был таким бодрым, что Вольдемар позволял ему минутку-другую задержаться и бросить реплику: «Классно!».

Светило чистое солнце, скрипел под ногами снег, изо рта идущих выбивался и тут же замерзал пар. От дыхания. В воображении Этчеля рождались потрясающие пейзажи, которые он запоминал по пути. Он был, наверное, единственным из всех, кто шел с радостью, не обращая внимания на перепад высоты, давления, надвигающуюся усталость. Наконец, показался «Приют одиннадцати». Здесь альпинисты заночуют, а завтра ранним утром пойдут к вершине Эльбруса. Сначала к одной и, если погода позволит, потом к другой.

День угасал. Фантастически играли краски на множестве заснеженных вершин.

Этчель, быстро устроив свое место ночлега, взял этюдник и фотокамеру. Отошел недалеко от «Приюта...» и, сделав с десятка кадров, установил этюдник, начал делать наброски. Как из-под земли вырос его земляк Роберто. Быстро смеркалось, свет «убегал» и надо было торопиться поймать его. А тут еще этот тип: «Писать лучше при ярком дневном свете...» Этчель чуть не ударил его камерой по голове: «Уйди с глаз моих!»

Позвали всех восходителей на инструктаж.

4.

Утро было пасмурным. Инструктор, он же переводчик, дал перед выходом последние наставления, проверил у каждого наличие ледоруба, очков, головного убора, подгон рюкзака за плечами и подал команду: «Вперед!». И хотя здесь не было ни одного новичка, все эти процедуры были приняты серьезно: горы - есть горы. И для мастеров, и для идущих впервые. Сводка погоды позволяла совершать в этот день восхождение. И группа из двух связок, пыхла на несlišком уютной тропе. Небо очищалось от скверной серости, кое-где проглядывало солнце, внизу слева и справа просматривались скалы хребта с ключьями облаков. Все, даже Роберто, шли ровно покашливая, не встречая скальных препятствий. А небо становилось все чище и чище. Казалось, совсем рядом вершина. Но что-то мешало покорить ее так легко. На память пришел рассказ инструктора Вольдемара о первом зимнем восхождении советских альпинистов на эту вершину. Стояла зима 1933 года. Отряд альпинистов двумя связками (первую вел А. Гермогенов, вторую - Е. Абалаков) начал восхождение. Зима была довольно суровой.

Каждый метр пути давался нелегко. При температуре минус 45 градусов и шквальном ветре одна связка сорвалась и, пролетев 150 метров, су-

мела зацепиться за скальный выступ и смогла продолжить движение к седловине Эльбруса, откуда лежал путь к Восточной и Западной вершинам. Усилилась метель. В этих условиях заболевшему А. Гермогенову стало совсем плохо. Под утро, не приходя в сознание, он скончался. Отряд не дошел до вершины всего 250 метров... А эти связки состояли из асов советского альпинизма. «Так что не думайте о легкости достижения цели», - драматично завершил свой инструктаж Вольдемар. Доктор Этчель (про себя) усомнился в логичности рассказа в данной ситуации.

Для чего информация о том, что Эльбрус ежегодно «делает» десять-пятнадцать покойников? «Мрачно, но правда. Поэтому - будь начеку!» - таков мотив рассказа.

К часу дня обе связки были на Западной вершине, самой высокой в Европе. Под ними на сотни километров расстилался Кавказ. И как это обычно делается у восходителей, все участники сгрудились вокруг каменного тура.

- Друзья! Я поздравляю вас: вы успешно покорили вершину этого красавца, - произнес Вольдемар. - Как говорил один из самых древнейших писателей Рима Сенека, «достиг вершины тот, кто знает, чему радоваться, кто не отдает своего счастья на произвол других». Я уверен, что вы никогда не забудете этого мгновения и никому не отдадите это счастье.

Так как в связках были русские и немецкоговорящие итальянцы, он обращался к ним на русском и немецком языках. Далее в том же духе Вольдемар продолжил:

- Теперь каждый из вас будет видеть мир чуть дальше и красоту его, как эту красоту (посмотрите вокруг!) больше любить, понимать и дорожить ею. Предлагаю троекратное «Ура!».

Все альпинисты дружно поддерживали инструктора, а он отодвинул обледеневший камень, торжественно достал из тура консервную банку с запиской предыдущих восходителей из Нижнего Тагила, прочитал ее вслух и спрятал в карман штормовки. В эту же банку он положил свою, заранее заготовленную записку. Снова прогремело «ура-а-а!», и протяжное эхо прокатилось по горам.

На радостях отряд не заметил, как резко поменялась погода: все покрылось сплошным туманом, холод пробирал с ног до головы, подул колючий ветер, пошел снег. Густой и плотный. Видимость минимальная. Настроение упало. Ничто не располагало к лирике. Вольдемар скомандовал:

- Короткий перекус и спускаемся вниз. Консервы не открывайте - некогда. Делиться впечатлениями будем внизу, на «Приюте...»

За три минуты съели по кусочку колбасы, выпили по кружечке чаю из походного термоса, надели рюкзаки, попрощались с вершиной, стали в свои связки и начали спуск.

А ветер все сильнее дул в спину, снег залеплял очки. Альпинисты едва успевали протирать их носовым платком или какой-либо тряпицей. Шли по одному след в след, видя только спину впереди идущего. Ветер усиливался

и уже свистел угрожающе. О восхождении на Западную вершину сегодня не могло быть и речи. Но у Этчеля было бодрое настроение: он знал теперь, что обе вершины будут его. Глядя по сторонам, туда где он захотел увидеть глазами художника стержень этой мрачной стихии, подгонявшей альпинистов в неведомый мрак, автоматически отстегнул свой карабин от общего репшура. Напуганный бешеным ветром Роберто не заметил отсутствующего Этчеля. Время от времени инструктор повторял один и тот же вопрос ко всем, кто шел по тропе вслед за ним: «Как там замыкающие?» Из-за пурги визуально увидеть всех невозможно. Ему отвечали: «Все в порядке». Между тем это было не так: Этчель, увлеченный своими наблюдениями, сбился в сторону и уже не видел и не слышал впереди идущего Роберто. Попробовал позвать его - в ответ только свистящая пурга. Как опытный альпинист, он не стал паниковать, продолжал движение к спуску. Оказался, что он ошибался, пошел горизонтом ниже, где снега было значительно больше. Решил не торопиться, осмотреться, звать на помощь было бесполезно. Метель съедала все другие звуки, оставив только свое завывание. Этчель почувствовал под ногами тропу и, не зная, куда она его приведет, продолжил спуск, опираясь на свой надежный ледоруб. Прямо перед ним оказался высокий сугроб. Он попробовал его обойти и в то же мгновение провалился по пояс. Попытался врубиться ледорубом в край обрыва, но его понесло вниз, в широкую трещину. Он попробовал упереться ногами, но до второй стенки трещины другой ноги не хватало. Спуск вниз медленно продолжался. Ледоруб не помогал. Наконец Этчель уперся в дно трещины. Там на всю его ширину лежал кусок бревна. Откуда он здесь? Осмотрелся - свет едва падал сюда из отверстия сверху, в которое он провалился.

Глубина была метров 12-15. Тонкий слой снега слегка прикрывал это бревно. И, выдавший на своем веку немало катастроф, Этчель вдруг разглядел, что вместо бревна на дне лежал труп давно попавшего сюда человека, в которого упирались обе его ноги... Волнение охватило его до спазма в горле. «Хильфе! Хильфе!» - попробовал он позвать на помощь, но никакого звука не получилось. «Вот такая участь ждет и меня», - подумал он.

Поврежденная нога заболела еще сильнее. Он попробовал убрать ее с трупа и в полумраке заметил его отреконенные ботинки. Тоже альпинист. Как же он оказался здесь? Этчель попробовал подняться наверх - ширина трещины не позволяла это сделать. Ухватиться было не за что. Попробовал присесть на скальный выступ, боль в правой ноге вновь пронзила его. Что же делать? Сидеть и ждать, когда сам превратишься в труп? Слишком дешевая «акция». Надо попытаться самостоятельно выбраться отсюда.

Но как? С больной ногой - бесполезно. Нужно стучать ледорубом о каменные стены.

Может, кто-то услышит. Хоть и воеет пурга, его обязательно будут искать. И он был уверен, что его найдут. Знать бы - когда. Сейчас дело в ночь - вряд ли... От этого понимания Этчель вдруг почувствовал, что замерз. Даже пуховик не спасает. Достал из бокового кармана стограммовую

фляжку с коньяком и, глядя на замерзший труп, произнес: «Вечный покой, коллега!» и выпил пару глотков. Как сказали бы русские, для сугреву. Да, сейчас никто его искать не будет. Придется для начала одну ночьку подождать в такой «веселой» компании. Приказал себе: «Не унывать. Все будет хорошо...»

5.

Превозмогая боль в ноге, Этчель стал готовить место для ночлега: отцепил от рюкзака капроновую «сидушку», положил ее под себя; спину защищал от холода его выдавший виды рюкзак. Впереди была длинная октябрьская ночь.

Времени для размышлений о жизни более чем достаточно. Первое что пришло ему в голову, это цитата из Сенеки, которую на вершине Эльбруса произнес Вольдемар: «достиг вершины тот, кто знает, чему радоваться...» Так как он еще не до конца осознал всю трагичность своего положения, стал вспоминать холодные ночевки на Памире, которые были пострашнее этой - висеть на открытой скале при тридцатиградусной температуре и жестком колючем ветре... А здесь, в трещине, было тихо, как в гробу, даже ветра не слышно. Он не думал о возможной гибели - радовался, что теперь и Эльбрус - покоренная им вершина, что он взойдет и на Западную вершину. Правда, нога его не дает покоя - ломит хуже, чем зубная боль, распухла - еле выдерживают шнурки... Надо отвлекаться чем-нибудь, не думать о боли... Как там его сыночек, губастенький Робертино?

Этчель дал ему такое имя не в честь этого наглеца, который притащился с ним на Кавказ. Просто - популярное и счастливое имя в Италии, как, например, Робертино Лоретти. Как там его милая красавица жена Мирринхен? Вспомнился день, когда они познакомились. Точнее, сначала познакомились их родители. Миррине было семнадцать. Хотя это был приемлемый по тем временам возраст, его родители сомневались - мол, рано. Но молодые уже влюбились, и никто другой ни ей, ни ему не были нужны. Родители согласились. Состоялась красивая свадьба. Потом - отец Этчеля купил им небогатый домик. Стали жить самостоятельно. В руках у Этчеля-младшего была хорошая профессия - специалист по торговле. Здесь он довольно быстро освоился, скопил приличный капитал, стал авторитетом в своих коммерческих кругах. Свое увлечение альпинизмом, живописью не оставил и после женитьбы. Миррина с пониманием относилась ко всему, что делал муж, была во всем ему верна. Он не мог забыть, как трогательно ухаживала она за ним, когда однажды он возвратился из экспедиции на Памир со сломанной ногой. Гипс по самое колено, передвигаться тяжело. Жена подставляла свое хрупкое плечо и так до полного выздоровления. Кость молодая - срослась довольно быстро... И сейчас в воображении он видел ее глаза-вишенки, которые сияли нежной любовью. Эх, милая Миринхен! Я никогда тебе не расскажу, о чем я думал, сидя в этом каменном мешке. А думал я и о самом критическом варианте этой нелепой ситуации: что бу-

дет с вами, если случится так, что они меня не найдут, как не нашли этот окоченевший замороженный труп, в который я упираюсь ногами на дне такой узкой трещины. Сам я, конечно, отсюда не выберусь... Но это так, глупости слюнтая - меня не могут не найти, это же русские альпинисты! Я видел их на Памире. На Кавказе тот же дух: чья-то жизнь - моя жизнь...

Этчель думал и о том, как лучше подготовить предстоящую выставку его походных этюдов, особенно тех, что он принесет с эльбрусской эпопеи; как карандашные наброски довести до кондиции - в акварели или в масле. В голове крутились новые и новые сюжеты, которые родились в эти три дня... И опять перед глазами встает его драгоценное творение - Робертино. Дождись папу. Мы обязательно встретимся!

6.

Лишь перед самым подходом к «Приюту одиннадцати» Вольдемар все-таки выяснил, что альпиниста второй связки доктора Этчеля нет. Почему? Где он? Куда смотрел Роберто? Он должен был постоянно чувствовать идущего за спиной. Понятно: ураганный ветер, но мы же люди, мы сильнее ветра. Часть вины Вольдемар взял на себя: он не услышал ответа на вопрос «как там?» и не переспросил, понадеявшись на честность итальянца Роберто. Что теперь делать? Сообщать вниз, на «спасаловку», или ждать до утра? Была одна надежда, что Этчель матерый альпинист, и через час-другой появится на «Приюте...» Прошло три часа. Стемнело. Вызвали спасгруппу. Внизу пообещали быть рано утром. До поздней ночи все еще надеялись, что все-таки появится Этчель. Не дождались. И по-русски, и по-немецки пилили Роберто. А он не особенно расстраивался, даже втайне рад такому повороту - теперь уж точно земляк замерзнет. Кругом, кроме «Приюта...», не было ни одного строения, где можно переждать бурю. В общем, прощай, конкурент... Как только его труп будут доставлять в Палермо? Об этих грешных мыслях Роберто, конечно, не знал никто, но они согревали его душу, если она у него была...

Спасгруппа приехала на канатке, утром, в половине пятого - три человека. Буря улеглась.

Из-за хребтов кроваво разлилась заря. Чистое небо. Вот-вот взойдет солнце. На поиск пошла группа, Вольдемар и двое россиян. Снова поднялись на Восточную вершину и, тщательно осматривая каждый метр поверхности Эльбруса, безрезультатно спустились на «Приют...» Связались с руководством. Оттуда прислали вертолет. Тот сделал визуальный осмотр всей территории - никаких признаков человека или его вещей не замечено. Вертолет спустился вниз, на базу, заправиться, с тем, чтобы подняться вновь и сделать облет с южной стороны: может, пропавший пошел в эту сторону и там заблудился. Пока спасгруппа ждала появления вертолета и дискутировала о возможных вариантах гибели итальянца, Вольдемар, нарушив все правила альпинистского быта, снова пошел вверх, один: ему

пришла в голову мысль, что доктор Этчель, отстав от связки, несколько спустился вниз и пошел в нужном направлении, только в другом горизонте. Почти тотчас он понял правильность своей догадки и нашел новую тропу. Через пару минут почти так же, как доктор Этчель, увидел перед собой большой сугроб и чуть было не свалился в трещину, как выяснится позже, ту же самую, куда провалился итальянец. Осторожно заглянув в зияющую трещину, он крикнул: «Эгей!» Из глубины донеслось нечто похожее на голос. Вольдемар повторил. Ответ был более внятный.

- Доктор Этчель, держитесь: мы поможем вам.

В ответ послышался почти членораздельный звук. Владимир подумал, как сообщить спасгруппе, чтобы шла на помощь. И тут услышал рокот вертолета, летевшего над головой. Он встал во весь рост, замахал руками и стал кричать:

- Он здесь! Он здесь!

Вертолет опустился ниже, чей-то голос ответил через мегафон:

- Никуда не уходи. Найдем площадку для посадки и придем сюда.

Обрадовавшись услышанному, Вольдемар прокричал в глубину трещины:

- Доктор Этчель, держитесь! Спасотряд уже здесь...

7.

Операция по извлечению романтического итальянца из трещины прошла быстро и профессионально. Правда, для самого Этчеля весьма болезненно. Хотя его очень осторожно вытравливали наверх, всякое прикосновение распухшей ноги о стенку вызывало невыносимую боль. Но он крепкий мужчина, сдержанно терпел все. До приземлившегося метра в ста пятидесяти вертолета его донесли спасатели. Им помогал Вольдемар. Этчель радовался, как ребенок. И весь перелет до «Приюта...» спрашивал спасателей:

- Как же вы меня нашли? Это же физически невозможно.

Спасатели улыбались и никак не отвечали. Но Этчель повторял и повторял вопрос. Наконец ему показали пальцем на Вольдемара:

- Это он. Его благодари.

Сияющий от радости доктор Этчель на ломаном русском сказал:

- Вольдемар, мой балшой спасибо. Мой спасибо, мой сынок спасибо, мой жена спасибо. Что подарить тебе?

- Не смей публиковать, - ответил Вольдемар. - Это моя работа.

- Я должен твой подарок... тебе подарок.

- Все, доктор Этчель. Мы приехали.

Вертолет приземлился на площадке «Приюта...» Ребята осторожно спустили итальянца на землю. А он все не унимался и, оказавшись в помещении, стал снимать с себя куртку-пуховик.

- Вот, возьми память событие... Возьми, друг, иначе я не альпинист, не бизнесмен..

Вольдемар, покраснев от стыда, принял подарок и секунду помолчав, снял свою, пусть не пуховую, но утепленную штормовку. Широко улыбаясь, передал доктору Этчелю:

- Что ж...тогда прими это от меня. Я обязан ответить. У русских такой порядок.

Все одобрительно рассмеялись, поддерживая Вольдемара. Он еще не знал, что влепит ему начальство за индивидуальный поиск пропавшего и что оно же объявит благодарность за то, что этот поиск помог найти останки альпиниста, чего не могла сделать ни одна спасгруппа целых два года. Завтра будет спецоперация по его извлечению из трещины и идентификация останков.

Все, кто побывал в этот день на вершине Эльбруса, дружно проводили улетевший на базу вертолет и стали расспрашивать Этчеля, как же он так опростоволосился, отстал от отряда. Вместо ответа на вопрос он заинтересовался тем, что означает слово опростоволосился. Но тут вмешался доктор:

- Хватит донимать человека - ему срочно надо оказать медицинскую помощь.

И начал расшнуровывать ботинок на опухшей ноге. А Этчель опять со своим филологическим вопросом:

- Что значит слово «донимать»?

8.

...Ровно через месяц из Рима пришла посылка, а в ней аккуратно упакованный ледоруб и короткая записка:

«Дорогой Вольдемар!

Я до сих пор нахожусь под впечатлением от экспедиции на Эльбрус и от общения с Вами. На всю жизнь я сохраняю все это в своем сердце. В благодарность за помощь и Вашу доброту посылаю Вам очень дорогой мне ледоруб, который помогал мне пройти по юго-западному Памиру (7000 метров над уровнем моря). Пусть он помогает и Вам покорять новые вершины».

А на ледорубе слова - «Вольдемару - душевно д-р Этчель».

И СВЕЛО НА ДУШЕ...

О прошлом ни слова!
Какие хорошие ясные дни!
Какие прекрасные светлые лица!
Ты слышишь - весну зазывает синица,
А значит - о прошлом ни слова! Ни-ни!
Послушай, как звонко щебечет капель,
Как трепетно тянутся к солнцу пролески,
Как бьются хрустальных сосулечек подвески,
Вокруг рассыпая весёлую трель!
Взгляни, как пронзителен неба пролом,
И маковки сосен бьют в солнце, как в бубен.
Победно трубят водосточные трубы
О счастье, которое ждёт за углом!

НАУЧИ МЕНЯ

И сквозь сон всё равно я слушаю,
Как в овраге звенят ключи...
Научи меня равнодушию,
Я прошу тебя - научи!
Чтоб не видеть, как зябнут зяблики
Под дождём, облепив кусты,
Чтоб не слышать, как с веток яблоки
Вниз срываются с высоты,
Как осенние дни ненастные
Затевают свою игру,
Как шиповника угли красные
Разгораются на ветру.
Как тучнеет, повитый стужею,
Непосильной утраты гнёт...
Научи меня равнодушию,
Пусть душа моя отдохнёт
От красивой, судьбой обещанной
Глупой сказки, где всем везёт.
Чтобы помнить - я просто женщина.
Просто женщина - вот и всё!

И Я ЖИВА

В мой чудный рай нет хода никому.
Прочны его задвижки и застёжки,
Поскольку я встречаю по одежке,
А провожаю только по уму.
Здесь тишина, здесь только шум реки
Да соловья неистовое пенье...
Сижу одна в раю, поджав колени,
В камине жгу свои черновики.
В них столько грусти... Господи, прости
За эти слёзы долгими ночами,
За эти боль и грусть, за эту память,
Что мне одной, как тяжкий крест, нести.
В моём раю закончилась зима.
Его теперь знобит от птичьей трели.
И я жива... и не сошла с ума
И яблоки почти уже созрели.

ИЗНЕМОГ СОЛОВЕЙ...

Изнемог соловей. Бьётся в окна рассвет тополиный,
Взбудоражив округу серебряным звоном косы.
Под окном у меня зацвела молодая калина,
И светло на душе от невиданной этой красы.
Изумрудный прибор закипает у самой калитки,
И кузнечиков скрежет растрогал мне душу до слёз.
Душно в келье своей в майский день виноградной улитке
После первых весенних, ветрами разбуженных гроз.
Душно мне в скорлупе гулких комнат промозглого дома,
Где всю зиму навязчиво хлопали дверью ветра...
Знаю я - и тебе это горькое чувство знакомо.
Знаю я - и тебе опостылела эта хандра.
Приезжай.
Мы с тобой опьянённые ветром свободы
Приколотим скворечник на старый дощатый сарай.
И растопим камин, и посадим черешню у входа
В наш, обильно цветущий, увитый лианами рай...
Изнемог соловей, догорели и звёзды, и свечи.
Беглым речитативом врачует мне душу скворец.
Приезжай, прилетай - мы с тобою отпразднуем встречу
Двух таких одиноких и жаждущих счастья сердец!

Наталия Литосова. Натюрморт с травами

ТВОРЧЕСТВО

Я стихи, как художник этюды, пишу:
Я вбираю в себя каждый миг, я спешу
Уловить, подхватить настроение дня.
А зависит итог целиком от меня.
Я до миллимикрона шлифую слова...
Как густа за рекой на заре синева,
Как спокойно душе, как на сердце светло
От того, что хорошее слово пришло.
И нашло своё место среди множества слов,
Утверждая, что слово - основа основ!
Есть у каждого слова и запах, и цвет,
В нём и радость, и грусть, и вопрос, и ответ...
Я не трачусь на кисти и краски, увы -
Мне хватает и зелени, и синевы,
Чтоб простыми словами картины творить,
Да душе своей тихую радость дарить!

Фиалок мокрые ресницы
Распахнуты навстречу дню.
В окне, признав во мне родню,
Свистят весёлые синицы.
Спугнули трепетные сны
Осинок звонкие мониста,
А на душе светло и чисто
От синевы и белизны.
От крика ласточек, от света
Бегущего навстречу дня.
И ничего родней, чем это
Нет и не будет у меня.

ЗИМА БЛИЗКА

Осенний лес одет не по погоде.
Кромсает небо журавлиный клин.
В дырявые карманы подворотен
Сметает ветер золото осин.
Зима близка. Уже прошли все сроки,
Уже не тает иней на траве...
И к пугалу привыкшие сороки,
Пируют у него на голове.
Зима близка. Туман в логах клубится
И где-то зреет первый снегопад...
Вот только подождёт - покуда птицы
До мест зимовки мирно долетят.

БУДЕТ

В этот летний день погожий
С нетерпеньем ждёт меня,
Звонко хлопая в ладоши,
Старый тополь у плетня.
Гусь, разбрызгивая лужи,
Гонит блики по стене,
И лопух, развесив уши,
Как и прежде - верит мне.
Там прильнёт к щеке знакомо
Клёна жаркая ладонь.
И поленница у дома
Развернётся, как гармонь.
Там, серьгой играя звонкой,
Окружённый стаей муз,

Будет хмель стоять в сторонке
Да наматывать на ус:
Свист малиновки у яра,
Жаркий шёпот лебеды...
Деревенские амбары
Очумев, разинут рты.
Сенокосная горячка,
Нестерпимый летний зной.
Будет фыркать водокачка,
Яро брызгая слюной.
Будут робкие овечки
К водокачке семенить.
Будет хлебный дух от печки
Будоражить и пьянить.

ПИШИ БЕСФАМИЛЬНО

* * *

Сел в красивый скоростной поезд «Ласточка», чтобы ехать на съёмки в Тверь. Свободных мест нет. Вернее, они есть, но заняты вещами уже сидящих рядом пассажиров. То есть человек собственной персоной занял то или иное место под себя, но и то, которое подле него, держит под кого-то.

Я вцепился в спинку одного такого сиденья с подлокотниками, упёрто жду результата: когда «Ласточка» отправится и подтвердится, что полностью-таки недоброжелательная дама, сидящая у окна и стерегущая для «кого-то» пассажирское кресло, просто-напросто врёт и не хочет, чтобы кто-то находился возле неё. А в Москве день серый, люди в поезде мрачные, готовые к скандалам.

Наконец у дамы нервы не выдерживают и она, убирая с кресла рюкзак, произносит:

- Бабушка куда-то ушла... Заняла и ушла!..

- Куда? Куда?! - садясь, подсказываю я. - Дедушку, наверно, искать!

В пути перед самой Тверью, когда солнышко вдруг воссияло и на душе совсем благостно стало, мне на мобильник приходит SMS-сообщение от Ольги, нашего ассистента режиссёра. Она пишет: «Юрий! Вас будет встречать Слава. Номер машины У 929 ТР 777». А накануне Ольга сообщала, что с вокзала в Твери, чтобы ехать в деревню Каблуково, где идут съёмки, меня заберёт другой водитель - Никита, у которого в силу возраста (21 год ему) язык без костей: говорит, говорит - не остановишь. Это бы ничего, да есть тут один неудобный момент: букву «р» Никита произносит на французский манер, она у него постоянно грассирует. И снова бы ничего, но когда этому нет остановки, то в замкнутом пространстве, в машине, начинаешь испытывать напряжение.

Так вот, в подземном переходе, ведущем на привокзальную площадь, встречаю (а мы практически никог-

да не знаем, кто ещё прибыл на съёмки) замечательного своего партнёра по телесериалу «Лесник», блистательного актёра Михаила Васькова, приехавшего, как и я, на «Ласточке», и на ходу без всякой задней мысли, а только, чтобы разговор поддержать, сообщаю, что, если он не в курсе, то забирать нас будет не Никита, а Слава.

- Вот и хорошо. - по привычке к сиюминутным переменам во время съёмок делово и со всей прямоотой говорит Васьков. - Меньше картавости будет!

Константина Сергеевича Станиславского в современном театральном искусстве пока никто не отменял: российские театры в своей работе продолжают опираться на его гениальную систему актёрского мастерства, в которой важнейшим условием успеха является точное определение сверхзадачи исполняемой роли.

Когда мы, выйдя на привокзальную площадь Твери, нашли ожидавшего нас водителя Славу и сели к нему в машину, Михаил Васьков как раз и заговорил на эту тему, связанную со Станиславским, вспомнив репетицию «Бесов» Фёдора Михайловича Достоевского в Московском Академическом Театре имени Евгения Вахтангова, где яркий и талантливый Васьков много лет уже работает.

«Бесы», как известно, одна из последних сценических постановок Юрия Петровича Любимова перед тем, как он, уйдя к праотцам, завершил свой путь земной.

Ну, а во время репетиций к нему как-то обратился с неразрешимым вопросом народный артист РФ Евгений Константинович Карельских, работавший над ролью губернатора Лембке:

- Юрий Петрович! - озабоченно обратился к великому режиссёру Евгений Константинович. - А какая у меня здесь сверхзадача?

- Я пока не знаю, Женя, - мягко ответил Юрий Петрович и, показав на небо, добавил: - Вот скоро встречу с Константином Сергеевичем и спрошу.

Приехали в деревню Каблуково, в распоряжение нашего киношного табора, если хотите. Михаил Васьков сразу отправился переодеваться, гримироваться и на съёмочную площадку. Я определился в актёрский вагончик, где тепло и уютно, и ждёт своего выхода на кинокамеру Юля Полинская. Она уже переодела и загримирована, а я на очереди. Перед моей сценой ещё один съёмочный час или два будут отданы другим - вот и надо время коротать. Говорим с Юлей о всяких пустяках, о разных неожиданностях, которые могут сегодня случиться. Вдруг Юля округлила глаза и доверительно сообщает:

- У меня сегодня только одна фраза, но я так боюсь её забыть.

Ольга Полякова-Бутырская. Дыхание старины

Тут, вспомнив, как на днях нечто подобное было со мной, я с таким упоением расхохотался, что и Юля, глядя на меня, тоже засмеялась. Вдвоём мы стали просто ржать, чем никак не удивили окрестности - смех у нас любят.

Решил немного пофиглярствовать: семидесятивосьмилетнему Вадиму Александровичу Александрову (тому самому милицейскому капитану из великолепного советского фильма «Усатый нянь») в перерыве после только что разыгранной им на съёмочной площадке сцены отвечаю похвалу:

- Гениально! Мне так не сыграть!

- Ещё бы! - сходу ударяется в безнадёжный, как мне казалось, и все разрушительный пафос Александров. - Ты у кого учился?

Вот здесь я и купился, думая, что он всерьёз хочет поговорить о старой актёрской школе, о всех её превосходствах перед теперешней. Я с нескрываемой гордостью заявил:

- У народного артиста СССР, ученика Константина Сергеевича Станиславского, заведующего кафедрой актёрского мастерства ГИТИСа, профессора Раевского Иосифа Моисеевича.

- Ну вот! - сказал, как отрезал, Вадим Александрович. - А я у природы!

В Твери мы, если остаемся на следующий и последующие дни съёмок, то чаще всего ночуем в пансионате Тимирязевской сельскохозяйственной академии в посёлке Сахарово.

Стало быть, завтракаем и ужинаем там же в столовой. Есть в этой столовой примечательная гражданка, раздатчица блюд с очень независимым и никем неуправляемым характером - свободным от мнения со стороны.

Вышла она однажды ранним весенним утром часов в семь перед нашим выездом на съёмочную площадку и бурчит себе под нос, разнося по столам нарезку из сыра и колбасы:

- Расселись, как евреи!

И вот уже скоро закончится лето (тёплый август пришёл - все же помнят, что за июнь и начало июля были в нынешнем 2017 году), а я всё думаю: как же это не так, как же это по особенному рассаживаются евреи? Не согласно понимания раздатчицей порядка в столовой, что ли?!

Верю во всё, как маленький ребёнок, притом, что с женщинами-актрисами всегда трудно разобраться - никогда не знаешь: играют они в данный момент или всерьёз по жизни рассуждают.

Наблюдаю диалог великолепных моих партнёров по телесериалу «Лесник» Натальи Санько и Татьяны Журавлёвой.

- Ты, когда родить-то должна? - как вразправду к Татьяне Журавлёвой обращается Наталья Санько, сидящая в траурном одеянии, так как вскоре по сценарию очередной новой серии «Лесника» предстоит всем нам играть поминки односельчанина.

Я ещё не переодетый, только что приехавший из Москвы, блаженно смотрю на округлый животик актрисы Татьяны Журавлёвой, которая почему-то открыто выражает недовольство по поводу своего положения.

- Тройня, наверно, будет, - хмуро говорит Татьяна.

И я как последний валенок, театральной школой ГИТИСа приученный воспринимать всё как в жизни, ведушь на их разговор, восторгаюсь подвигом актрисы - стать матерью сразу троих детей.

- У меня мама, когда ходила мной, тоже думала - тройня! А родился я один - пять шестьсот весом. - Возможно, что-то путая, зато честно, изложил я историю своего появления на свет.

Чем очень насмешил моих визави, в актёрском вагончике сидящих, они решили, что я шучу.

- Ты что, Юр? - удивился присутствовавший среди нас и внутренне сосредоточенно работавший с текстом роли Владимир Тимофеев, он же Ва-

силий Большаев (Васька) по сериалу. - Это ж не по жизни, а по сценарию Татьяна должна родить.

- Надо же! - поразился я, веря и не веря собственным глазам. - Затмение нашло: я всё принял за чистую монету!

Иногда отправление скоростного поезда «Ласточка» из Твери в Москву приходится ждать. Это происходит потому, что твои сцены отсняли и из села привезли в город на станцию заранее, чтобы вечером в пробки не попасть и не опоздать на последний поезд.

Короче, успели. Проскочили до пробок. Домой в Москву возвращаемся с потрясающе интересным актёром Московского Художественного театра имени А.П. Чехова Владимиром Тимофеевым, играющим, как я только что сообщал, роль Василия Большаева.

Делать абсолютно нечего. Зашли в привокзальный «Макдональдс», в нём посидели, что-то пожевали и чаем запили. Затем в зал ожидания на вокзал перебрались, там присели и паримся, изнываем от медленно текущего времени.

Василий Большаев (Володя Тимофеев) разнообразия ради в туалет направился, а туалетная кассирша его тут же узнала - хоть не ходи!

- Вася! - воскликнула она. - А в жизни совсем другой.

- Ну, естественно. - сказал ей Вася. - Там же я алкаш. - И, обилеченный, пошёл в нужное место.

А вслед ему прозвучал ласковый голос кассирши:

- Вася! - указала она на забывчивость своего любимца. - Бумагу-то возьми!

И стало ясно, что не все подробности жизни находят применение в кино.

Мэтры русской поэзии и прозы Игорь Тюленев (Россия, Пермь) и Владимир Илляшевич (Эстония, Таллин), находясь на Ставрополье, участвуя в Ставропольском форуме творческих союзов «Белая акация», напряжение от работы снимали за обеденным столом гостиницы «Континент», проявляя заботливое внимание друг к другу. Прозаик Владимир Илляшевич, например, вставая по окончании обеда, говорит поэту Игорю Тюленеву:

- Ты масло (оливковое масло, применяемое как приправа - автор.) за-был допить.

Тюленев, уходя от стола и как бы, не придавая значения сказанному, отвечает:

- Вот, когда ты молотый перец доешь, я вернусь и допью масло.

Отправляясь на форум творческих союзов в Ставрополье, я опоздал на самолёт. Поскольку в электронном билете русский язык обязательно соседствует

с английским (видимо, так англосаксам хотят привить любовь к России), то перепутать время вылета и время прилёта не составляет никакого труда. Я прибыл в Шереметьево не ко времени вылета - 0840, а ко времени прилёта (1050) моего рейса в конечный пункт - в Ставрополь. И хотя самолёт ещё был в аэропорту и только готовился к старту, о чём по мобильнику сообщил мой напарник, благополучно находившийся на борту, меня к нему не пустили. Билет, приобретённый принимающей стороной, взять назад и выдать компенсацию за него отказались, лететь теперь предстояло за свой счёт. В здании аэропорта, в секторе F нашёл филиал Сбербанка России, а в нём как раз на этот момент началась работа инкассаторов, пришлось ждать, пока они закончат выемку или загрузку денежной массы. Лишь после этого можно рассчитывать на получение нужной суммы, чтобы купить новый авиабилет. Снимаясь в кино и подолгу ожидая своего выхода на съёмочную площадку, я научился терпеть, поэтому стою без нервного надрыва. Знаю, что по любому всё успею. А народ вокруг мечется - особенно мужик, передо мной стоящий, с биркой «Такси» на груди. Ему, как я понял, в срочном порядке необходимо, либо поменять свои деньги на мелкие, либо внести на карту выручку. И он, как заведённый, то уйдёт куда-то, то вернётся в поиске, видимо, возможных вариантов с какими-нибудь ещё терминалами. Наконец, мимо нас продефилировал внешне сильно похожий на мужика, стоящего впереди меня, его коллега с точно такой же биркой «Такси» на груди, но без интереса к терминалам. Мужик завистливо спросил:

- О! Как? Ты успел до прибытия инкассаторов здесь побывать?!

- Ну, Егор? - с укоризной заметил идущий мимо коллега-«таксист». - У тебя же глаза спереди, а у нормальных людей везде!

И мне захотелось стать таким же нормальным, как он.

Накануне, перед вылетом в Ставрополь, позвонил выдающийся романист Игорь Николенко, попросил написать статью о его новой книге и напомнил, что - он-то писал обо мне.

Я на это долго молчал, затем вздохнул и чистосердечно сознался:

- Игорь! Ты такой глубокий писатель. Мне тебя не постичь!

Превосходную формулу извлекла из современного российского бытия литературы и искусства неподражаемая русская писательница Вера Галактионова:

- У кого власть, - заявила она, - тот и талантлив!

Вообще на гадости у нас гораздо щедрее народ (писательский я имею ввиду), чем на любезности. Но сегодня вечером Владимир Степанов, поэт из Тверской области, нежданно-негаданно очень классный комплимент

преподнёс. Он подсел ко мне за стол в Нижнем буфете ЦДЛ и говорит:

- Я тебе книжку свою сейчас подарю, - и, подписывая, начал придуриваться: мол, забыл, как меня зовут и фамилию не помнит.

Я сказал:

- Пиши бесфамильно.

- Ну, нет! - не согласился он.

Тогда, смеясь и подыгрывая ему, я сообщил:

- Юрий Конопляников меня зовут!

- А-а! Ну, да! - порадовал Степанов: - Ты же автор маленьких романов... - Хотел он, подписав книгу, сказать ещё что-то восторженное, но не стал, а поднялся и пересел к столу, за которым его писательские компаньоны продолжали пить водку.

Нынешняя жизнь, - надо с сожалением заметить, - похожа на свалку, где всё (нужное и ненужное) свалено до кучи и на бытовом, и на политическом уровне.

ОЛЬГА СЕМЁНОВА

ТРАВА ПОД СНЕГОМ

Трава под снегом оживает,
Зелёной щёткой во льду.
День полновластно прибывает,
Ему навстречу я иду.
В душе надежда расцветает:
Позволь мне Боже столько жить,
Дабы успеть, всё что пылает,
Из сердца трепетно излить

БЕЛОРУССИЯ

На полянах цветочная пена,
Напоён ароматами лес.
Сушит баба душистое сено,
Песни счастья летят до небес.
Переливы, чириканы, трели –
Всё сливается в дивный оркестр.
На земле Белоруссии - Лели
Красота заповеданных мест
Вдохновит опьяняющим зовом,
Чтоб поэты восславить могли
Эти дивные прелести словом,
Сокровеннейшим словом Земли!

Листья, листья – осени приветы,
Вас несет неведомо куда.
Грустно, радостно ли мне – об этом
Не узнать вам, листья, никогда
Дождик, дождик – осени помощник,
Просто брызжешь или плачешь ты?
Плачу, плачу, - простучал мне дождик, -
Что уж нету летней красоты
Тучи, тучи - вы рассейтесь разом,
Пусть придет задумчивый рассвет,
Поглядит вокруг пытливым глазом
И помянет тех, кого уж нет ...

ВАЛЕРИЯ МАХЕНЬКО

Не пишутся стихи. Ну и не надо.
Мне просто больше нечего сказать.
Слова пустые хуже звездопада:
Летят на лист, но снов не загадать.

Я начинаю строчку и бросаю.
На первом слове замерзает взгляд.
И я нарочно рифму подбираю
Под те слова, что рифмы не хотят.

А как писать о том, что не опишешь?!
Как то назвать, чему названья нет?!
Ты где-то рядом: спишь, смеешься, дышишь.
Ты можешь без меня прожить сто лет.

Я поняла, но солнце не померкло.
И завтра снова будет мне светить.
А я прошла суровую проверку
И научилась просто дальше жить

Когда-нибудь взгляну на мир без грима,
И будут вновь шаги мои легки.
И я пойму, что жизнь неповторима.
И снова захочу писать стихи!

Я становлюсь со временем мудрее.	И жизнь легка. И мир такой огромный
К своим словам придирчивей и строже.	В моих ладонях весь, как пестрый глобус,
И отделять от суеты умею,	Когда я слышу в трубке телефонной
Лишь то, что стало мне всего дороже.	Такой родной, такой знакомый голос.

И я учусь ценить мгновенья буден,	Я не грущу, что время пролетело,
Где ты улыбкой мне раскрасил осень.	Когда казалось, счастьем мы крылаты:
И по глазам читаю книгу судеб,	Моя любовь со мною повзрослела.
Хотя никто об этом и не просит.	Ты - рядом. Это главная награда.

ОКСАНА КРИС

ГОЛУБИ

Выпусти ввысь голубей,
Пусть они в небо взметнутся!
Но, если верят тебе -
Снова обратно вернуться.

Молча на них посмотри
Радостным вдумчивым взглядом.

Небо - обитель любви.
Значит, она где-то рядом.

Пусть порезвятся они,
Дети безбрежного мая!
Робко коснется земли,
Перышко - весточка рая.

ПЕРЕД ВОСХОДОМ...

Краешек алеет небосвода,
А за ним таится день опять.
Тишина. Природа ждёт восхода.
Всё случится, - нужно подождать.

Сладок дух акаций белопенных,
И трепещут кроны тополей.

Близок час зари благословенной
В неоглядном золоте полей.

День вчерашний тихо и бесследно
Растворился в темноте ночной,
Жаворонок- милый непоседа,
Песней славит русский край родной!

Этот вечер духмяный, погожий
Опевают сверчки под окном.
И осеннею рыжей порошей
Осыпает и двор наш, и дом.

Лето тихо захлопнуло ставни,
Отзвенев сенокосной порой.
Степь родная просторней вдруг стала, -
И печаль подружилась со мной.

Небо ближе к земле опустилось,-
Хоть плечо поскорей подставляй!
И ветров, и дождей торопливость,
Замечай, милый друг, замечай!

И гармонь на селе осень славит,
И трубят журавли в облаках.
Не догоним мы их, не оставим.
... Что же тянется к небу рука?

АЛЁНА РЕЙМАН

СТАРИЦА

Будут голые деревья
Плакать в серой тишине.
Заскрипит избушка дверью,
Вскрикнет ворон в вышине...

И согбенная старушка
Обметёт гнилой порог.
Из еды сухарь да юшка,
Из имущества – платок.

Проторённую дорожкой,
Как забрезжит солнца свет,
В бедной, старенькой одежке
Ходит к речке много лет.

Про себя творит молитву,
Чётки вытрепаны все.

Простодушна и открыта,
Не чурается бесед.

Тихо вечером и утром,
Ночь безмолвна, как рассвет...
Люди к старице премудрой
Ходят редко на совет.

Не пробраться им болотом,
Не запутавшись в глуши...
Год проносится за годом
В добром подвиге души.

День придёт, вернётся к людям,-
В мир обыденной тщеты.
Но по-прежнему пребудет –
В горнем Храме доброты...

Закружи, метелица,
Закружи мой сон.
Закипающая, пенится
Кружево корон.

По какому случаю
Съехала ко мне
Конница могучая
Чёрных королей?..

Заржавели мантии
Сброшенные с крон,
Крутятся проклятием
У моих окон...

Силуэты чёрные
Чертятся стеной,
Плавятся оконные
Стёкла надо мной.

Вздыбленная конница
Кажется немой...
Ты скажи, метелица:
Эти ли - за мной?

Закружи, метелица,
Закружи мой сон.
Тихо рассыпается
Кружево корон...

СОФЬЯ ДУБРОВСКАЯ

Я - кот, КОТорый сам по себе
Не гуляет, а проезжает катком,
С ветерком,
Убегая от странных идей
И видений,
Что все убеждают меня
В том,
Что предыдущие жизни -
Блажь.
(Восьмая, прощально махнув хвостом,
Шепнула: этот твой мир -
МИРаж, иллюзия).

Мой опустевший дом
Попрыгал
Под пылью обломки дискет.
На каждой - записана прошлая жизнь,
Обрывки утёкших сквозь пальцы лет
(Уже не вернёшь - держись, не держись).
И я превращаю в «культурный пласт»
Всё то, что тянуло меня за хвост.
Каток создаёт идеальный наст..
Я чувствую:
Мир мой
Не так уж
Прост.

К L***

А я её обнимаю,
А от неё, представьте себе - стихами
Пахнет.
Чем-то зелёно-мятным,
чайным и необъятным
Невероятно.
А она немного волнуется -
Море волнуется (раз), кистью рисуется (два),
Краски с водой мешаются -
Она улыбается.
(три)
Смотри:
А она танцует!
Северный ветер дует,
Море её волнует,
Кто-то её рисует
(художник, необязательный поразительно).

Где-то среди тех зрителей,
Это могло бы звучать как минимум
Оскорбительно -
Но ты удивительно-сумасшедшая, су-мас-шед-ша-я.
Сумасшедшая
удивительно.

АННА ДЬЯЧЕНКО

ФОНАРЬ И СКАМЕЙКА

Сон. Дремотой окутан город.
Тьма, ночные отблески крыш.
И фонарь одинокий стонет
От простоя железных мышц.
Встать ему б и пойти к вокзалу,
Лавку тонкую прихватив,
Прогуляться всегда прельщало
Средь высоких плакучих ив.
А на той стороне перрона
Гордо выстроены, стоят
Два героя, два славных воина.
Двое лучших на свете ребят.
Души есть в каждой банке соли.
В каждой капельке крана воды,
В каждом фонарном столбике,
И в скамейке, и в свете звезды.
И встает фонарь от бессонницы,
В голове вспоминая маршрут.
И скамейка не церемонится,
Вот уже - под ручку идут.
Ивы шепчутся, злые завистницы,
И посвистывают камыши
Хорошо все ж пылать взаимностью
Нежной, доброй и чистой души!
Пройден парк с белокурыми ивами,
Шелестит за спиной темнота,
И стоят пред героями милыми
Учучуханные поезда.
Красота, здесь тепло и отзывчиво!
И фонарь переходит пути.
Хорошо, есть на свете искренность
И мне есть с кем ее найти!
Люди носятся толпами шумными,
Заполняя вагон за другим.

Василий Поляков. Ставрополь. Осень

Они вовсе не кажутся умными
Под покровом нервных сединок.
У скамейки - глаза промокшие,
Двое тех поглотили взор.
И фонарь вдруг стоит как вкопанный,
Не заметив от слез укор.
Эти двое всегда на месте.
Из-за них мы пришли к вокзалу.
Так стоим мы с тобою вместе,
Так судьба по углам разбросала.

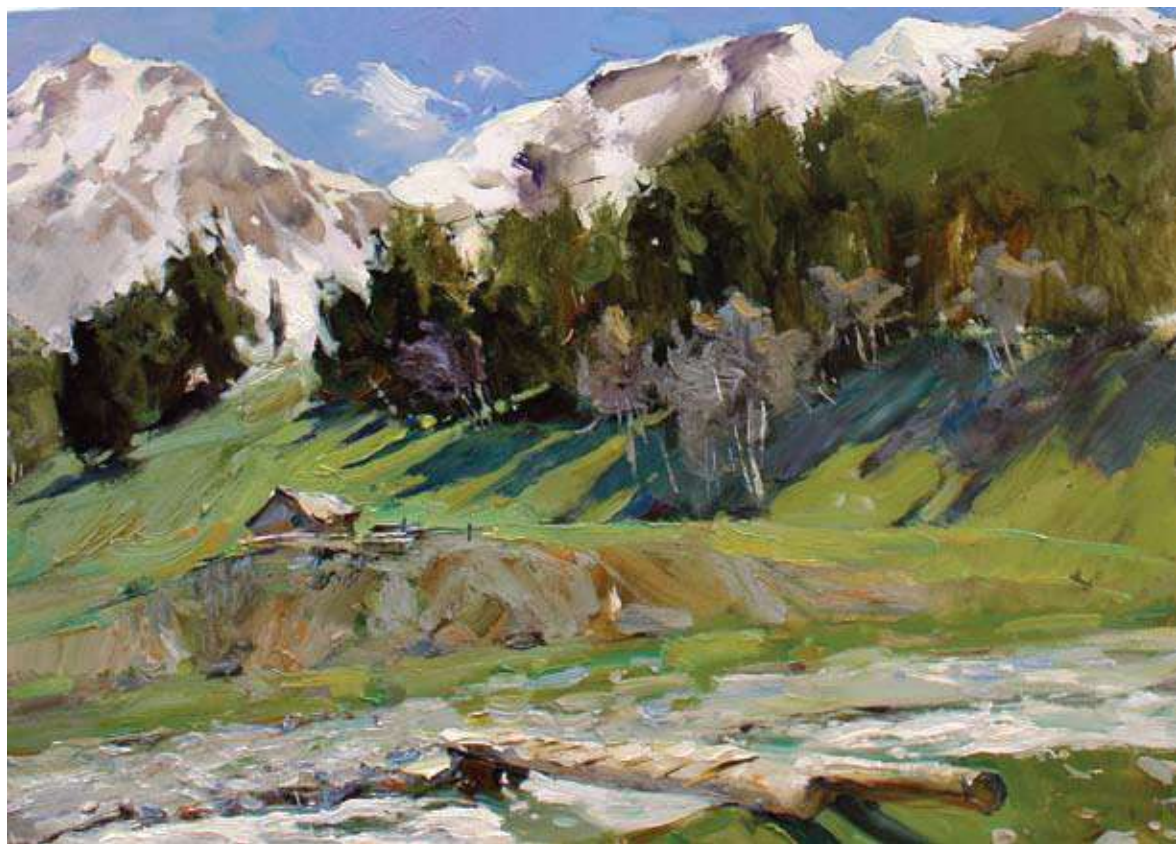
РИТМ ВОСХОЖДЕНИЯ

ШХЕЛЬДА

Над Шхельдой пылают рассветы,
В озера глядятся леса.
И я, как ночная планета,
На звездных качаюсь весах.
Цепляюсь за небо руками,
Чтоб крюк между звездами вбить.
Снегами, большими снегами,
Мне хочется думать и жить.
И черпать до дна, без остатка,
Предутренний этот простор.
Видавшая виды палатка
Стоит у заснеженных гор.
Размеренный ритм восхожденья,
Дыханье и стук молотка,
Я слышу знакомое пенье
Идущего в стену крюка.
На склонах застыли лавины,
К вершине идем налегке.
Я синие эти глубины,
Как книги, ношу в рюкзаке

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОСЛЕВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

В промерзших полях, где вчера умирала пехота,
Где чей-то отец перед боем окоп свой отрыл,
Остались стоять где повзводно, а где и поротно
Фанерные звезды у свежих солдатских могил.
Мы ржавую каску в окопе нашли пацанами
И долго смотрели на пулей разорванный бок.
И нам показалось, что пули свистели над нами,
Я каску надел и за бруствер окопа залег.
Мы приняли бой, и врагов захлебнулась атака.
Свисала фуфайка с костлявых мальчишеских плеч.
Друг выдал патроны, по десять патронов на брата,
И взросло добавил: «Ребята, патроны беречь!».

Александр Тюнькин. Софийская поляна

Скулили осколки, над бруствером землю бодая,
Как будто взаправду лежат под обстрелом полки.
Но вот по цепи раздается команда простая:
«Гранаты достать и примкнуть на винтовки штыки!».
И, встав в полный рост! Пули хлещут
меж нами впустую,
Гремя сапогами, бегут пацаны по жнивью.
До хрипа «Ура»!
Мы впервые пошли в штыковую,
И всем нам казалось, что мы в настоящем бою.

МАРУХСКИЙ ПЕРЕВАЛ

В ледниках промерзших
Наши деды спят.
Обелисков звезды
Над землей парят.
Здесь стоят над миром
Тысячи веков
Белые вершины
В шапках ледников.

Грохот ледопада,
Словно стон веков,
По святым останкам
В толщах ледников.
Умирая, эхо
Тихо упадет
Пулеметной лентой
На марухский лед.

АРХЫЗ

Полуночная дробь пулемета,
Ледяное безмолвье вокруг,
Но все выше уходит пехота,
По ступеням идет на Марух.
Этих трещин зловещих провалы,
Снега хруст и дыханье лавин.
Сколько ляжет их здесь безымянных
С беспредельных российских равнин.
Завтра - бой. Ледяные могилы
Эти судьбы сольют на века.
Им сверкают Архыза вершины,
И шумит, провожая, река.
Эта белая цепь перевалов,
Где так гордо плывут облака,
И морозное утро с туманом
Над холодной сталью штыка.

ФРЕГАТ

Так безнадежно, так угрюмо,
Как бы прощаясь навсегда,
Висела в черном брюхе трюма
Надежды южная звезда.
И в море места было мало,
И ветер снасти в клочья рвал,
И всех чертей девятым валом
Тайфун Бермудский накрывал.
Фрегат встречал волну бортами,
Жизнь уходила из-под ног.
Надежда - с нами, вера - с нами,
Спаси нас, бог!

НАПАДЕНИЕ НА «ПОЛЯРНОГО КОРОЛЯ»

...Итак, вновь предстояло десантирование на полном ходу - опять нервотрёпка, ведь мои товарищи впервые поднимались на борт в таких экстремальных условиях. Или не впервые?

- Шура! Признайся, тебе на ходу доводилось высаживаться, будучи рыбаком?

Шура утвердительно кивнул и ответил коротко:

- И не раз...

Оставался художник. Для Зверлинга пришлось командовать:

- Делай как я...

Экипаж судна «Полярный король» оказался «комсомольско-молодёжным»: не по годам очень тучный, с висящим животом молодой тридцатипятилетний капитан Артём, его ровесник, тощий, долговязый стармех Виктор с лицом землисто-серого цвета («дитя подземелья») и круглолицый старпом Алексей, лишь двумя годами младше начальников. Третий штурман Вовка и вовсе молодой парнишка двадцати пяти лет: тоже долговязый и тощий, улыбчивый, и зачем-то отпускающий плохо растущую включенную редкую бороду. Выглядел он довольно забавно - вылитый портрет молодого Хо Ши Мина.

Шура подмигнул, подтолкнул - ступай, налаживай контакт с мастером. Да я и без подсказок собирался.

Вошёл в рубку - крепко пахло никотином. Поздоровался, представился. Как оказалось, мастер стоит вахту наравне с помощниками - нет второго штурмана, и как раз в это время была его вахта. Я рассказал о прошлогоднем переходе на «Иротане» через океан - капитан подтвердил, действительно, эти суда «систершип» построены на одной верфи в Испании, и бороздят моря под флагами разных стран. Оба суда работают в одной компании. Теперь их перегоняют в Россию, переводить под наш флаг, под «северный завоз».

- А под каким флагом трудитесь?

- Британский Гондурас! Слышал, про такое государство? - усмехнулся капитан, глубоко затягиваясь сигаретой.

- Конечно, слышал! - подтвердил я и даже обиделся за сомнения в моих познаниях в географии. - У нас самих фирма зарегистрирована в тех краях. Так что, будьте покойны, защитим территории родимого Британского Гондураса - не допустим на борт пиратов!

- А-а-а...так значит, мы земляки! - ухмыльнулся мастер.

Как и всякий молодой да ранний начальник, мастер Артём часто хмурился, строжился и излишне гонял подчинённых, чтоб не подумали, мол, молодому и неопытному можно на голову сесть. Особенно от него доставалось матросам и повару. Чаще всего шугал повара: то недосолено, то пережарено, то просто невкусно. Честно сказать, повар действительно был не на высоте и прав мой старый приятель капитан Баталов: хороший и добросовестный повар - главное условие.

Капитан на контакт шёл с трудом - общих интересов не находилось: я и не курящий, не автомобилист, не охотник, не рыбак...

Ну, да общение и дружба дело десятое - наша задача за пару недель благополучно дойти до Галле, а вы уж дальше ступайте куда хотите и как хотите. Обойдёмся без взаимной приязни...

Тем временем судно прошло пятнадцатый градус северной широты и погода резко испортилась: подул ветер, поднялась волна, небо затянуло пыльной пеленой - приближался Баб-эль-Мандебский пролив. Мы все круче пошли на юг, на прорыв...

По моей просьбе матросы на крыльях сплели из концов двухслойные полутораметровые баррикады, притащили пустые двухсотлитровые бочки, заполнили водой, сколотили из досок щиты, приставили их к бочкам. Защита получилась что надо! Сварщик по моему рисунку сварил два макета пулеметов - установили по углам крыльев и направили в сторону кормы.

Мы в свою очередь подняли в рубку боекомплект, снарядили - к бою готовы!

Капитан опечатал ящик с оружием и велел без необходимости не доставать - мало ли что:

- Висящее на стене ружьё должно выстрелить!

Матросы то и дело шутили: а помимо муляжей есть ли у охраны настоящее оружие?

- Оружие есть! И поверьте, настоящее! - успокаивали мы, как могли, тревожащийся экипаж.

- И даже патроны есть? - подначивал меня неугомонный боцман Василий.

- И патроны самые что ни на есть боевые!

Юрий Зверлин. Нападение на «Полярного короля»

- А если пираты подойдут? Вы им скажете, что боеприпасы у вас под отчет? Или всё же будете стрелять?

- Не переживайте, конечно, будем! - отмахивался я от назойливых моряков. - Вот именно, вдруг появятся пираты, а нам не хватит патронов для отражения нападения!

Тощий дед каждую вахту капитана поднимался в рубку и советовался, как быть - машина перегревалась. Причина - водяное охлаждение двигателя забортной водой, а вода в Красном море плюс тридцать пять. Холодильники не справляются. Механики в панике.

- Мастер, давай сбавим обороты. Чует моё сердце, не дойдем!

Честно говоря, я тоже был за снижение скорости! Как гласит старая поговорка моряков заграничавания: больше суток - больше шмукот! Мы получаем командировочные от босса посуточно и чем дольше контракт, тем выгоднее. А количество дней напрямую зависит от скорости. Один узел в час - сутки плюс! Молодец дед, поддерживаю, - пусть сбавляет ход!

«Полярный король» спокойно прошёл Красное море, спокойно и без происшествий миновал Баб-эль-Мандебский пролив, спустились к одиннадцатому градусу, к началу охраняемого вояками «коридора безопасности». Встречный ветер подул ещё сильнее, поднялась хорошая волна, ма-

стер выключил автоматическое управление судном и поставил за штурвал матроса.

Но мы тоже не расслаблялись и были наготове - я то и дело поднимался на мостик: подышать свежим морским воздухом, понаблюдать за морем, посмотреть всё ли в порядке. После полдничного чая сморило - решил подремать. В этот час завершалась вахта Зверлинга, и вдруг заработал ревун - тревога!

Экипаж сломя головы побежал в цитадель, а нам наоборот, - предстояло мчаться на мост - занимать оборону.

Вскакиваю со шконки, на ходу одеваюсь, заскакиваю в рубку, хватаю бинокль штурмана, вглядываюсь в горизонт и вижу, что складывается крайне неприятная ситуация: со всех сторон на сближение идут лодки. В ближайших двух отчетливо виднеются силуэты по семь-восемь человек и все налетчики в одинаковой чёрной униформе! Хорошо, что погода нам помогает - волна полтора-два метра, которая мешает лодкам быстро сблизиться с нашим «Полярным королём». Пираты? Похоже на то...

Следом за мной подбежал Кабыла, в глазах немой тревожный вопрос: что делаем?

- Сомалийские пираты? Будем стрелять? - настойчиво, с надеждой вопрошал Зверлинг, глаза его кровожадно сияли. - Командир - почему молчишь? Ну же...

Я подозвал друзей к ящику с оружием.

- Похоже, что действительно пираты... - шепнул я коллегам. - Сейчас будем вооружаться, и если сблизятся...

- Стреляем! - обрадовался кровожадный художник. Зверлингу явно не хватало адреналина и экстрима в творчестве.

Толстяк-мастер с громким топотом метался вдоль пульта управления, растерянно теребил бейсболку и нервно смолит сигарету за сигаретой. Артём, наполовину не докурив одну, тушил о пепельницу, и тут же прикуривал следующую, и было заметно, что он морально не готов к такому повороту: моряки надеялись, что спокойно войдем в коридор безопасности, встанем в конвой, а за Сокотрой нам мощные шторма помогут. Прогноз давал сильный шторм на неделю. И вот, на тебе! не успели войти в залив как тут поджидают пираты!

- О чём шепчетесь спецназы? - устремил Артём на меня взгляд, полный тревоги и тоски.

- Да хрен знает! Возможно, действительно пираты, - попытался я отвечать как можно спокойнее, не создавая паники. - Посмотрим, как лодки поведут себя дальше...

- Будете стрелять?

- Не хотелось бы, чтобы до этого дошло... Но если приблизятся к балкеру на два-три кабельтовых - будем! Сначала предупредим очередью - в воздух, а потом жажнем в три ствола, по целому магазину, по ближайшим лодкам...

- А если это простые рыбаки?

- Тогда они не ответят,.. - ухмыльнувшись, я подмигнул мастеру.

Поспешил на крыло, присоединяя на ходу магазин к автомату. Зверлинг и Кабыла - следом.

Спецназовец-художник, творческая личность и ранимая душа, недоверчиво уточнил:

- И что? Неужели это правда? Можно просто так стрелять по людям? Без суда и следствия?..

Я с сомнением посмотрел в глаза Юлия: а действительно ли он писатель и художник?

- Остынь! Лучше обойтись без боя. Но если не избежим столкновения, то вести прицельный, меткий огонь! Стреляй в бою расчетливо и экономно. Главное дело, не промахнись - спецназ на пенсии...

Заняли оборону на крыльях в сторону кормы возле макетов пулеметов: мы с Кобылой по правому борту, Зверлинг - по левому. Замерли, напряженно всматриваясь в океан и готовясь к самому худшему развитию событий. Две пиратские лодки, находившиеся наиболее близко к «Полярному королю», прибавили ход, чуть повернули: пассажиры баркасов явно приглядывались, примерялись, как сподручнее перепрыгнуть через леера, опутанные рядами густой колючей проволоки - самые низкие борта, где удобнее всего взобраться на палубу - возле надстройки.

Передние имитировали или начали атаку, а остальные лодки пока что держались чуть поодаль. Размышляют? Выжидают? Пора действовать, иначе незваные гости облаглют окончательно.

- Шура, по моей команде - короткие очереди в воздух!

Поднял ствол вверх и дал короткую очередь, следом и Кабыла пальнул в воздух. Импульсивный художник, заслышав наши выстрелы, тоже дал очередь, да не одну - три.

- Зверлинг! Отставить! - заорал я что есть силы, но меня слышал лишь сосед Шура - разве перекричишь работающий судовый двигатель. Интенсивная стрельба очередями с левого борта продолжалась - пришлось метнуться на другое крыло - вдруг с того фланга пираты подобрались гораздо ближе.

Огляделся. Да нет, дистанция до баркасов противника с этого борта, была примерно такой же, а перепуганный Зверлинг палил отнюдь не в воздух. Но, возможно, он вовсе не перепуган? Наоборот, воодушевлен безнаказанностью и вседозволенностью?

- Зачем ведешь огонь по лодкам? Велено же было вначале предупредить! Предостеречь противника!

- Костя, капитан попросил бить наверняка. Тем более ты сам сказал: стрелять можно и за это никому ничего не будет. Смотри, как подействовало - баркас резко отвернул. Правда, я молодец?

Действительно, ближайшая к нам лодка резко сменила курс - рванула в сторону Йемена, вторая - застопорила двигатель и болталась далеко за кормой. А те баркасы, что держались чуть поодаль вдоль бортов - рванули враспынную, стремясь резко увеличить дистанцию и уйти на безопасное расстояние, чтобы потом затеряться в безбрежном морском просторе.

- Молодец, молодец..., - нехотя похвалил я товарища.

Я заглянул на мостик доложить об отражении атаки, мастер метался по рубке от борта к борту и был вне себя от ярости:

- Где фрегаты и корветы международной коалиции? Вояки сраные! И это называется коридор безопасности? Да тут воды залива пиратами кишат! А что же тогда творится за пределами охраняемого сектора?

В ответ я лишь пожал плечами, что сказать: идет необъявленная война с мирным международным судоходством и маленькая мятежная африканская страна сражается со всем миром и огромный военный флот ничего не может поделать с плохо вооруженными и необученными в военном отношении пиратами - бывшими рыбаками.

Пираты быстро поняли, что с нами им ничего не светит и ушли. Артём дал отбой тревоги, но вся наша команда секьюрити оружие не сложила - осталась на мостике: наблюдать за дальнейшим развитием событий. Было тревожно - как поведут себя прочие лодочки, болтающиеся далеко впереди по курсу и не ведающие о наличии охраны на борту «Полярного короля». Через некоторое время все «скифы», словно по команде, развернулись и помчали к следующему в пяти милях за нами судну. Однако экипажу того танкера тоже повезло - и у них на борту была вооруженная охрана. Бойцы с танкера тоже дали дружный отпор, и тогда лодки, словно пираньи в поисках добычи, бросились к следующему судну. Настоящие шакалы - выискивают слабого!..

Мастер греческого балкера, замыкающего нашу небольшую колонну, громко заверещал по связи, требуя помощи со стороны военных, у него был всего один охранник-араб с винтовкой. На его вопли откликнулся военный фрегат - велел держаться: пообещал подойти через полчаса, а пока заверил, что выслал в поддержку вертолёт. Нас эта суета уже не касалась, «Полярный король» оторвался далеко вперёд - входил в центр коридора безопасности...

До утра группа охраны и вахтенные матросы напрягали зрение, вглядываясь в темноту - радар часто не видит углые судёнышки. Затем в «морду» подул шквальный ветер, полил сильный дождь и, в конце концов, разыгрался хороший шторм. Четырехметровые волны ритмично заливали нижнюю палубу от бака до надстройки, и довольно валкий и неустойчивый балкер приняло болтать.

Раскачалось, словно маятник! Судно, поскрипывая, кренилось с борта на борт, мощные волны захлестывали палубу и брызги залетали даже сверху

рубки - на пеленгаторную. Бортовая качка ужасно досаждала, и спать было просто невыносимо - тело ритмично катает по койке и вся ночь проходит как в бреду. Давненько я не попадал в такой сильный шторм, да ещё и на маленькой посудине.

Так прошли сутки, вторые, третьи...

Повар перестал готовить первые блюда и компот: посуда бьётся, суп из кастрюли выплёскивается, еда подавалась в основном всухомятку: хлеб, каша, да консервы. Ну да ничего, главное дело спокойствие - это не пиратская погода! Теперь к судну в шторм никакая лодка не сможет не подойти!

Лишь на подходе к Лакадивам чуть стихло...

Тем же вечером довольно близко прошли остров Маникой, на котором располагался крупнейший в мире лепрозорий, однако сколько мы ни вглядывались сквозь бинокли - так и не разглядели, где же проживают эти несчастные. Итак, судно окончательно спряталось за лакадивским архипелагом, и шторм пошёл на убыль.

Следующим утром я праздно болтал с мастером о том, о сём, мысленно находясь уже в пути к дому: вещи собраны, оружие в сейфе и готово к сдаче.

На мостик поднялся Кабыла, отозвал меня в сторонку и с заговорщицким видом пробормотал:

- Ты знаешь, а ведь завтра день рождения чифа! Надо бы что-то Алексею подарить. У тебя не осталось никакой из своих книг?

- Есть детская книжка - могу даже поставить автограф, - ухмыльнулся я и подмигнул приятелю. - Про Лёхину днюху знаю - в крюйв-листе видел. И если он настоящий моряк - наверняка накроет праздничный стол...

И верно, чиф официально пригласил нас на торжество. Раз такое дело, на ужин мы не пошли - приберегли место в желудке, и начали готовить подарки. Зверлинг на ватмане набросал рисунок, затем сделал по памяти портреты моряков, а я подписал книжку - всё что могли...

Ровно в восемнадцать ноль-ноль постучались в каюту мастера. Либо Артём заставил повара перетряхнуть скудные запасы, либо сам обшарил все сусеки провизионки, а возможно, начальники опустошили и свои холодильники. Мы знали, что проход довольно беден провизией и экипаж идет почти на голодном пайке - экономят провизию до Сингапура, поэтому не обиделись на скромность банкетного стола: овощной салат, варёная картошка, рыбные консервы, нарезка сыра и колбасы, яблоки и лимон.

Зато на фоне продуктовой бедности гордо возвышалась литровая бутылка виски «JeckDaniel's». Однако! Не поспешил чиф! Спиртное уни-

чтожили довольно быстро: нас двое (лечащий печень Шура в качестве собутыльника в счет не шел) да три начальника - после третьего тоста бутылка опустела. Неужели всего полчаса и день рождения завершен? А мы даже толком и не разговорились.

И Зверлинг не успел почитать свои короткие, полные абсурда, и в то же время замечательные трэшевые рассказы.

Мастер досадливо крикнул, чуть втянул огромный живот, чтобы протиснуться между столом - полез к судовому сейфу. Поковырялся в замке - извлек литр коньяка и текилу. «Martell» - пятилетней выдержки! Водрузил в опустевший центр стола и хитро подмигнул. Вот это да! Видимо это был неприкосновенный запас на «представительские» нужды.

- Ребята, а не слишком ли щедро? Может не стоит? - поломался я для приличия. - Вы же говорили - сухой закон!

Артём хитро усмехнулся в пышные усы:

- Сухой закон был вчера, а сегодня двойной повод: и день рождения чифа, и день прощания с вами, дорогие друзья! Отметим, как следует! Суровые и монотонные будни вернутся завтра с подъёмом...

- Братцы! Вы что творите! - возмутился я. - Неужели нельзя было растянуть праздник на два дня?

- Нельзя! - строго и весомо молвил чуть заплетающимся языком мастер, и на правах старшего откупорил пробку-сомбреро с бутылки текилы...

Пошли рыбацкие истории Шурика, а потом вступил в дело Зверлинг: знакомые шутки, заученные мною уже наизусть. Художник завершил свой бенефис экспресс-портретами собутыльников карандашом и мелками, морские зарисовки по памяти - эти подарки с шутками и прибаутками вручались не только чифу Алексею - всему командному составу.

Литр текилы с лимоном и солью на закусон, под неиссякаемые байки, влился туда же, куда утекло содержимое двух предыдущих бутылок.

У-ф-ф! Ну, наконец-то финиш банкета!

Двадцать три часа тридцать минут - пора на боковую! Ведь среди ночи нам предстояло сходить на рейде Галле по довольно беспокойной воде на юркий пограничный катер...

Пора и честь знать. Я тоже выпил на посошок рюмаха, закусил и отклонялся. Поспешил в каюту - прикорнуть на койке часик-другой. С крепкими моряками главное вовремя уйти, пока не потерял способность соображать. А «флотоводцы» на тот момент дошли до той степени опьянения, что уже не смогли активно сопротивляться моему уходу.

Хотел прихватить с собой и Зверлинга, но расслабленный и утомленный художник к этой минуте громко похрапывал в просторном кресле в дальнем углу капитанской каюты. Безвольное тело...

Ладно, пусть спокойно поспит в гостях - заберу на подходе к рейду Галле. Хорошо, что «трезвенник» Кабыла тихо, по-английски исчез с банкета примерно час назад - поможет вынести.

В принципе, мы давно готовы: оружие, вещи и документы собраны, по первой команде, буквально в считанные минуты, сможем собраться и сойти.

Упал, не раздеваясь на шконку, закрыл глаза и провалился в спокойный глубокий сон...

Вроде бы глаза прикрыл лишь на минуту, а уже трясут за плечо изверги - будят. Прищурился - слегка отмахнулся.

- Отстань, чтоб тебя!

Оказалось, это опухший Зверлинг - настойчиво бубнит, склонившись надо мной:

- Начальник - подъем! Галле маячит на горизонте и катер уже на подходе. Спускайся вниз на палубу - я побегу за хохлом.

Всё начальство было в сборе и как ни парадоксально, на ногах и при памяти - вот это закалка! «Флотоводцы» весело гомонили, допивали очередную бутылку коньяка и дружно учили жизни молодого штурмана.

Крепко обнялись, простились, не на шутку развеселившиеся флотоводцы пообещали вскоре нагрянуть в Питер. Навести шухер в граде Петровом!

Это угроза?

Дед торжественно пообещал перегнать приобретенный «Урал» из Казани во Владивосток - через Питер.

Ого! Забавно, ближний путь!

- Костя, жди меня осенью! Я чо, сразу попрусь домой? Жизнь проходит, а я Эрмитаж не видел! Да и фонтаны Петергофа давно мечтаю посмотреть! А Янтарная комната? У вас там столько всего интересного...

Ну-ну. Многие обещали, да так и не доехали...

- Конечно, приезжай, только трезвым! Достопримечательности надо осматривать в здравом уме...

Дед в ответ лишь хмыкнул, хрюкнул и отвалился на спинку дивана - ушел в нирвану.

Сумку в руки, рюкзак за спину и на выход. Боцман и молодой матрос уже спустили трап, а в пяти метрах от борта пограничный катерок болтался на крепких волнах: маленькую посудину буквально швыряло и одновременно раскачивало в хаотичной амплитуде вправо и влево, вверх и вниз.

Зверлинг таращил глаза - чёрные усы и остатки волос на голове, после стрижки под ёжик, от ужаса топорщились дыбом. Художник на свежем воздухе заметно протрезвел и теперь с надеждой посмотрел на меня:

- Старшой, а может ну его этот Галле! Коллектив на судне хороший, виски и коньяк то и дело появляются, стол, словно скатерть-самобранка - пошли-ка до Сингапура. Зачем рисковать здоровьем? А?

- До Сингапура - бесплатно! Хочешь идти за свой счет? А вдруг на

Шри-Ланке новый контракт подвернется до Египта? И потом, как нас эвакуируют из Сингапура? На каком основании, мы ведь не моряки? У тебя документы морские, кроме усов, есть?

Художник досадливо поморщился.

- Откуда...

- И у меня нет! Придется сходить, как сможем...

У самого борта рядом с боцманом безмолвным изваянием замер Шура. Руки в карманах, ноги широко расставлены, задумчиво смотрит на бурную волну. Прежде, как опытный моряк, Кабыла не раз нас уверял, что для настоящих рыбаков, такая волна не волна и этот шторм - не шторм. И сейчас он бодрился и храбрился, общаясь с моряками: раскован, спокоен, невозмутим.

- Мы в Атлантике и не в такой шторм сходили...

- Волна большая! - с сомнением покачал головой боцман. - Думаете, удастся? Лично я бы не стал рисковать.

- И я бы не стал - мне здоровье дороже! - поддержал боцмана матрос.

- У нас нет другого варианта! Катер пришёл, он оплачен - больших денег стоит. Кто нас потом из Сингапура будет вывозить?

- Тогда пойдёте до Владивостока...

Катер, нещадно битый крепкой волной, постепенно выровнялся. Этот «малыш» доверчиво потёрся о борт нашего более мощного по габаритам «Полярного короля». Однако внезапно получив ощутимый толчок - обиженно отскочил, но настойчиво вновь сблизился, прижавшись плотнее кранцами. Ах, упрямец!

Боцман отпустил конец, придерживавший на весу нижнюю балясину пониже. Коротко скомандовал десанту - первый пошёл!

Катерок то резко уходил вниз из-под трапа, то затем вздымался вверх: надо уловить момент - решительно ступить с балясины на палубу и ухватиться за протянутую руку ланкийца. Пора рискнуть! Что я и сделал, и вполне успешно.

- Сэнкью, бразер! - похлопал я по плечу чернокожего матроса, подхватившего меня за руки. Поторопил художника, замершего в нерешительности над пучиной.

- Вперед, Зверлинг!

А как не задумаешься? Под ногами глубина - километр!

- Давай, Юлий, живее! - поторопил я настойчиво приятеля.

Взбадриваясь, Зверлинг шлепнул ладонями по щекам, потряс головой, развернулся лицом к трапу и сделал несколько решительных шагов вниз. Бывший спецназ умудрился вполне уверенно приземлиться на ноги и ухватиться за леер и матроса. Наш восьмидесятикилограммовый крепыш едва не снес тщедушного островитянина за борт в бурные волны. Ну, слава Богу, обошлось - самое слабое звено нашей команды на борту!

- А теперь твоя очередь, Шурик! - рывкнул, как смог громко, на третьего члена команды. - Вперёд, рыбачок! Время не ждет!

Долговязый, крупный, немного нескладный товарищ уже занёс было ногу на трап, как вдруг ланкийцы словно очнулись - матрос притащил спасательный жилет, и знаками потребовал спустить с балкера свободный конец - подать на борт жилет для Шуры.

Странно, зачем Кобыле жилет? Ведь мы без спасательных средств успешно сошли...

Я ещё раз крепко пожал руку матросу и поспешил на корму - принимать вещи - на баке и без меня не протолкнуться. Судорожно цепляясь руками за леера, перебрался и принялся, при помощи слов на трех языках, руководить перегрузкой. Ага, поруководишь ими - ни хрена по-русски не понимают! Ланкийских помню десять слов, а их английский для меня был как мяуканье кошек. Первым с борта спустили ящик с оружием, затем связку сумок и рюкзаков. Слава Богу - обошлось благополучно!

Склонился над ящиком проверить целостность замков - в этот момент раздались громкие вопли, и началась какая-то непонятная подозрительная суета на баке.

Что там такое происходит?!

Через несколько секунд на корму добрался громко верещащий художник:

- Там Кабыла тонет!

- Какая ещё кобыла? Ик! - икнул я и пошутил: - Буфетчица за борт свалилась?

- Да нет же, не кобыла, не баба! Наш Кабыла за бортом!

- Какую ты хрень несёшь! - возмутился я, продолжая икать. - В море подобные шуточки не уместны!

- Сам дурак! Я же говорю, Кабыла тонет! - и с этими словами Зверлинг истерично пьяно захохотал.

Я действительно, вначале подумал, что мой приятель шутит, столь не серьёзно он говорил о серьёзном происшествии.

- Прикольно - Кабыла за бортом! - хохотнул я. - Кабыла стойло потерял?

Однако художник продолжал громко вопить и я поверил, что он не шутит. Кинул взгляд на покинутый балкер: «Полярный король» резко взял правое руля, а на левом крыле стопились судоводители и что-то громко кричали, энергично жестикулируя. Пограничный катер в свою очередь тоже резко принял в сторону, - влево.

Тщетно мы гляделись в бурные волны - не видно ни зги. Но вот на балкере догадались включить прожектор, и я заметил, что действительно, в бурлящих пенных волнах, метрах в двадцати-тридцати от нас, что-то болтается в воде. Неужели Зверлинг не пошутил?

- Вот он плывёт! Видишь? - уверенно ткнул Зверлинг пальцем в направлении тёмного бесформенного предмета. - Я же говорю - Кабыла тонет, а ты смеёшься!

- Твою мать! Да ты разве серьёзно когда говорил?
- Я всегда серьёзен! - парировал Юлий.
- Но как он свалился за борт?! Шура ведь бывалый моряк!
- Это произошло в одно мгновение! Палубой ударило - шмякнуло словно теннисный мячик о ракетку.

Юлий звучно шлепнул ладонью о ладонь.

Вот влипли! Мы внимательно всматривались в ночную тьму, переживая - жив ли товарищ? Силуэт заметен, а шевеления не видно. Неужели ему разmozжило голову о борт балкера или о катер? А вдруг, действительно, он наглотался воды и захлебнулся?

Хотя, вполне возможно, наш друг чуть в отключке, без сознания?

О! Лениво шевелит руками, лёжа на спине. Или это волны шевелят тело? Хочется надеяться на лучшее. Да нет, вроде бы Шурик жив. И точно, жив! Действительно, всё-таки шевелится! Главное, что он держит голову над поверхностью! Как здорово, что ланкийцы ему выделили спасательный жилет! Но тогда почему нам со Зверлингом жилетов не дали? Прошляпили? А если бы меня так же долбануло об катер? Наверняка, без спасательных средств я сейчас уже бы медленно опускался на дно морское кормить рыб и крабов.

О, какой ужас!

Ладно, мне-то повезло, а вот каково сейчас Шурику в волнах?

- Что делать? Что делать! - громко завопил Зверлинг, хватаясь то за сердце, то за голову. Художник на полусогнутых подгибающихся ногах внезапно очнулся и заметался по корме.

- Что делать? Фотографируй Кабылу! Пока он не утонул.

Напарник остановил свой суетливый бег по малому кругу и в изумлении вытаращил на меня глаза.

- Зачем?

- А когда ты ещё сможешь сфотографировать утопающего? - нервно хохотнул я в ответ. - Хватит метаться - займись делом.

- Да ты невменяем! До такой степени нажрался виски?

- Можно подумать, ты трезв как стекло!

Далее события развивались с калейдоскопической скоростью, и Зверлинг, впоследствии, всё произошедшее интерпретировал по-своему, а я по-своему.

Ко мне подскочил тщедушного телосложения матрос, сунул в руки спасательный круг и жестами показал - кидай. Видимо малыш-ланкиец не надеялся добросить спасательное средство до утопающего.

«Блин, не упасть бы самому за борт, швыряя круг. Но что поделать... кидать так кидать - надо спасать».

Круг оказался довольно тяжелым, главное чтобы средство спасения не стало средством убийства. Попадешь «в цель» и круг утопит бедствующего.

Швырнул, что есть силы, но чуть в сторону от барахтающегося в волнах приятеля - чтобы ненароком не зашибить! Удачно! И недалеко и неблизко: круг упал на большом расстоянии от катера, и чуть в стороне от пострадавшего - метрах в пяти-семи. Шура принялся подгрести ближе, однако усиливающиеся волны и течение заметно замедляли скорость, ведь мы теперь оказались без защиты широкого борта балкера - наедине с океаном. Вдобавок Кабыле мешали плыть и спасательный жилет, и сумка с аппаратурой за спиной.

Тем временем «Полярный король», громко и протяжно гудя, медленно уходил в сторону Сингапура - приказом береговой охраны и пограничных властей проходящему судну запрещалось стопорить ход без особого разрешения.

Ланкийцы столпились позади меня, активно жестикулировали и что-то громко, наперебой кричали. Искренне соперничали.

Наконец Шура, явно на последнем издыхании, достиг спасательного круга, крепко вцепился в него, а затем натянул круг на себя.

И тут меня внезапно разобрал неудержимый гомерический смех.

Я толкнул в бок художника и еле произнес:

- С-с-слышь, ху-ху-художник! Ко-го тебе напо-напо-ми-нает Ка-ка-была?

Зверлинг присмотрелся и тоже громко заржал.

- Кита?

- Как-ко-го ки-та! Хххх! Бе... бегемота он мне напоминает! Настоящий... африканский... бегемот.

Художник сделал ещё пару снимков, и, еле сдерживая, хохот сел на банку.

- Главное дело, чтобы бегемот наш не захлебнулся...

- Ты хр-хр-хр! З-з-зачем меня хр-хр-хр с-снимаешь? - шипя, хрипя и заикаясь, пробормотал Кабыла, с усилием шевеля разбитыми губами.

- Старшой велел! Наверное, для полицейского отчета, доказательство, если бы ты утонул - простодушно ответил художник. - Мне сказали - я выполняю.

Шурик ничего не смог членораздельно на это ответить - зубы стучали «танец с саблями», поэтому лишь скрутил дулю и сунул под нос Зверлингу, а потом мне.

Едва последний пассажир под радостные вопли экипажа оказался на борту, как катер резко сорвался с места и двинулся к земле. Время - деньги!

Незнакомый по прежним походам агент средних лет потребовал у нас паспорта и документы на оружие - этого парня я встретил впервые, видимо в фирме много сотрудников.

Кабыла протянул чиновнику мокрый паспорт, с которого обильно стекала морская вода. Ланкиец вытаращив глаза, брезгливо, двумя пальчиками взял и потряс документ - брызги полетели во все стороны.

Агент осуждающе покачал головой, сверил наши фамилии со списком и вернул паспорта. Пограничник тем временем проверил номера автоматов, пересчитал патроны, кивнул в знак удовлетворения и замкнул ящик.

Шурик, хрипя, попросил закурить: кто-то из матросов дал сигаретку, кто-то зажигалку. Трясущимися мясистыми нигерийскими губами Кабыла затанулся и расслабленно и обессиленно привалился к переборке.

- Как ты? - участливо спросил я приятеля. - Башка соображает? Хотя чуток работает?

- Соображает! Но нога очень болит - сильно ступню зашиб, ударившись о борт балкера, да зуб, кажется, вывернул, когда мордой со всей дури к железу приложился. Жаль, документы намокли - не знаю, разберут ли теперь пограничники, что в них написано...

Шура оскалил рот - действительно один зуб торчал наружу из верхней челюсти. Вампир да и только!

- Страшилище! - хохотнул я и хлопнул товарища по плечу. - Бумажки - ерунда. Главное дело, что живой! Шурик, а ведь тебе несказанно повезло, что ланкийцы именно тебе подали спасательный жилет...

Приятель коротко кивнул в знак согласия, сделал очередную глубокую затяжку и, выдохнув дым, продолжил перечислять ущерб:

- В итоге от этого похода одни убытки! Новый мобильник - подарок сына - кажется не работает. А второй старенький - простенький пока исправен - видишь, даже экран светится! Шарманка под DVD-диски явно отработала свой век - из корпуса вода до сих пор вытекает!

Кабыла принялся распаковывать сумку, продолжая проверять вещи и подсчитывать ущерб, одновременно горестно вздыхая и качая головой:

- Убытки! Одни убытки...

В порту первым делом сдали оружие на склад - впервые автоматы по приходу на Цейлон мы не топили, а официально сдавали военным. Значительный прогресс во взаимоотношениях международных охранных компаний и местных властей. Давно бы так, ведь мы занимаемся одним общественно полезным делом! Далее всё как всегда, по установленному порядку: пограничники, таможня, полиция. Молоденький служащий агентской компании препроводил нас на пограничный контроль. Неизменная побеленная крохотная хибарка с широким ковром, ярким и шикарным в далёком прошлом, а ныне протёртым до дыр - результат посещения многих тысяч транзитных моряков, и с большим портретом бессменного президента-диктатора на стене, основательно засиженным назойливыми мухами.

Толстый, лысеющий чиновник улыбнулся и проштамповал наши со Зверлингом документы без проволочек, а на превратившийся в бумажного осьминога скрюченный паспорт Кабылы - в изумлении вытаращил глаза.

- Человек упал за борт! - пояснил агент и ткнул пальцем в насквозь промокшего россиянина.

Шура утвердительно кивнул, а для убедительности, в знак подтверждения слов агента, громко чихнул.

Пограничный инспектор сочувственно покачал головой, расправил один из листочков и с силой приложился штампом, разрешая въезд на остров. Ну и на том спасибо! Наши бы охранители границы совещались полдня, прежде чем принять решение...

«А действительно, как он попадет в Россию с таким паспортом?» - подумал я, но вслух не стал произносить, чтобы пока не расстраивать приятеля.

С таможей и подавно не было ни каких проблем - ни сигарет, ни спиртного, ни наркотиков...

А жаль! Бутылка рома или виски сейчас бы совсем не помешала!

Таможня была разочарована: молча расписались, поставили печати на бумажки. Путь на райский остров свободен!..

НЕ МОГУ СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ

Восьмое вижу чудо света!
Не отвести в восторге глаз!
Какая белая планета,
Какая чистая планета
Передо мной лежит сейчас!

Умчались к северу метели,
Не тронуты снега полей,
И мирно спят берёзы, ели,
Лишь ветер, словно на свирели,
Играет в кронах тополей.

И не могу себе представить,
Что где-то вся земля в огне,
И не снежинок лёгких стаи,
А жгучие осколки стали
Зловеще хлещут по броне,

Что где-то брат стреляет в брата,
В соседа целится сосед,
Под гул тревожного набата
Скороговорка автомата,
Не приносящая побед.

Я замираю на пороге
Идущего с востока дня,
И будто каменеют ноги,
И ощущение тревоги
Охватывает вдруг меня:

Неужто может так случиться,
Что нашим детям никогда
Не будет суждено влюбиться,
А утра чистая страница
В пространство канет без следа?

*Олег Калайтанов.
Администрация города Ставрополя*

ПЕРЕВАЛ

Мне ночью тёплой, кавказской,
Под ветерок, текущий с гор,
Припомнились вдруг дивной сказкой
Другая ночь, другой простор...
Буря утих. Мороз был ярим.
А в небе звёзд полным-полно.
Искали тщетно трассу фары -
Сплошное снега полотно.
На временной дороге тесной
Машин скопился караван,
И фразой раздражённой, резкой
Водитель проклинал Даван.
Его ветра, его дороги,
Его разбитые мосты,
И леденеющие ноги,
И так манящие хребты.

Мы метры меряли часами -
В сугробах резали тоннель.
Какими грубыми словами
Ругали прошлую метель!
Ломило спину, руки ныли,
Лопаты - словно из свинца.
Нет, мы не ехали, мы плыли,
И, всё ж, доплыли до конца.
Хребет к утру перевалили,
А дальше - легче - под уклон.
И про усталость вмиг забыли -
Даван был нами побеждён.
А вскоре въехали в посёлок.
К столу нас звал звенящий рельс.
Умывшись, шли мы между ёлок -
Закончился обычный рейс.
И ночью тёплой, кавказской,
Поверьте, удивляюсь сам,
Припомнились вдруг дивной сказкой
Тот труд и ночь на трассе БАМ.

СВЕТИЛ ПРОЖЕКТОР...

Светил прожектор. Падал снег.
Висела тишина.
И время прекратило бег.
И восхищённый человек
Стоял в ночи без сна.

И уходила прочь печаль,
И наступал покой.
Сердечной боли злая сталь
Бежала в сумрачную даль,
Грусть уводя с собой.

ТОЧКА ЗАМЕРЗАНИЯ

...А ветка билась о стекло,
Как будто слёзно умоляла
Впустить её в уют, в тепло,
Что б на ветру не замерзала.
Осенний ветер к ней суров.
Сорвал листву, протяжно воя.

А ей хотелось тёплых слов,
Хотелось тишины, покоя...

А я стоял, смотрел в окно.
Я понимал её терзанья.
Стоял в тепле, но всё равно,
Был близок к точке замерзанья.

Порой так хочется тепла,
Не от печи, от соучастья.
От добрых слов и ночь светла.
Наверно, в них основа счастья.

ФАНТАЗИЯ

Мне б раствориться в темноте,
Чтоб летней ночи став частицей,
Помчаться к звёздным вереницам
В холодной, мрачной пустоте.

Чтоб сказочно огромный путь
Пройти в короткий срок мгновенья
И в тайну Млечного течения
Хоть краем глаза заглянуть.

Чтоб там, за сотней световых,
Попасть в объятья той планеты,
Где серебристые рассветы,
И шорох листьев неземных.

И в час, когда вдруг озарит
Звезда планету чуждым светом,
Я повстречаюсь с их поэтом,
Который в мыслях к нам летит.
Мы с ним в рассвете неземном
Неспешно поведём беседы
Не про научные победы
И не научным языком,

А просто, как прекрасно жить!
Что душу так легко обидеть.
Что, коль умеем ненавидеть,
В сто крат сильнее должны любить!

ГАЗНИЙСКИЙ БОРЩ

(Из повести «Холодное солнце Кандагара»)

Вот говорят, мол, никакой магии цифр не существует, все это глупости и выдумки людей, склонных верить во всякую чертовщину и прочие потусторонние чудеса. Не знаю-не знаю. К примеру, летом, как раз 19 июля, ровно через тридцать семь лет после открытия Олимпийских игр в Москве, ходил я по рынку вдоль мясных рядов и заметил на прилавке просто шикарную ногу молодого барана. Ах ты ж... В голове словно арифмометр закрутился в обратную сторону, услужливо остановившись на той же дате, только восьмидесятого года.

В то время, когда столица нашей Родины принимала спортсменов из разных стран, удивляла гостей широтой и размахом гостеприимства, мы находились в командировке в древнем афганском городе Газни, расположенном на горном плато юго-западнее Кабула. Газни стоял на таком же древнем, как и сам город, пути к Кандагару, откуда мы и добрались вертолетами. Что-то там готовилось, какая-то крупная военная операция, и в Газни стягивали народ из разных гарнизонов и родов войск.

Многое стерлось из памяти, очень многое. Жаль, не было тогда современных фотоаппаратов (щелкнул, убедился: все в порядке - и уже не переживаешь, что куда-то исчезнет снимок). А на пленочку в 36 кадров чтобы снять, нужно и момент улучшить, и резкость навести, и диафрагму с выдержкой выбрать правильно, да еще потом поди поищи, где ее проявить и отпечатать. К тому же и припрятать фотографии до заветного дембеля, чтобы замполит не увидел снимки и не уничтожил карточки, обнаружив в них крамолу вроде той, что нашел-таки у меня. Не успел я сунуть фотографии в тайничок под ротной палаткой, устроенный в металлическом сундучке из-под неведомого мне прибора. Железную коробку выменял на что-то у солдат из авиационной obsługi. Ящичек прочный, с плотно пригнанной крышкой и замочком. Крысы и мыши точно не прогрызли бы. Для уверенности сундучок упаковывался в толстый целлофановый мешок, уберегавший содержимое от воды. С

*Обед на привале во время рейда. 191-й отдельный мотострелковый полк.
Разведвзвод. Афганистан. Плато Искаполь. Газни. Январь 1986 г.*

*Из личного архива Игоря Некрасова (на фото в центре), слева
направо: командир отделения управления Алексей Миронов, в центре
санинструктор Игорь Некрасов, пулемётчик Вячеслав Качмарчик.*

атмосферной влагой, конечно, было туговато на юге Афганистана, но зимой ее было хоть отбавляй, да и дневальные по роте выплескивали воду из ведер после уборки куда угодно. Ящикек же укрывался с одной из сторон прямо у выхода из палатки, неподалеку от поста дежурного по роте. Вот и не смог я однажды вечером улучшить момент, чтобы быстро вынуть сундучок и положить в него новые карточки. А уж там было на что посмотреть. И пленные «духи» под стволами наших парней тяжело брели по горной тропе, по которой так недавно скакали бодрыми архарами в надежде накрыть наш взвод. И найденные нами останки сбитого МИ-8 с телами сгоревших летчиков. Погибших мы подняли на плащ-палатках выше в горы, на удобную для «восьмерок» площадку, откуда их и забрали вертолеты. И небольшое, абсолютно круглое высокогорное озерцо с удивительно ледяной водой, когда температура воздуха легко достигала сорока градусов уже в утренние часы. И неразорвавшаяся авиационная бомба, лежащая на околице кишлака, на ней степенные аксакалы коротали вечерние часы. И развороченный зев пещеры, откуда «духи» вели яростный огонь по нам, однако довольно скоро сдулись, поскольку вертолетчики, вызванные на подмогу, очень ловко всадили в гору несколько нурсов. И трофейное оружие, собранное нами в пещере и разложенное у подножия горы: покореженный китайский ДШК, несколько базук, миномет, древние винтовки, даже одно кремнёвое ружье с инкрустированным бисером прикладом, пара кинжалов, сабля, цинки с па-

тронами и ящики с гранатами и минами. И, кстати, было несколько фотографий из Газни.

Да что теперь вспоминать. Майор Черный, наш замполит, заметив у меня в руках плотный бумажный конверт от фотобумаги, молча взял его, вынул карточки, похмыкал и порвал снимки. Обрывки сунул себе в карман брюк вместе с туго скрученной пленкой негативов, лежавшей в том же пакете.

Пересмотрел много фотографий старинного города Газни, благо теперь то их полно в Интернете. Искал снимки прошлых лет, особенно времен Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Фото современных видов города. Пришел к выводу, что ничего не помню... То есть, конечно, какие-то яркие фрагменты осели в памяти, эпизоды, запомнившиеся на всю жизнь. Однако не складывается в единую мозаику. Никак не складывается. Мне почему-то думалось, что тот Ш-образный блокпост, построенный англичанами-колонизаторами из бетона на подъезде к Газни (только с какой стороны?), где размещали прибывших, обязательно должен присутствовать на фотоснимках. Увы. Не нашел изображения, хотя помню очень отчетливо серое приземистое одноэтажное бетонное здание вблизи Газни с узкими окнами-бойницами. Мимо крепости пролегалла широкая, ровная бетонная дорога. С вертолетных площадок хорошо просматривались глинобитные домишки пригорода. Сам гарнизон был окружен колючей проволочной спиралью под названием «егоза», что должно было служить защитой от проникновения врага. Человек, попадающий в кольца этой штуки, оказывался в колючем капкане и выбраться из него мог только при помощи других, разрезающих кусачками слой за слоем опутывающую страдальца проволоку. Если пойманный пытался выпутаться сам, то любое его движение вызывало еще больший натиск ловушки, и острые заржавленные шипы бездушно впивались и рвали тело. Но, увы, это не служило непреодолимой преградой.

Бывало, что «духи» таскали с территории гарнизона солдат и подбрасывали в мешках отсеченные головы казненных. Поэтому приходилось быть предельно осторожными даже у себя «дома» в темное время суток, особенно при переходе в туалеты, построенные по понятным причинам в дальнем углу территории.

По правую сторону от гарнизона на небольшой площадке прилепилась афганская бензозаправка. Целый день к ней подъезжали «барбухайки», чудовищные подобию мотороллеров с невероятно огромными будками, неузнаваемые по принадлежности производителя под наклейками и надписями арабской вязью грузовики и прочие автотосредства, накачивались топливом и разезжались в разные стороны.

Двое босоногих пацанят в грязных тубетейках с трудом двигали коромысло насоса, собирали деньги за бензин и устало отдыхали на корточках, когда не было клиентов. Толстый хозяин заправочной станции всегда сидел на веранде под брезентовым тентом, пил чай, утирал с лица пот, изредка привставал, прикладывая руку к сердцу, раскланивался со знатными клиентами и покрикивал на мальчишек.

Однажды мы ехали на «Урале», вооруженные и с полным боекомплектom, по городу. На одном из поворотов, куда мы и не собирались заруливать, раздался взрыв. Что именно рвануло? Фугас, наверное. Только на него наехали колеса не нашего грузовика, а местной «барбухайки», перевозившей баранов.

Ясное дело, водитель старенькой грузовой «Тойоты» погиб, ну а животных порвало на части. Надо сказать, что на довольно крупные куски. Пока шли разборки у того места, где рвануло, кто-то из наших пацанов «под шум волны» закинул на борт «Урала» несколько кусков свежееубиенных животных.

Как только на месте взрыва немного поутихло, примчались «царандо-евцы», о чем-то горячо поспорили с нашим старлеем, старшим грузовика, даже хватались за свои автоматы, но тут же выпускали их из рук, оставляли свободно висеть на ремнях, заметив, что с грузовика на них нацелены штук двадцать наших «калашей» да еще пара РПК. Когда страсти поутигли (да и, честно говоря, страстей особых не было, потому как война и произошедшее только что не было чем-то из ряда вон выходящим, обычные будни), наш водила газанул, да так резко, что те из нас, кто был на ногах, повалились на дно кузова. Буквально через минуту мы уже мчались, разгоняя пыль на улицах города.

Скоро мы въехали на базар. Старлей решил побродить по рядам, что-то прикупить. По-моему, он уже собирался на замену, вот и нужно было разжиться мужику «Шарпом», кожаной курткой, джинсами и прочими буржуйскими штучками. Святое дело! С собой он прихватил нескольких солдат, остальным велел быть в машине и бдить!

Ну а чего бы и не побдить, если в карманах «афошек» кот наплакал? Разве только из интереса! А интерес у нас появился, как только осмотрели мы куски баранины. Причем замечу, очень молодой баранины. Шохрат, представитель великого Узбекистана, вытащил нож и быстренько стянул шкуру с мясных огрызков, мясо же завернули в брезентовый полотно, чтобы мухи не нанесли особого вреда.

Я сразу предложил сварить борщ. Парни аж застонали от вожделения.

Борщ. Нет проблем! Осталось купить только недостающие ингредиенты. Мы метнулись к лавчонке зеленщика, выхватывали из кучи зелени на прилавке головки лука, крупные помидоры, укроп, петрушку, несколько кочанов капусты и еще что-то, что явно было бы лишним для приготовления борща. Однако кто знает, что может пригодиться завтра.

Дукандор волновался, нервно вскрикивал по мере того, как наш вещмешок наполнялся его товаром, а прилавок, соответственно, пустел. Но волновался торговец зря. Мы сполна расплатились. У нас хватило денег даже на бутылку растительного масла и («Только никому не говорите!») полторалитровую пластиковую бутылку «шаропа» (водки по-нашему). Никакой местной «кишмишевки», а именно водки!

Старлей с парнями вскоре появился, по довольному виду офицера и большим пакетам было понятно, что отоварился офицер на славу. Ну и ради бога! Мы тоже успели...

Не буду вдаваться в подробности, как раздобыли большой стальной котел у парней-артиллеристов. Взяли попользоваться на время за пару банок то ли тушенки, то ли сгущенки. Вечером развели костерок за серой стеной бетонного дота или какого-то другого сооружения на территории гарнизона, закипятили воду и сунули в котел куски баранины.

Вдвоем с Шохратом на выскобленной дочиста фанерке от посылочного ящика аккуратненько, тоненько порезали лучок, морковь и свеклу, которую кто-то из наших парней утащил с кухни.

На небольшом огне в старой чугунной сковороде жарили овощи, залитые растительным маслом, и одновременно шинковали сочные помидоры и горький перец.

Вокруг того места, где мы с Шохратом священнодействовали, стаями кружили и артиллеристы, и танкисты, и даже «богатые» авиаторы принимались к божественным запахам кипящего бараньего бульона и жарящихся овощей. Но кто бы их подпустил сюда?! Наши ребятки тоже не дремали, патрулировали периметр!

Овощи хорошенько протушились и поджарились, приобрели цвет благородного металла и пахли... Боже мой, как же они пахли по сравнению с сиротскими запахами комбижира, перловки и сушеного картофеля из солдатской столовой!

Мясо вынули из котла и засыпали в бульон картофель, кстати, тоже злостно упертый из армейской кухни. В поджарку добавили помидоры и томили их на огне, пока овощи не превратились в томат.

Скоро картофель сварился, в бульон добавили поджарку, тонко нашинкованную капусту, и через каких-то десять минут борщ из молодой баранины в гарнизоне древнего афганского города Газни был готов!

Литров сорок, наверное, получилось борща. Наелись от пуза сами, угостили парней из других подразделений, котелок отнесли и нашему старлею.

Хлебали борщ, ели остывшую баранину, жевали свежее испеченный хлеб, которым угостил местный повар, он же принес и несколько головок чеснока. Пир!

А поздно вечером, в закутке у того же повара, пили водку и закусывали разогретыми остатками мяса, щедро посыпанного резаным луком и ароматными приправами, приобретенными на рынке «на всякий случай».

И сейчас иногда варю борщ из баранины. Вкусно. Однако в нем чего-то не хватает.

Проклятой афганской пыли!

ИЗ ДЫМА, ПЕПЛА И ОГНЯ

Уже не здесь, ещё не там,
но седины теперь не прячу
и обывательским мечтам
я предаюсь, копая дачу.

Ну да, стал мелочен. Щелчки
в суставах тщательно считаю.
На днях купил себе очки
и первый раз в очках читаю.

Глава, ещё одна глава,
герой расстрелян по ошибке.
Плывут за стёклами слова,
переливаются, как рыбки.

А я глазами их ловлю
и вновь на волю отпускаю,
не потому что я люблю,
а потому что жизнь такая.

Курит грузчик у прилавка,
дед на почту семенит.
Сквозь асфальт пробилась травка,
с удивлением глядит,

как двуногие растения
по делам своим спешат.
Нацепили на коренья
брюки, юбки и смешат.

Обнимаются, как люди,
жизнь свою превознося.
Неразлучны, как сосуды
сообщающиеся.

Фото Маргариты Вороновой. Нижегородский хуторок

Когда никто не любит нас,
когда, прищулив третий глаз,
с утра озлоблен, как собака,
а время песенки поёт,
и снег за окнами идёт
такой же, как у Пастернака.

Я сам с собою говорю.
Я так тебя благодарю
за жизнь, разыгранную в лицах,
за то, что снова будет свет,
за интригующий сюжет
и бесполезные вещицы.

За двор, покрытый серебром,
и бабу с мусорным ведром.
За то, что есть немного денег.
За эту улицу во льду,
за то, что я по ней иду
довольный, как электровеник.

За хлеб и плавленный сырок.
За то, что ты не очень строг,
назад не требуешь билета.
За эти ёлочки в снегу.
За то, что запросто могу
благодарить тебя за это.

Человеку снится сон,
будто он уже не он.
Жуткий сон в потёках воска,
что без лошади, без войска,
с непокрытой головой
он лежит, ну как живой,
под горой у Пятигорска.

Только дырочка в груди
с аккуратными краями.
Только свет в конце пути
в свежевыкопанной яме.
Упадёт на землю листик
и обнимется с травой.
Вот набросок черновой,
остальное сам домысли.

Как теряется тропа,
потакая злому року,
и брюхатая арба,
переваливаясь с боку
на бок, медленно ползёт,
и перебегает кот
перед всадником дорогу.

Как прозрачна и легка
говорливая река.
И ожившие вершины
на горбах издалека
снег везут и облака.
И горяночка с кувшином
дразнит сердце казака.

Когда идёт последний снег и кругом голова,
и выдыхает человек горячие слова.

Из дыма, пепла и огня сплетая речь свою,
он говорит - Прости меня, я так тебя люблю!

Он долго смотрит из окна и говорит опять -
Что сто́ит ей?! Ведь и она могла бы так сказать?!

Он опускает вдруг глаза и поднимает вдруг.
И у него блестит слеза, и замирает дух.

Он что-то знает о судьбе, латая в ней дыру.
Я буду помнить о тебе, пока я не умру!

Пока ещё не кончен век, не всё предрешено!
Но это слышит только снег, и снегу - всё равно.

СВЕТЕ ТИХИЙ

(Новелла)

Возле магазина ходила женщина с топором.

Скорее всего, она просто кого-то ждала, но Дима Кречет попятился. Только что в приёмной главы района секретарша, принимая у него с Сергеем куртки, поинтересовалась, добрая душа:

- Можно вас повесить на один крючок?

Фраза не имела никакого подвоха, но они-то помнили, что приехали не просто на родину своего друга, а в партизанские края. Так что и за топором не лишним было бы присмотреть.

- Пароль «Сорок девять», - прошептал Кречету Сергей, благословляя того на штурм стеклянной дверной амбразуры хозяйственного магазина.

С современными паролями гуманитарии, вроде Димки Кречета, на войне первые кандидаты на отстрел. Названия городов или абракадабры про «славянские шкафы» канули в лету, уступив место всесильной цифре. Да и что может быть проще для распознавания врага: начштаба назначает паролем любое число, и часовой уже не кричит: «Стой. Кто идёт?» Он сам называет первую пришедшую на ум цифру и ждёт с автоматом наизготовку, когда неизвестный прибавит к ней недостающие баллы. Арифметика, третий класс. Но Кречета боец под Пальмирой уложил мордой в вековую сирийскую пыль как раз после того, когда тот не смог быстро вычестить из сорока девяти услышанные «тринадцать».

Стражнице у дверей дела до посторонних не оказалось, в магазине они тоже пришлось не ко двору: продавщица дремала, улёгшись тройным подбородком на руки, мягкой периной разложенные по прилавку. Разлеглась бы наверняка и пошире, но локоть упирался в объявление: «Продаю свежий навоз. Самовывоз».

Вошедшим требовался амбарный замок, но Кречет не забыл про подначку с паролем и кивнул на объявление.

- Грамм двести пятьдесят не взвесите? Товарищ выращивает кактусы...

Наталия Литосова. Рабочая

Заканчивал просьбу шёпотом: над прилавком начало вставать что-то могучее, колышущееся, заполняющее собой место что вширь, что в высоту, а потому способное ухватить гвардии майора за шиворот и всё же повесить юмориста по-партизански на персональный крючок. Выручая друга, Сергей затараторил о замке, заплатил за первый попавшийся и вытолкал Кречета из дверей.

На улице к женщине-лесорубу подкатил на разномастном мотоцикле муж. С головы на голову пересадил ей свой шлем, себе достал из коляски сетку от пчёл. В два прыжка, три прихлопа завёл смесь «Урала» и «Явы», шумахером погазовал перед стартом. Мигнув, как макака, красным задом, мотоцикл умчал топор в гудящий комарьём Брянский лес, выглядывающий из-за последнего уличного дома.

- Мужики! Сливы не нужны? - раздалось за спиной у приезжих. - Возьмите. А то у меня свиней нет, скормить некому. Пропадут.

Два ведёрка жёлтых, готовых от одного прикосновения брызнуть соком слив предлагал щедушный мужичок-старик. Он был минимум трижды не брит, майку прикрывал скособоченный плащ, но исцарапанные колючками пальцы цепко держали ведра.

- Всего-то за 50 рублей, - уличного торговца привлекли, скорее всего, столичные костюмы и галстуки потенциальных покупателей. Москвичи для Суземки виделись людьми добрыми: за 50 рублей они могут проехать лишь один раз на метро, а тут - два ведра слив, выращиваемых целый год. Выгоднейшая сделка, кто понимает хоть что-то в торговле.

Но она даже добрым москвичам была неинтересна, но, затягивая паузу, мужик переключился на двух кошек, бредущих вдоль забора:

- О, две варезки идут. Одна будет чёрная, другая рыжая... А навоз у Клавки не берите. Кто берёт - потом пять лет вообще на огороде ничего не растёт. Даже бурьян. Выжигает. Во питание...

- Васька, не морочь людям голову, - вслед за кошками шла аккуратно одетая старушка-гимназистка с прутиком, которым, как гусей, направляла их домой. - Иди приведи себя в порядок.

- Э-э, - возразил ей с улыбкой мужичок. - В человеке главное - внутренний мир!

Дождавшись, когда наставница унесёт на голове на достаточное расстояние корону из накладной косы, поведаль:

- Тёща. Бывшая. Собаку облей в мороз водой - околеет. А эта каждую зиму в прорубь - и опять хрен да ни хрена, ходит поучает. Так как насчёт слив-то?

Времени на пустые разговоры у друзей не оставалось, солнце клонилось к закату, но Васька не отставал, пошёл за ними и к машине. Оглядел её критически, хотя и не без зависти. Нарисовал пальцем рожицу на запялённом капоте.

- А у меня тоже... велосипед... был. Иномарка. Угнали. На двух колёсах, вообще-то, лётает душа, а на четырёх возится брнное тело, - с чувством превосходства дорисовал рожице усы.

- Только вот всё, что между ног - не транспорт, - не согласился быть мальчиком для битья Сергей, купивший джип лишь месяц назад. Кивнул на сливы, попробовав выехать на старой шутке: - 150 граммов в кулёк.

Мужичок несколько секунд в прищур глядел на шутника, оценивая степень оскорбления, потом медленно, не спуская с него взгляда, высыпал сливы под колесо.

- Если думаешь, что я тебе трусы на верёвочке, то глубоко ошибаешься.

Усмехнулся и пошёл вдоль забора, тарахтя пустыми ведрами как трещотками по штакетнику.

Кречет стукнул по лбу нарисованному человечку. Сергей проверил ударом ноги накачку шин. Молча влезли в машину, Дима включил радио. Москва как болтливая баба взахлёб рассказывала о себе в новостях и единственное, что её заглушало, так это трещотка Василя. Юмор - он такой, он обжигающий, как сковорода без ручки. Собственно, человеку и даны два уха и только один рот для того, чтобы больше слушать и меньше болтать.

- Поехали, - принял на себя командование Кречет: старшим машины среди военных является тот, кто сидит справа от водителя.

Стараясь не раздавить сливы, Сергей развернул машину, выставив её широкую морду к лесу, поглотившему разноцветный мотоцикл. Зелёная стрелка на экране навигатора уткнулась тоже туда, в извилистую лесную дорогу, которая и обещала вывести путников к нужной деревеньке. Баба Зоя, должно быть, уже жаждалась заказанного замка...

Проплыли галки, расхаживавшие вдоль дороги в ожидании добычи вальяжными гаишниками, склонившиеся до пыли слоновьи уши лопухов. Москва в эфире продолжала сплетничать, но уже про Питер. Рекламный щит, увешанный, как грудь маршала, бесчисленными наградами, призвал вернуться и купить новые окна для счастья на улице Коммунистической. Но нарисованный усатый человек понёсся на капоте вперёд, словно желая оставить как можно дальше брошенные хозяином сливы.

Дом бабы Зои даже не искали - первый слева на центральной улице, в голубой цвет выкрашенный. Приставленная к калитке палка извещала об отсутствии хозяйки, зато на шум мотора примчалась на трёх лапах утыканная репейником псина. Присела чуть поодаль, выхлопывая смиренными глазами милосердие. Поймав на лету кусок колбасы, вмиг забыла об интеллигентности и принялась давиться деликатесом, гневно прорывав даже на тяжело прожужжавшую рядом муху.

- Я туточки, тут я, - прозвучало от дома напротив.

Раздвигая заросли мальвы около палисадника, к гостям зашмыгала в галошах на вязаные носки бабуля. Сил хватило дойти до середины дороги, на разметке из бараньего гороха опёрлась о палку отдышаться. Подавшегося на помощь Сергея остановила издали: сама, не волнуясь сердцем впустую.

- Разогналась идти, а ноженьки меня не слышат, - оправдалась подойдя. Порванное сбоку платье перетасила вперёд, спрятала дырку под фартуком. - Да ещё утром для смеха тяпкой по ноге лузганула... Ну, здравствуйте! С приездом. Я соседка, баба Сима.

Указала палкой на голубой дом:

- Это я калитку подпёрла от Кузьмы, шляется по дворам как будто он всюду один хозяин, - замахнулась на собачку, прыгающую следом. Вместо звонка постучала палкой по забору: - Зойка. Встречай гостей! Идите смелее, ждёт с утра.

Сергей отметил просевший угол крыльца и потерявшую из-за этого себе опору лавку. Это армейские острословы, намекая на скрещённые стволы пушек в его артиллерийской эмблеме, говорят, будто пушкари в этой жизни палец о палец не ударят. А ракеты к звёздам кто запускает? Хотя на грешной земле работы, конечно, ещё больше. Сюда, к бабе Зое, надо было раньше приехать...

Кречет, проследив за взглядом друга, согласился: надо менять стояк. Хотя теперь для чего, если уезжать?

- Ого. Больная-больная, а стол как для Путина накрыла, - с порога углядела баба Сима заставленный едой столик у окошка. Перехватила у соседки миску парующей картошки, утвердила её в центре стола: в сравнении с ней в селе даже хлебу место всего лишь на уголке. Однако приглашения остаться не получила и кивнула всей хате сразу: - Ладно, поговорите тут без меня, а если надо - кликните.

Всё же до последнего надеясь на угощение, потопталась у порога с палкой, как Кузя на своих трёх лапах. В селе последние дни только и разговоров, что Зойку-партизанку приедут забирать в дом ветеранов друзья её внука Костика, погибшего неизвестно где, но похороненного в Москве с почестями. Зря, что ли, сидела в засаде в мальве. По большому счёту, ей даже ни котелки московской фигуристой колбасы не надо, выгружаемой на стол приезжими, ни вон той жирной золотистой шпротины, и даже обошлась бы без заплетённого в косичку, но издали пахнущего поджаристыми боками сыра. Ей интересно просто поговорить с новыми людьми - такого богатства нынче в селе ни за какую пенсию не купишь. Но потом -так потом.

- Хотела с дорожки молочком встретить, а оно только ночь переночевало, а уже скисло, - развела руками баба Зоя перед оставшимися. - Вон рукомойник, - кивком головы указала на закуток в кухне. - А полотенце сейчас принесу.

Держась за выбеленную, словно на выданье, печь, зашмурыгала во вторую половину хаты.

- Да вот же висит, не надо, - остановил Сергей, пока Кречет продолжил разгружать сумки.

- То состарилось, пора с рук на ноги перекидывать, - отмахнулась баба Зоя. Перетащила ноги через порожек, загрохала дверцами платяного шкафа. - Костика давно видели? А что он сам-то не приехал?

Офицеры переглянулись. Глава района говорил, что после операции и наркоза память у бабы Зои поплыла, и что в её 90-летнем возрасте это трудно восстановимо. Но забыть, что Костя погиб...

А баба Зоя словно выходила через высокий порожек не в другую комнату, а в иное измерение. Появившись с полотенцем, недоумённо замерла, глядя на гостей:

- Вы кто?

Со страхом и любопытством начала оглядывать стены, словно видя их впервые. Как к чему-то спасительному, подалась к рамкам с фотографиями.

- Так это я, что ли? - ткнула она пальцем в девушку с радиоклем, стоявшую около памятника. - Я. А это папкина могилка, - погладила стекло.

Костя сто раз рассказывал, как при облове на партизан его прадед отправил дочь вместе с ранеными через болото, а сам, отвлекая немцев, повёл отряд на прорыв в другом месте. Пуля попала ему в горло, когда закричал «Ура», словно хотела остановить клич атаки. А семнадцатилетняя баба Зоя вывела из окружения раненых и получила орден Красной Звезды. Лесную могилку отца разыскала после войны и перевезла его останки на деревенское кладбище...

- А это Ваня мой, - улыбнулась солдатику с орденами на груди у развёрнутого знамени, и тут же постучала по стеклу пальцем: - Вот чего ты умер? Я тебя просила об этом? Мы ж тебя рятавали всем селом, а ты... Эх, батя-батя. Под землёй, а приползу к тебе!

Больше никого в рамке не распознала, хотя и потрогала пальчиком каждое лицо на снимках. Посмотрела мимоходом в окно, поправила занавеску на шнурочке и вдруг встрепенулась:

- Господи, так это же моя хата!

Принялась снова трогать и рассматривать занавеску с узнанным защитным рубчиком, божничку с иконой, диван, телефон на тумбочке.

- А где я только что была?

Взгляд умолял обмануть, не говорить правду. Тихо заплакала, присела на диван с резной спинкой и принялась стучать себя кулачком по лбу:

- Ну что ж ты у меня болеешь? Я тебя обидела чем-то? Что ж ты ничего не помнишь, делаешь из меня дурочку? - отыскала взглядом ребят: - Привезите мне врача. Пусть даст таблеток от головы.

Кречет дёрнулся к выходу - в бардачке машины какие-то таблетки имелись, но сам же и остановил себя словно на минном поле. Чтобы пройти по исчезающей памяти последней партизанки отряда «За власть Советов» - тут не хватит ни звёзд на погонах, ни крестов на груди. Эх, Костя-Костя!

Замаякала из сеней кошка, просясь в дом. Этот звук тоже оказался родным и знакомым, баба Зоя привычно подалась на него, толкнула плечиком дверь. Кошка вошла королевной, с хвостом выше себя. Полноправным членом семьи запрыгнула на диван, потянулась к еде. Сергей, сервирующий стол, шуганул её из-под руки, и лишь потом спохватился: наверняка у неё с хозяйкой свои застольные отношения. Бросил извинительно под стол палочку-выручалочку - кусочек колбасы.

- Ну что, за стол?

В хорошей избе так: сначала кормить, потом расспрашивать.

- Что ж вы так деньги растратили, - баба Зоя довольно оглядела скатерть-самобранку, раздвинула занавески: жалко, что Сима ушла, не шмыгает под окном, как давеча. Кто теперь людям расскажет, какие у её Костика друзья?

Потянулась к сладенькому - уже разрезанному на дольки тарту: картошка каждый день, а таких праздников, чтобы со сладостями, после внука

кто организует? А вот он сам где-то запропастился, не едет и не едет. Гонцы, что ли, будут папкину с мамкой могилку обкашивать? Люди говорят, что репейник уже около креста рвут...

Дрожащие пальцы не смогли удержать воздушный бисквит, он перевернулся свои белым колпаком прямо на картошку. Баба Зоя попыталась вытащить торт из горячей западни, но, лишь больше перепачкав руки, откинулась на спинку дивана и вновь беззвучно заплакала от своего стыдного бессилия.

Кречет осмелился вытереть полотенцем хозяйке руки, набрал ей в тарелку всего понемногу. Та не стала противиться ухаживанию, начала примеряться, чего попробовать в первую очередь в мозаике из еды.

- А вы, значит, от Костика? - начала расспросы по третьему кругу, помогая хлебом соорудить на вилке горочку крабового салата. В конце концов взяла ложку и зачерпнула сколько хотела. - А откуда ж вы его знаете?

- Учились вместе в суворовском училище.

- А он что, у меня военный? - не поняла баба Зоя, поворачивая к говорившему правое ухо. Видимо, оно лучше слышало. Горько покачала головой: - Во, и не сказал родной бабке. Пусть только приедет. А ночевать хоть у меня останетесь?

Сборы на выезд намечали утром, и Сергей подтвердил::

- Если где можно примоститься...

От кроватей в комнате отказались, постелились на веранде. Кречету достался навечно сколоченный скобами топчан, Сергею - скрипучая, провисшая раскладушка, на которой, возможно, спал ещё Костя. Выбор не обсуждался: выспаться должен водитель, даже если он ефрейтор перед генералом.

- А я ещё спать не буду. Я ещё поблагодарю Бога за день прошедший, - баба Зоя переместилась к божничке в красном углу - треугольной полочке из сколоченных досок, на которой стояла дощечка с вырезанной из журнала картинкой Богородицы. Креститься не стала, скорее, не приучилась. Сняла зелёный молитвенничек, зыркнула на гостей: не привыкла молиться на людях. Кречет подтолкнул Сергея к двери - пошли подымим.

Курить первый раз они попытались в суворовском, в увольнении перед самым выпуском. Как же, короли! Командир роты, случайно увидев «трёх мушкетёров» на лавочке с сигаретами, молча подсел на краешек. Дождался, когда подчинённые по-армейски затушат окурки о подошвы ботинок и вытянутся в струнку.

- Вице-сержант Сергей Хорошилов, подскажи-ка мне, кем хочешь стать?

- Что-нибудь поближе к электронике, товарищ подполковник.

- Ясно, ракетчиком: сам не летаю и другим не даю. А ты, старший вице-сержант Дмитрий Кречет?

- Отец сапёром в Афгане был. Орден Красной Звезды...

- Знаю. Знаю, что сапёр ошибается дважды. И первый раз - когда выбирает профессию. А вот вице-старшина Константин Дружинин мечтает, насколько я помню, о воздушно-десантных войсках.

- Так точно, товарищ подполковник. ВДВ...

- Выходные Дни Выбрось! А вы выбросьте с этой минуты свои мечты, потому что пойдёте у меня в училище тыла. Там столько электроники заложено в бухгалтерских счетах, такие прыжки можно совершать на пружинных кроватях, такие «мины» на подсобном хозяйстве... Курите дальше.

Бросили. Сергей и Костя навсегда, а вот Кречет вновь взял сигарету, когда одна из мин, которые он выкапывал и носил как картошку с поля под Пальмирой, выскользнула из рук.

Ротный был прав насчёт ошибки в выборе профессии сапёра. Но в тот раз, на счастье, ошибся незнакомый игиловский «кулибин», где-то что-то не так соединивший при изготовлении кустарной мины. Звонко упала плашмя о каменную плиту, испугав лишь какую-то пролетающую мимо пичужку.

На улице, увещевая в чём-то Кузю, мялся недалеко от дома коренастенький, в рубашке в клеточку, мужик. Возможно, это был даже мотоциклист-пасечник, очень уж похоже пригладил волосы, увидев приезжих. Кузя на правах старого знакомого бросился к ним первым, повторяя умильное хлопанье глазками. Видимо, на улицу в селе без угощения не выходят.

Незнакомец подошёл степенно, протянул руку:

- Фёдор Степанович. Последний председатель колхоза, а Зоя Павловна работать работала у меня бригадиром. Давала копоты, кто умирал по лёгкой жизни. Может, присесть присядем, - кивнул на бревно у забора. - Оно, дерево, умное, корнями глубоко в землю вращать вращало.

Охотно угостился у Кречета сигаретой, в ответ поделился огоньком, выбитым в сплюсненном коробке из картона.

- Во, это точно сигареты, - окурил всех, как пчелиный рой, дымом. - А то местные распотрошить распотрошил, посмотрел под микроскопом - одна трава! 50 рублей за пачку каждый день выкидывать выкидываю, хотя у самого стог сена с прошлого года стоит и бесплатно. А вы, значит, от Костика. Его хорошо почитали у нас в селе...

Помолчали, поминая погибшего. На озере где-то в центре села царевнами квакали лягушки. Мошкара, не желая залетать в вечернюю тень, крутилась буравчиком перед лицами мужиков. Проскакала галопом лошадь, управляемая голопузым парнишкой, заставив пристроившегося к мужской кампании Кузьму лениво приподнять голову. Зато куры, оправдывая своё количество мозгов, словно сорвались на пожар из своего закутка, чтобы перебежать дорогу перед самыми копытами и затем устало вернуться обратно. Вдалеке обозначилась кукушка, усмехаясь: а судьбы-то ваши всё равно определяются где-то и кем-то, а не вами и не сейчас.

Всеми нашлось места на этой земле - и крапиве за бревном, и одуванчикам под ногами, и лягушкам, и мошкаре, и кукушке, и Кузе - только не Косте.

Председатель посмотрел в сторону, где насколько могла торопливо, чтобы не попасть на глаза приезжим, преодолевала путь от мальвы до президентского стола баба Сима.

- Истоптались мои орлицы. Попытаться попытался однажды вспомнить, брал ли кто у меня больничный в колхозе. Ни одной фамилии не загорелось в голове. Казалось, сносу никому не будет... А вы, значит, бабу Зою забирать забираете...

- Трудно ей одной.

- Одному всякому трудно. Только, если откровенно, жалко её отдавать. Последний ветеран войны. После неё от Великой Отечественной в селе только памятник останется. И всё, кончилась эпоха... Да-а-а... Я завтра людей кликнуть кликну, проводить Зою Павловну надо достойно.

Не отказался от второй сигареты. Экономя спички, подкурил от предыдущей. Уходить к своему одинокому стогу сена, видать, не хотелось, и попробовал обкатать новые рельсы.

- Костик всё же как погиб, не скажете? Я тут прикинуть прикинул время и события, и всё же думаю, что был он на Украине, на Саур-Могиле. Второй прадед его, Иван, за её штурм ранение и орден в Отечественную получил. А Костик наш такой, за родовую память спуску никому не даст. А? Или молву пускать по селу не надо про «северный ветер»?

События в соседней стране, надо полагать, интересовали бывшего председателя сильно, если знал термин, обозначающий поездку добровольцев на помощь Донбассу.

- Не надо, - согласился Кречет.

Костя был действующим офицером, и что во время отпуска поехал не на море, а к донбасским терриконам, относилось к его личному делу. И, как выясняется, продиктованному не бравадой вояки, а памятью о предках. Даже измени им тогда в суворовском командир роты судьбу из-за мальчишеской сигаретной затяжки, наверняка бы каждый вырулил на свою тропинку. Судьба всё же - не от кукушки, она есть сам человек...

- Фёдор Степанович, а можете показать нам село, окрестности? Хочется посмотреть, где Костя рос, - вытащил Сергей ключи от машины.

- Тогда с кладбища. Оно на пригорке, село оттуда как на ладони. Так что мы тут под присмотром у мёртвых, забаловать не забалуешь. И родители Костика там, на мотоцикле разбились. Кладбище - оно, как телевизор, всех к себе собирает...

Провожали Зойку-партизанку в Дом ветеранов, как отправляли раньше ребят в армию - всем миром. Это приходило на ум и потому, что сидела она на покосившемся крыльчке в кофте, на которой вразнобой, без положенной очередности в статусе, теснились и блестяли, как чешуя на кольчуге, орден и медали. Распоряжалась суетой баба Сима, получившая ключи и наказ присматривать за домом. Угощения и подарков хватало: Сергей утром смотался в Суземку, и теперь баба Зоя одаривала подходивших к ней подруг

полотенцами, чашками, блюдами, фартуками. С мужиками получилось проще: два десятка пил-ножовок хозмагу принесли план, а им - радость.

- От меня. На память, - всматривалась в лица подходивших к ней односельчан баба Зоя, сиюсь удержать в памяти образы тех, с кем прожила рядом всю жизнь.

- А кому самогоночки, самогоночки кому, - толкался с трехлитровой банкой среди собравшихся худощавый, изрядно подвыпивший, а потому добрый, взлохмаченно-лысый мужичок. - И-и, чистейшая. Глядишь в неё и себя видишь, - рекламировал, видать, собственное производство.

Детям раздавались конфеты. Поскуливал Кузя - при сладком столе собаке только глотать слюнки. Баба Зоя, непрерывно трогавшая вынесенные из дома сумки с вещами, вдруг просветлённо, а потому тревожно встрепенулась:

- Грамоты! Где грамоты?

- Какие тебе теперь грамоты, Зоя Павловна! - успокоил председатель, подсевший рядом на скамейку и приобнявший бригадира за плечи. Лавка от веса перекосилась, едва не уронив хозяйку с кавалером. Видать, и в самом деле подоспело время всему отживать. - Отныне в городе можешь ногой показывать и командовать, что делать. Город - он к ветеранам приспособленный.

- Так приеду к людям, а они и знать не знают, какая я была работящая. На божничку положила, чтоб не затерялись. Проверь, - приказала Сергею, как Костику.

Память у бабы Зои работала, зря она стучала себя по лбу: стопка трудовых грамот с красными знамёнами и портретами Ленина и впрямь своей высотой едва не закрывала Богородицу. Рядом с «Молитвословом» лежал не менее затёртый партийный билет в традиционной красной корочке и с датой вступления в партию в 1943 году - время самых тяжёлых боёв партизан перед Курской битвой. Верили, верили в победу даже восемнадцатилетние девочки, находясь в полном окружении врага! Тут же лежали перетянутые резиночкой удостоверения на награды. Божничка словно хранила не только жизнь бабы Зои, но и историю страны, примирив коммунистов и верующих, красных и белых. Закладкой в «Молитвослове» служила палочка от «Эскимо», возможно, ещё Костей когда-то купленного, и Сергей не быстрее бабы Зои выговорил буквы её ежевечерней молитвы:

- Свете тихий... пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поём... Бога... мир Тя славит...

Сложив содержимое, Сергей не посмел при этом тронуть Богородицу: а и впрямь, пусть остаётся охранять дом с невестой-печкой и фотографиями.

- Ох, чую, какой-то обман мне идёт, - вцепилась, как в спасательный круг, в свою бумажную биографию баба Зоя. Вот ведь поколение: сумок с одеждой не надо - дай прижать к груди документы. - Колесом пошёл белый свет. Такого сам татар не придумает, как я с этим отъездом. Кому я там нужна буду? Костик! Где Костик?

Стоявшие рядом бабы опустили головы, кто-то перекрестился: минуй нас подобная участь! Хозяйка опять выделила взглядом Сергея, более всего запомнившегося рядом с именем внука, поманила. Шепот у теряющих слух людей настолько громкий, что слышали все:

- А хоронить чтобы всё равно сюда привёз. Хоть косточками, а вернусь.

Увидев, что офицеры поглядывают на часы, председатель встал. Отставив локоток, по-гусарски выпил до дна перед бывшим бригадиром свой стакан самогона. Внук с испарапаным подбородком, густо замазанным зелёнкой, привычно подсунул на закуску оставшийся ободок от печенюшки, не оставив надежды на угощение вечно голодному Кузьме. Баба Зоя прижала паренька к себе, шепнула на ухо что-то секретное. Тот согласно кивнул, получил новую порцию сладостей и уступил место взрослым.

- Всё, всё! - не забывал своей роли руководителя Фёдор Степанович: демократия демократией, а у него в колхозе, хоть и бывшем, должен быть порядок. - Пора ехать. А пожелать пожелаем нашей Зое Павловне через зиму вернуться сажать огород.

- Что он говорит, не слышу, - поинтересовалась у Сергея баба Зоя. Предполагая обратное, спросила с хитрецей: - Не ругает?

Не ругал. Лично проводил до машины, насильно всунул офицерам в гостинец две банки мёда. Баба Зоя в последний сто китайский раз обнималась потом с каждым, хотя по глазам было видно, что она мало понимает в происходящем. Взгляд сумел зацепиться лишь на том, как Сима закрывала амбарным замком дом. Подалась обратно, но Кречет удержал, а Сергей завёл машину. Подсаживаемая председателем, баба Зоя втянула с собой в салон и отполированную до костяного блеска палочку. Тявкнул Кузя, оставшийся единственным нецелованным из собравшихся.

Вот теперь - с Богом!

- Не в лесу и не на болоте росла, должна уметь, - прошептала утихомирившаяся баба Зоя, и стало ясно, что она, несмотря на боевые ордена, боится новой жизни. И все предварительные переговоры, которые Сергей и Кречет вели по телефону с ней и руководством района - это её стремление оттянуть момент переезда в Дом ветеранов. - Проедь к центру, - попросила водителя.

Сама уткнулась лбом в стекло, чтобы лучше разглядывать улицу, и Сергей погасил скорость. Ничего, Зоя Павловна, у ветеранов тебе будет легче: ни дров для печи, ни воды из колонки. Не тронулись бы с места, покажись там неуютно и казённо: перед приездом сюда заехали в Дом и лично проинспектировали ситуацию. Костя бы «спасибо» сказал. А по весне лично приедут и привезут в родной дом на побывку...

По берегу озера, как опята, росли ракиты - вечером при знакомстве с селом как-то не отметили это. Затесавшаяся меж ними берёзка выгибалась, выгибалась, чтобы вырваться из-под их крон и в то же время не коснуться воды - и хоть кривая, но ушла вверх. На её стволе сидело сразу три рыбака.

Головы, как у Змея Горыныча, глядели в разные стороны, но на шум мотора повернулись одновременно, и баба Зоя кивнула им из-за стекла: прощайте и вы. Все прощайте.

- Зоя Павловна, ну что вы, - сидевший рядом с ней на заднем сиденье Кречет попытался отвлечь от грустных мыслей, хотя сам, покидая даже не дом родной, а сирийскую Пальмиру после трёх месяцев работ по её разминированию, едва сдерживал слезу. Сентиментальность редко до добра доводит, но уж точно не даёт пополнить ряды истуканов на острове Пасхи.

- Всё, жизни капут! - откинулась на спинку баба Зоя и прикрыла глаза.

В уголках век начали копиться, набухать капельки слёз, в какой-то момент они сорвались вниз и по проложенным среди морщин блестящим тропинкам уже спокойно потекли ручейки. Сергей глянул в зеркало заднего вида на друга, тот пожал плечами: я не знаю, как успокаивать, не оставляя меня одного.

Остановились у памятника, на котором верхней строчкой шло имя комиссара партизанского отряда «За власть Советов» - её отца. Баба Зоя нетерпеливо принялась дёргать ручку, чтобы выйти. Не выпуская пакет с грамотами, зашла в оградку, прислонилась к памятнику. Как и в случае с молитвой, Кречет дёрнул друга - оставим одну, лучше заглянем в сельский клуб, по какой-то причине открытый днём.

На сцене, с важностью рояля занимая его середину, стоял теннисный стол, на котором играли в пинг-понг две девчушки. На вошедших не обратили внимания, и Кречет по привычке сапёра заглядывать во все дыры приоткрыл дверь в пристройку, оказавшуюся библиотекой. На столике лежал измятый, выучивший не одно поколение девятиклассников любви «Евгений Онегин». Зато между металлическими стеллажами, не замечая вошедших, целовались пока только заказавшие роман мальчик и девочка. Подпиравшего сзади друга Кречет оттолкнул обратно в зал.

- Что там? - поинтересовался Сергей.

- Там продолжается жизнь, - не стал объясняться сапёр.

Теннисистки закончили партию и проявили, наконец, учтивость:

- Играть будете?

- Денег нет.

- Так у нас бесплатно! - бесхитростно удивились едва не хором.

Поняв, что с ними шутят, смущёнными актрисами нырнули за кулисы.

Баба Зоя уже сидела в машине, и друзья заторопились - как смогла одна подняться на высокий порожек джипа!

А она и не поднималась. Салон оказался пуст, и это было непонятно, потому что далеко уйти с палочкой Зоя Павловна не могла. Кречет обошёл памятник, потом заторопился к озеру, но рыбацкий Горыныч замотал тремя головами - не проходила. Но ведь они пробыли в клубе не более трёх-пяти минут. Да, партизанская разведчица, но и они не Вольское училище тыла заканчивали, целый капитан с досрочным майором. Исчезнуть же могла только в зарослях бурьяна за памятником, и Кречет опять же потому, что сапёр, пер-

вым влез в репейник. Вытоптали бурьян и, уже в открытую паникуя, позвали на подмогу из клуба молодёжь. Прочесали окрестности с ней.

- Показывай дорогу к председателю, - приказал пацану-Онегину Кречет.

Фёдор Степанович возился со знакомым мотоциклом, рядом стояла жена с не менее знакомым топором. На нём, как на наковальне, хозяин отстукал молотком какой-то тросик, всунул в генератор.

- Сбежала, что ли? - с полувзгляда понял растерянность приезжих и почему-то улыбнулся. Может, даже предполагал подобное. - Во пионерка! - то ли радостно, то ли просто вычищая ветошью солярку между пальцами, потёр руки. Охотно принял сигарету. - Она и у меня своевольничала, такую в оглобли загнать не загонишь.

- Но надо же что-то делать!

- А может, не надо? - сбил ногтем пепел, очищая табак перед новой глубокой затяжкой. - Глядишь, дольше пожить проживёт в родных стенах. Тут коров на другую ферму перегоняли - ревмя ревели, а хотите человека сорвать с места. Что она, одуванчик? Всем Бог наделил человека, кроме защиты от тоски и боли.

Разогнал дым перед лицом, начал всматриваться в рубаху, словно увидел её впервые. А может, и впрямь только сейчас соотнёс: жизнь -это вовсе не плоские полосы, а клетка светлая, клетка тёмная. Объём. Хмыкнул: открытие не понравилось, потому что эти клеточные объёмы покрывали его собственные плечи. Единственное, чем смог облегчить себе жизнь - засучил рукава. Всё, нету ни клеток, ни полос.

- А присмотреть присмотрим за ней. Мой внук Олежка её крестник, так что пригляд будет...

Деревенские ракиты старухами вышли провожать офицеров за околицу. Выстроившись вдоль дороги, кивали вслед головами в зелёных платках. Видать, не все счастливые дни вороны поклевали в деревне, коль продолжал жить в ней народ.

Едва вслед за машиной пробежали по обочине отблески подфарников, в палисаднике бабы Зои зелёным поплавром вынырнул внук председателя. Убедившись, что улица пуста, махнул рукой крёстной, разведчиком прячущейся за погребом: выходи, бабуль, мы их победили. Та, насколько далеко хватило глаз рассмотреть дорогу, убедилась в этом самолично и пырнула проводнику денежку: купи себе за труды чего-нибудь рот подсластить. Приведя себя в порядок, принялась осматривать грядки, где укроп с петрушкой пёрли так, будто огород вспахивался только для них одних. А вот дождика, дождика бы не мешало, картошка печётся в земле который день...

Сергей, молчавший всю дорогу, перед Суземкой вдруг свернул с объездной дороги и вырулил к хозяйственному магазину. За сутки здесь мало что изменилось: бродили по штакетнику «варежки», Васька в неизменном одеянии кричал кому-то на другой стороне дороги:

- А у тебя нет с собой гвоздя? Сотки хотя бы. Козла твоего прибить к забору, чтобы не ломал штакетник.

Увидев знакомую машину, запахнулся полами плаща: абонент недоступен. Но из зоны доступности не выходил, делая вид, что озабочен состоянием штакетника, вчера вёдрами самолично колошмативший его не хуже козла. Интеллигентно вытащил из почтового ящика на углу стопку газет: и впрямь не трусы на верёвочке, о внутреннем мире своём заставил заботиться прессу.

- Придержи его, а я быстро, - попросил Сергей друга.

Сливы были раздавлены другими машинами, но тем не менее, вновь попытавшись не наехать на них, развернулся.

- Привет, Василий, - подходя к мужичку, Кречет протянул руку, признавая вину за вчерашнее и запрашивая мир. Тому уважение понравилось, протянутая рука пожалась, плащ распахнулся.

- Куда рванул-то твой гордый?

- Сам понятия не имею, - признался Кречет.

- Ты ему скажи, что нельзя бороной да по всей душе.

- Он уже понял, - уверил Кречет и поспешил сменить тему: - Сегодня без тёщи?

- А у её ног головы нет. Пока не обойдёт пять раз все рынки, солнцу нельзя зайти за горизонт. Тёща боец, ей только раны на войне перевязывать. Молодец, когда не слышит. А вы откуда приземлились? Раньше не видел.

- К другу заезжали.

- Куплю велик, первым делом тоже доеду до кума. Бедует один в своём селе. Деревенская жизнь только на картинках хороша, а кто убёг из неё, возвращаться не торопится.

- Но некоторые, наоборот, не хотят уезжать.

- А это как вовремя жениться. Чуть перехолостяковал - всё, другой жизни нету. А оно, может, и не надо. Вон, летит твой орёл на цыпочках.

Сергей мягко подкатил к самому штакетнику. Молча открыл багажник, достал оттуда сложенный, ещё в заводской обёртке, велосипед. Прислонил его рядом с онемевшим Василием, хлопнул его по плечу и занял место за рулём: а теперь вперёд.

- Теперь до кума доедет, - миновав от Суземки три-пять поворотов, порадовался за Василия Кречет. - Смотри, смотри, а вон и знамя! Помнишь, Костя рассказывал.

Над обелиском, стоявшим у дороги, возвышалась изогнутая от непогоды и времени сосна с отпиленной верхушкой, где трепетало красное знамя. Табличка на памятнике гласила, что в этом месте партизанская группа «За власть Советов» приняла первый бой с фашистами. Каждый год находится тот, кто лезет на сосну и меняет выцветший флаг. Но первым его вознёс и укрепил Костя, ещё суворовцем. В память о партизанском отряде, в котором погиб его прадед. И вот настали времена, когда баба Зоя осталась последним живым партизаном из этого отряда...

- Эх, задержаться хотя бы на день-другой, - помечтал Кречет, прекрасно зная, что оба не могут этого сделать. Даже на день. Лично у него начинается формирование батальона разминирования в бывшую Югославию: как воевать, так полмира наваливается, а приходит время приводить всё в порядок, то Россия - вперёд! - Крыльцо бы подправить.

- Завтра у меня вылет на Байконур. Запуск. Без вариантов.

- Слушай, а вот если бы, в порядке бреда, одному из космических кораблей присвоить имя бабы Зои? А что? Последний ветеран Великой Отечественной должен стать звездой на небе, не меньше.

- Если только мысленно... Хотя можно и попробовать, почему бы и нет. Для власти это за честь.

- Было бы здорово... Интересно, а что сейчас делает наша беглянка?

- Может, грамоты читает. Или фотографии рассматривает. Ей есть что вспоминать...

Баба Зоя полулежала на ступеньке крыльца и примерялась, что можно подsunуть под ножку покосившейся лавки. Под руки попался амбарный замок, привезённый друзьями Костика. С усилием, но затолкала его под ножку. Переваливаясь, взобралась на сиденье, проверила на устойчивость. Теперь можно жить дальше.

Проговорив буквы «Свете тихого», поклевала перенесённое обратно через дорогу от Симы оставшееся угощение. На озере под прохладу вновь завелись лягушки, выкликая такой нужный для огородов дождь. Проехал с рёвом на отремонтированном мотоцикле наперегонки с Кузей крестник, надо будет поругать, что даже ей, глуховатой, бьёт по ушам. А вот свет от фары порадовал улицу, на которой сразу после выборов отключили на столбах фонари. Плохо, что после яркого света сразу стало темнее. И прохладнее, как перед дождиком. Но несколько звёздочек всё же проклюнулось сквозь тучи. Одна из них бесстрашно карабкалась прямо в центр неба - значит, самолёт или спутник.

Баба Зоя пожелала ему доброго пути и стала закрывать калитку, готовясь ко сну...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКСЁНОВ Иван Михайлович - поэт, прозаик, художник. Родился в 1935 г. в селе Привольном Красногвардейского района Ставропольского края. Член Союза писателей России. Занимается переводами с испанского, немецкого и украинского языков. Автор 14 книг и иллюстраций к ним. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2004 г.). Дипломант Всероссийского конкурса «Хрустальная роза Виктора Розова». Отличник народного просвещения. Почётный гражданин города Новопавловска Ставропольского края, где и проживает в настоящее время.

АНАНЬЧЕНКО Николай Михайлович родился в 1951 г. Закончил Горьковский медицинский институт, работал детским врачом в районах строительства БАМ. Писать рассказы и стихи начал ещё в школе, но основные публикации связаны уже со Ставрополем. Участник многих поэтических альманахов, автор 9-ти книг. Преимущественно пишет для детей и о детях.

БАБЕНКО Владимир Васильевич - поэт, прозаик, журналист, краевед, общественный деятель. Родился в 1952 г. в селе Томузловском Будённовского района. Окончил Александровский зооветеринарный техникум и Вологодский педагогический институт. Работал литсотрудником ряда газет в Ставропольском крае и Вологодской области, в областном Вологодском комитете телерадиовещания, ветврачом и начальником отдела кадров на Вологодском мясокомбинате. Автор 18 книг. Член Союза российских писателей и Союза журналистов России. Награжден медалью «За трудовую доблесть» (III степени). Живёт в Ставропольском крае.

БЕРЕГ Игорь (ПИДОРЕНКО Игорь Викторович) родился в 1953 г. Писатель-фантаст, работает в жанре военно-приключенческой литературы. Член Союза писателей России, журналист, лауреат Международной литературной премии им. А. Фадеева (2004 г.) и премии Губернатора Ставропольского края в области литературы имени А.Т. Губина (2006 г.). Удостоен всероссийской премии «Во славу Отечества» в 2015 году. Живёт в Ставрополе.

БЕРНАРД Ян Игнатьевич - поэт, член Союза писателей России. Работал организатором писательских выступлений, артистом разговорного жанра в Ставропольской краевой филармонии, лектором краевого фонда культуры. Возглавлял «Союз поляков города Ставрополя». Автор 21 книги. Лауреат премии комсомола Ставрополья, лауреат национального турнира поэтов «Серебряное перо» (Республика Польша). Кавалер Золотого Знака Почёта ОПСД Польши. Живёт в Ставрополе.

БОНДАРЕНКО Николай Пантелеевич - поэт. Родился в Карелии в 1947 г. С 1950 года проживает в г. Минеральные Воды. Служил в Советской Армии, в войсках ПВО. Первый сборник стихов «От первого лица» был издан в 1998 году в московском издательстве «Глобус». Затем вышли книги: «Пульс 4500», «Всё, что могу», «Благословенно имя твоё». Член Союза писателей России с 2002

года. В 2014 году возглавил общественную организацию «ТО «Современник» города Минеральные Воды.

БРОДОВСКИЙ Валерий Давидович (Петросян) - прозаик. Родился в 1964 году. Закончил Ставропольский государственный медицинский институт. Член Союза писателей России. Автор книг «Кавказский набат», «Сумрак лабиринта», «Печать апостола». Живет в Ставрополе.

БУДАРИН Владислав Пантелеевич - поэт. Родился в 1947 году в Ставрополе. После военной службы, в 1969 году, приехал в город Минеральные Воды, где и живёт в настоящее время. Работал в локомотивном депо, в строительном управлении, на Севере, в Сибири и на БАМе - шофёром, рабочим-строителем. Член Союза писателей России, автор 4 книг.

БУТЕНКО Владимир Павлович - поэт, прозаик, музыкант, член Союза писателей СССР и России. Лауреат литературной премии журнала «Наш современник» (2011 г.), трижды лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина. Автор многих книг прозы и стихотворений, 9 сольных альбомов разнообразных песенных жанров. Лауреат премии им. С. Бабаевского и премии «День Победы». Главный редактор альманаха «Литературное Ставрополье». Руководитель школы литературного мастерства в г. Ставрополе. Награждён орденом «За возрождение казачества» и медалью «За заслуги перед Ставропольским краем» (2017). Живёт в городе Ставрополе.

ВОРОПАЕВ Олег Владимирович - поэт, прозаик, автор и исполнитель песен. Родился в 1963 г. в Заполярном Мурманской области. Закончил сельскохозяйственный факультет Петрозаводского госуниверситета. Работал зоотехником, учителем биологии в школе, участвовал в геологоразведочной экспедиции. С 1994 года офицер милиции. Участник двух «боевых» командировок в Чеченскую Республику (2000 и 2003-2004 гг). Подполковник в отставке. Член Союза писателей России. Автор семи книг. Дипломант литературного конкурса МВД России «Доброе слово». Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2013 г.). Живёт в г. Новопавловске Ставропольского края.

ГАДЕЛИЯ Светлана Иосифовна родилась в 1940 г. на Украине, в пос. Владимирова Донецкой области. С 1957 по 1962 г. жила в Харькове, училась в Харьковском институте инженеров коммунального строительства. С 1963 г. проживает в г. Ессентуки. Впервые опубликовалась в новопавловской районной газете «Голос времени» в январе 1993 г. Печаталась в коллективном сборнике «Проталинка», в альманахах «Ковчег» (г. Ростов-на-Дону), «Сыктывкар», «Феникс» (г. Белая Калитва), литературном журнале «ЛитОгранка» (г. Новокузнецк). Автор двух поэтических книг. Член Союза российских писателей.

ГАМАЮНОВ-ЧЕРКЕССКИЙ Сергей Васильевич - поэт, прозаик, публицист. Дипломант национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Поэзия» (2010 г.). Член Международного Союза писателей «Новый Современник» и содружества писателей «Золотое перо Руси». Серебряный лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси - 2011» в номинации «Поэзия». Член Российского союза писателей. Автор нескольких сборников поэзии, прозы. Окончил Свердловский юридический институт им. Р.А. Руденко. Ра-

ботал Народным судьёй, судьёй Верховного суда Карачаево-Черкесской республики, на руководящих должностях в органах прокуратуры Ставропольского края. В настоящее время в отставке. Живёт в Кисловодске.

ГАТИЛО Андрей Борисович - прозаик, поэт. Родился в 1963 г. в селе Красновардейском Ставропольского края. По образованию - учитель биологии-химии. Работал воспитателем в детском доме для детей-сирот, в общеобразовательной школе учителем химии. С 1992 по 2000 год работал в Ставропольском ГУВД в должности эксперта, преподавателем криминалистики в учебном центре МВД г. Ставрополя, затем в институте повышения квалификации ВИПК МВД России. С 2003 по 2012 годы работал в должности ведущего эксперта базовой экспертно-криминалистической службы Управления по контролю за оборотом наркотиков ЮФО. По роману «Тень Дракона» поставлен спектакль «Вечер сотни небес». Занимается кузнечным делом, реконструкцией и бутафорской театральной имитацией оружия. Живёт в Ставрополе.

ГОНЧАРОВА Елена Михайловна - поэт. Родилась и живёт в Ставрополе. Победитель конкурса молодых поэтов г. Ставрополя (2001 г.). С 2003 г. - президент литературного клуба молодых писателей «Экспромт». Автор книги стихов «Трамвайчик» (2011 г.) и книги детских стихотворений «Полосатый понедельник» (2015 г.). Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2012 г.). Лауреат конкурса книжных новинок Министерства культуры Ставропольского края и СКУНБ им. М.Ю. Лермонтова в номинации «Семейное чтение» (2015 г.).

ДМИТРИЧЕНКО Валентина Гапуровна - поэт. Родилась в 1956 г. в с. Лузинка Северо-Казахстанской области. Работала преподавателем физической культуры в школе, затем уехала по комсомольской путёвке на строительство Павлодарского тракторного завода. Работала воспитателем, библиотекарем. В 90-е годы переехала с семьёй в Польшу, затем вернулась в Россию. Член Союза писателей России. Автор 6 поэтических книг. С 1976 года живёт и работает в г. Невинномысске Ставропольского края. Лауреат премии им. В. И. Слядневой (2016).

ДУБРОВСКАЯ Софья Антоновна родилась в 2000 г. в Ставрополе. Закончила школу для одаренных детей «Поиск». Обучалась в образовательном центре «Сириус» (Сочи). Публиковалась в газете «Ставропольская правда», всероссийском журнале «Южная звезда», интернет-издании «45 параллель». Стипендиат фонда им. В. Слядневой. В 2017 году в Ставрополе вышла книга стихотворений «Метрополитен в космосе». В настоящее время учится в Литературном институте им. М. Горького.

ДЬЯЧЕНКО Анна - студентка СКФУ (Ставрополь), участник Пятого литературного конкурса «Горю Поэзии огнём», который с 2013 года проводится в Екатеринбурге. Её стихи опубликованы в книге стихотворений «Между/речьё» по итогам конкурса. Занимается художественными и техническими переводами.

ИВАНОВА Елена Львовна - поэт, журналист. Член Союза писателей СССР и России, член Союза журналистов России. Работала редактором Ставропольской краевой студии телевидения, корреспондентом газет «Кавказская здрав-

ница» и «Ставропольская правда», возглавляла издательский отдел Ставропольского краевого института повышения квалификации работников образования. Руководила краевым отделением Литфонда России (2008 - 2011 гг.). Автор более 10 поэтических сборников. Дважды лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина. Живёт в Ставрополе.

ИВАНОВ Николай Фёдорович родился в с. Страчево Брянской области в 1956 году. Закончил Московское суворовское и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Службу начал в Воздушно-десантных войсках. В 1981 году направлен в Афганистан. Награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» III ст., медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». Во время командировки в Чечню в июне 1996 года был захвачен в плен боевиками, освобожден через 4 месяца в результате спецоперации. Полковник налоговой полиции. В 2018 году избран председателем правления Союза писателей России. Автор 20 книг прозы и драматургии. Лауреат литературных премий им. Н. Островского, М. Булгакова, «Сталинград».

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич - эстонский русский писатель-прозаик, публицист, исследователь истории Русской Прибалтики и религиозной истории (православие) в Прибалтике, культуролог, режиссёр-документалист. Профессиональный политолог и журналист-международник. Директор базового издательства Русской писательской организации Эстонии. Руководитель Русской писательской организации Эстонии, член Союза писателей России с 1998, секретарь Правления СПР; член Исполкома Международного Сообщества Писательских Союзов; постоянный член Совета Всемирного Русского Народного Собора; член Издательского отдела Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата.

КАУНОВА Юлия Андреевна - поэт, прозаик, журналист, публицист. Родилась в Саратовской области. Окончила Московский институт журналистики и литературного творчества. Работала корреспондентом районной газеты. Была управляющей гостиничным комплексом «Чилим». Награждена Губернатором края знаком «Серебряный Орден «Отличник качества Ставрополья». Издавала журнал «Лира Кавказа», являясь его главным редактором. Автор 7 книг. Член Союза писателей России, председатель приёмной комиссии в члены Союза писателей России по Ставропольскому краю. Живёт в Кисловодске.

КОБРИН Юрий Леонидович родился в 1943 г. в Черногорске Красноярского края в семье офицера Советской Армии. С 1950 г. по настоящее время (с перерывом 1956-1960) живёт в Литве. Учился в Вильнюсском госпединституте и Высших литературных курсах в Москве. Автор 13 стихотворных книг и 13 переводных сборников литовских поэтов. Заслуженный деятель искусств России, академик Европейской Академии Естественных Наук (ФРГ), кавалер ордена Дружбы (РФ) и ордена Великого князя Литовского Гедиминаса (ЛР), медали Пушкина (РФ), медали Гёте (ФРГ), вице-президент Международной Федерации Русскоязычных Писателей, член Высшего Творческого Совета Союза Писателей XXI века, член Союза писателей Москвы, Союза российских писателей, Союза писателей Литвы, президент Благотворительного фонда поощрения русской культуры писателя Константина Воробьёва.

КОЗЛОВ Юрий Вильямович родился в 1953 г. в г. Великие Луки. Писатель-прозаик, член Союза писателей СССР и России. Лауреат премии издательства «Молодая гвардия» (1979 г.), Всероссийской литературной премии «Традиция» (1995 г.), Литературной премии Правительства Москвы (1996 г.), Малой Российской литературной премии «За объективность и честность в творчестве» (1998 г.) и Литературной премии им. Александра Невского (2002 г.). Главный редактор журнала «Роман-газета». Автор более 30 книг. Книги писателя переведены на многие языки. Живёт в Москве.

КОНОПЛЯННИКОВ Юрий Викторович - писатель-прозаик, драматург, киноактёр - родился в 1950 году. Закончил ГИТИС, актёрский факультет. Лауреат литературной премии МГК ВЛКСМ, МО СП РСФСР, журнала «Москва» и издательства «Московский рабочий». Член Союза писателей России, Союза кинематографистов России. Известен по работам в фильмах: «Волны Чёрного Моря», «Лесник», «Косатка», «Петля Нестерова» и др. Член Союза журналистов России, лауреат премий: им. Г.Р. Державина, им. К.С. Станиславского, им. А.П. Чехова. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

КРАСУЛЯ Василий Александрович родился в 1952 году в семье офицера. Окончил экономический факультет Кубанского сельскохозяйственного института. Работал в газетах «Комсомолец Кубани», «Молодой Ленинец», «Ставропольская правда». Опубликовал книги «Диссидент из номенклатуры» (1992 г.), «Когда же придёт настоящий хозяин?» (1997 г.), «Мужские разговоры - рассказы о любви» (1998 г.), «Часы пущены» (2000 г.), роман «Женщина в августе» (2003 г.), повесть «Приземление образа» (2010 г), повесть «Мы родились, чтобы быть свободными» (2015 г.) Член Союза российских писателей и член Союза журналистов России. Живёт в Ставрополе.

КРИВЕЦКАЯ Елена Семёновна родилась в 1965 года в Пинске (Беларусь). Окончила Пятигорский общественно-государственный региональный колледж «Интеграл», затем Пятигорский государственный лингвистический университет (преподаватель русского языка и литературы, английского языка), Институт дополнительных образовательных программ ПГЛУ (журналист). Кандидат филологических наук. Заместитель директора музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске.

КРИС (ХАРЧЕНКО) Оксана Владимировна родилась в п. Ленино Крымской области УССР. Окончила Северо-Кавказский технический университет. Занимается юридической деятельностью. Публиковалась в периодических изданиях, альманахе «Литературное Ставрополье», коллективных сборниках «Время открытий» и «Город золотых сердец». Живет в Ставрополе.

КУПРИН Александр Иванович - поэт. Член Союза писателей России, председатель Ставропольского краевого отделения и Секретарь Союза писателей России. Родился в 1940 г. в селе Каново Курского района Ставропольского края. Окончил Пятигорский сельхозтехникум, затем Ростовский институт народного хозяйства. Работал в проектно-институте «Севкавгипроводхоз», затем начальником отдела кадров в ряде предприятий Пятигорска, а с 1987 по 2004 год - директором кинотеатра «Космос». Автор 5 поэтических книг. Награждён медалями:

«За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «М.Ю. Лермонтов», «Коста Хетагуров», «Кязим Мечиев» (Кабардино-Балкария), «Навеки вместе» (Калмыкия). Живёт в Пятигорске.

КУСТОВ Виктор Николаевич - прозаик, публицист, драматург, журналист, издатель. По образованию - горный инженер. Главный редактор журнала «Южная звезда», интернет-журнала «Культурный слой. Журнал для избранных», шеф-редактор журнала «Сельское Ставрополье». Лауреат премии Союза журналистов СССР. Член Союза писателей России. Автор более 10 книг. Победитель международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Драма» (2011 г.). Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2014 г.). Награжден медалью «За заслуги перед Ставропольским краем» (2017). Живёт в Ставрополе.

ЛАНГУЕВА (СУХОПУКОВА) Тамара Васильевна - поэт, поэт-песенник, прозаик, член Союза писателей России. Родилась в г. Кемерово. В 1976 году окончила юридический факультет Кубанского государственного университета. Работала старшим следователем прокуратуры г. Липецка, старшим помощником прокурора г. Невинномыска Ставропольского края, в настоящее время - в отставке. Принимала непосредственное участие в создании полнометражных документальных фильмов для российских телеканалов: «Дневник оборотня», «Танец смерти» и других. Является автором семи книг. Живёт в городе Невинномыске Ставропольского края.

ЛИВИНСКИЙ Станислав Аликович родился в 1972 г. в Ставрополе. По образованию фотограф. Работал фотокорреспондентом, видеооператором и звукорежиссёром. Участвовал в Форумах молодых писателей России. Стихи публиковались в «Литературной газете», журналах «Юность», «Знамя», «Дружба Народов» и др. Лауреат Международного литературного Волошинского конкурса (2012 г.). Автор поэтических сборников. Живёт в Ставрополе.

ЛЮБЕНКО Иван Иванович - прозаик, член Союза писателей России. Родился в 1963 г. Окончил факультет истории и английского языка Ставропольского государственного пединститута. Работал преподавателем истории и английского языка в школе, учился на заочном отделении Московской юридической академии. С 1991 года работал юристом и директором в разных организациях г. Ставрополя. С 1996 года по настоящее время - член коллегии адвокатов МКА «Санкт-Петербург». Автор множества романов и сборников в жанре детективной прозы. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2014 г.). Живёт в Ставрополе.

ЛЯШЕНКО Николай Петрович - прозаик. Родился в 1945 г. в селе Подгорном Калачеевского района Воронежской области. После окончания Саратовского политехнического института работал на строительстве военных объектов в Подмоскowie, на Украине, в Казахстане. В 1972 году переехал в Ставрополь. Член Союза писателей России. Автор 7 книг. Был уполномоченным Литфонда, главным редактором газеты «Литературный Юг России». Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2014 г.). Живёт в Ставропольском крае.

МАЛЯРОВ Владимир Константинович - прозаик. Член Союза писателей СССР и России. Родился в 1946 г. в Саратовской области. До призыва на военную службу работал матросом-рулевым в Каспийском пароходстве, служил на Балтике. С 1974 года обучался в Литературном институте им. А.М. Горького на заочном отделении. Работал в редакции газеты «Пинежская правда». В 1978 году переехал в Ставрополь. Работал в редакции художественной литературы Ставропольского книжного издательства, редактором альманаха «Ставрополье». В 1990 - 1991 гг. возглавлял Ставропольскую краевую писательскую организацию. Автор 8 книг. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина. Живёт в Ставропольском крае.

МАСЛОВ Анатолий Михайлович - поэт, член Союза писателей России. Родился в 1950 г. на хуторе Весёлом Ставропольского края. Военную службу проходил в Забайкалье. Был грузчиком, электромонтёром, разнорабочим. Получил филологическое образование в Ставропольском государственном педагогическом институте. Работал учителем русского языка и литературы, завучем в средней школе, избирался депутатом и заместителем главы администрации посёлка Передового Изобильненского района. Автор 5 поэтических книг. Награждён Терским казачьим крестом генерала Ермолова, нагрудными знаками «За верность казачеству» и «За возрождение казачества». Живёт в Ставропольском крае.

МАХЕНЬКО Валерия Алексеевна родилась в Невинномыске. Окончила Ставропольское музыкальное училище и СКФУ. Много лет проработала в сфере культуры. В настоящее время сотрудница рекламного агентства. Публиковалась в периодике, в коллективном сборнике «Город золотых сердец». Живет в Михайловске.

МОСИЕНКО Александр Алексеевич - поэт, прозаик, драматург. Родился в 1935 г. в ст. Зольской Ставропольского края. Окончил Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков. Работал директором школы, возглавлял редакцию газеты «Учитель» (с 2006 года - «Наш университет») Пятигорского государственного лингвистического университета. Отличник народного просвещения России. Награждён медалями «За вклад в отечественную культуру», «За гуманизм на Кавказе», «За вклад в развитие Пятигорска». Заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2006 г.). Автор 21 книги поэзии, прозы, драматургии. Живёт в Пятигорске.

НАРЫЖНАЯ Валентина Васильевна - поэт, поэт-песенник, родилась в 1946 г. в х. Гремучем Ставропольского края. 47 лет проработала в отрасли культуры. Член Союза писателей России с 1999 года. Плодотворно сотрудничает с известными композиторами края: А.Масловым, В.Кушнарёвым, В. Сущенко. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края (2011) в области музыкального искусства им. В.И. Сафонова. Автор 10 поэтических сборников. Обладатель Гран-При на международном фестивале-конкурсе «Искусство объединяет мир» (2015 г., Сочи). Дипломант всероссийского конкурса «Герои Великой Победы» (2016). Награждена медалью «За доблестный труд».

НОВИКОВСКАЯ Марина Борисовна - прозаик-фантаст, поэт. Родилась в 1977 году в г. Грозном. В 1983 вместе с родителями переехала в Ставропольский край. Окончила Ставропольский государственный университет по специальности «библиотековедение и библиография». Работает в центральной библиотеке г. Михайловска. Рассказ «Улитка времени» стал лауреатом ряда конкурсов. Автор романов «Тайное правительство. Орден» и «Тайное правительство. Иерархия» (второе место в Германском международном литературном конкурсе русскоязычных авторов 2015 в номинации «Фантастика и фэнтези»). Член Союза российских писателей.

ОВСЯННИКОВ Сергей Данилович - поэт, прозаик, переводчик. Член Союза писателей России. Родился в 1948 г. в Изобильненском районе Ставропольского края. Военную службу проходил в ГДР. В 1968 году участвовал в событиях в ЧССР. Победитель литературного конкурса, проведённого МГУ им. М.В. Ломоносова и ставропольской краевой газетой «Молодой ленинец» в 1976 году. Автор 5 книг. Лауреат премии Ставрополя им. А. Скокова, дипломант литературного конкурса «Дни поэзии на Северном Кавказе - 2015». Живёт в Ставропольском крае.

ОКЕНЧИЦ Наталья Владимировна - поэт, член Союза писателей России. Родилась в 1955 г. в Киргизской ССР в семье военнослужащих. В 1979 году закончила Ставропольский электротехникум связи. Ветеран труда Ставропольского края. Автор книг лирических стихов «А лето всё-таки придёт», «Цветы и облака», «На июльских перекрёстках», а так же стихов для детей «Летающий цветочек». Дипломант III Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова», категория – «Мастер» (2017 г.). Дипломант литературного фестиваля-конкурса «Кубани слово золотое» (2017 г.). Проживает в г. Михайловске Ставропольского края и г. Геленджике Краснодарского края.

ПЕТРОВ Владимир Григорьевич - прозаик, член Союза писателей России. Родился в 1946 г. в Пятигорске. Окончил в 1969 г. Борисоглебский государственный педагогический институт (Воронежская область) по специальности - физика и математика. Учителем работал в ЧИАССР и на Донбассе, после вернулся на родину и поступил на работу в институт «Севкавгипроводхоз». С 1979 по 1984 год учился в Литинституте им. А.М. Горького. Автор 4 книг. Живёт в Пятигорске.

ПОДОЛЬСКИЙ Станислав Яковлевич - поэт, прозаик, драматург, член Союза российских писателей. С 2007 года состоит в Русском ПЕН-центре всемирной ассоциации писателей «Международный ПЕН-клуб». Является членом общественного движения писателей «Апрель» и Ассоциации русских верлибристов. Автор 18 книг. Дважды лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина. Главный редактор альманаха «Литературный Кисловодск». Живёт в Кисловодске.

ПОКРОВСКИЙ Александр Михайлович родился в 1952 году в Баку. Известный писатель-маринист, издатель, киносценарист. Окончил Каспийское Военно-морское училище в 1975 году. В военно-морском флоте более 20 лет, более 10-ти из них служил на Северном флоте на ракетных атомных подводных лодках. Капитан 2 ранга в отставке. Автор более 30 книг, наибольшую известность из которых принесли автору книги «Расстрелять», «Расстрелять-2», «72 метра», «Бе-

гемот». По его произведениям сняты фильм «72 метра» и телесериалы - «Робинзон», «Горюнов». Автор проекта «Люди в войсках», участвовал в создании игры «Штурм: Солдаты неба». Живёт в Санкт-Петербурге.

ПОЛУМИСКОВА Екатерина Петровна - поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей России. Автор 5 книг поэзии и прозы, составитель и редактор нескольких коллективных сборников поэзии и прозы. Победитель поэтического конкурса «Белый лист» на радио России (1995 г.). Участник 1-го (2001 г.) и 2-го (2002 г.) Форумов молодых писателей России в Москве. Дипломант Всероссийского конкурса-премии «Хрустальная Роза Виктора Розова» в номинации «Поэзия» (2005 г.). Награждена медалью «За заслуги перед Ставропольским краем» (2017), юбилейной медалью Российского Лермонтовского Комитета «В память 200-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова» (2014), памятной медалью Года литературы «За особый вклад в книжное дело» (2015). Директор регионального отделения Общероссийского литературного сообщества, член общественных советов при министерстве культуры Ставропольского края и при следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Ставропольскому краю. Живёт в Ставрополе.

ПОЛЯНСКАЯ Александра Станиславовна - поэт, прозаик, публицист. Юрист, член Союза российских писателей, член Союза независимых авторов и издателей. Автор поэтических сборников: «Называй меня Сашенти», «Время плена», «Снежная баба», «Дожливый понедельник». Участвовала в коллективных сборниках, российско-японском сборнике «Душа» (Москва), в антологии «Жаворонки степей» (Ставрополь), Антологии Живой Литературы «Цвет алый» (Санкт-Петербург), антологии «Бесконечный свет» (Москва). Живёт в Кисловодске.

ПРОКУДИН Николай Николаевич - прозаик, детский писатель. Родился в 1961 году в г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. Окончил Свердловское ВВПАУ в 1984 году. Ветеран войны в Афганистане, награждён двумя орденами «Красная звезда», медалями. Майор запаса. Участник антипиратских операций в Индийском океане (2011-2018 гг.). Член Союза писателей Санкт-Петербурга, председатель комиссии по военной литературе Союза российских писателей, лауреат нескольких литературных премий. Автор 15 книг. Его трилогия «Вернуться живым» удостоена премии им. Н.В. Гоголя за 2004 г., премии Литературного фестиваля «Невский Проспект» и премии «Спасибо тебе солдат». Живёт в г. Сертолово Ленинградской области.

РЕЙМАН Алёна (Елена) Михайловна родилась в п. Медвеженском на Ставрополье. Окончила СКФУ. Публиковалась в периодике, коллективных сборниках. Автор поэтической книги «Живой огонь». Живет в Ставрополе.

РЫБАЛКО Сергей Николаевич - поэт, прозаик, драматург. Член союза писателей России. Автор более 20 поэтических сборников, автор и исполнитель песен, автор сценариев нескольких документальных фильмов. С 2009 г. - главный редактор альманаха «Синегорье», с 2011 г. - руководитель Ессентукского творческого объединения «Синегорье». Лауреат краевых литературных премий: краевого Фонда культуры (1993 г.), им. Семёна Бабаевского (2000 г.) и Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2015 г.). Награждён

Лермонтовской медалью «За вклад в развитие культуры» (2003 г.). Живёт в г. Ессентуки Ставропольского края.

САХВАДЗЕ Николай Николаевич - прозаик. Родился в 1950 году. Окончил Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России с 1992 года. Автор десятка книг прозы. Удостоен премии Губернатора Ставропольского края им. А. Т. Губина. Живёт в Ставропольском крае.

СЕЛИВАНОВ Юрий Геннадиевич - поэт, прозаик, член Союза российских писателей. Окончил географический факультет Кубанского государственного университета. Работал электромехаником, каменщиком, буровым рабочим, геологом, учителем, инструктором спортивно-туристского клуба. С 2005 по 2010 гг. был депутатом Минераловодской городской думы. В настоящее время - директор ООО «Минераловодский городской туристский клуб». Награжден тремя орденами «Отличник качества Ставрополья». Автор нескольких книг стихов и прозы. Живёт в Минеральных Водах.

СЕМЁНОВА Ольга Борисовна - ставропольская писательница, поэтесса, член Российского Союза профессиональных литераторов, председатель Ставропольской региональной общественной организации «Союз профессиональных литераторов», член Союза журналистов России, автор и исполнитель песен. Детям она известна по «Волшебным сказкам Лучезары», старшему поколению - по стихам и песням, научным и критическим статьям.

СКРИПАЛЬ Сергей Владимирович - прозаик и журналист, лауреат всероссийских журналистских премий «Золотой гонг» и «Золотое перо России», премии союза журналистов Ставропольского края им. Г. Лопатина. Член Союза писателей России. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области литературы им. А.Т. Губина (2015 г.). Родился в 1960 г. в Темиртау (Казахстан). Окончил филфак Ставропольского пединститута, был учителем русского языка и литературы, завучем и директором школы. Ветеран войны в Афганистане. Имеет правительственные награды. В настоящее время - директор департамента издательства и рекламы издательского дома «Ставропольская Правда». Живёт в Ставрополе.

СМАЙЛИЕВ Сергей Олегович - поэт, прозаик, родился в 1961 г. в Кисловодске. В 1993 г. окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Член Союза российских писателей. Принимал участие в неформальных и сетевых проектах: «Скоросшиватель», «Тёмный лес», «Русский переплёт», «Кавказская ссылка».

СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ Сергей - поэт, главный редактор международного поэтического интернет-альманаха «45-я параллель»//45parallel.net. Родился в 1952 году в Северном Казахстане. Окончил филологическое отделение Ставропольского государственного педагогического института и сценарное отделение ВГИКа имени С.А. Герасимова. Член Союза российских писателей, Южнорусского союза писателей и Союза журналистов России. Автор термина «поэллада» (поэма + баллада), 9 книг стихов и многочисленных публикаций в российской и международной периодике. Лауреат конкурсов «Золотое перо Руси», «Серебряный стрелец», имени Петра Вегина, «Эмигрантская лира», «Редкая птица», премии имени Германа Лопатина, премий журналов «Зинзивер», «Дети Ра». Лауреат

в номинации «Поэт-подвижник Русского Безрубжья». Награждён медалью Императорского ордена Святой Анны - в ознаменование заслуг перед российской культурой. Лауреат премии им. В. И. Слядневой (2017).

ТЕЛЕВНОЙ Сергей Владимирович родился в 1959 г. на хуторе Графском Ставропольского края. Член Союза писателей России, «бронзовый» лауреат Международного литературного фестиваля «Золотой витязь-2017», награжден дипломом Международной литературной премии им. Ершова-2017 и «серебряным» дипломом Международного литературного конкурса «Золотое перо Руси-2017». Член Союза журналистов России, лауреат трех Всероссийских и двух региональных журналистских конкурсов. Живет в Моздоке.

ТРЕТЬЯКОВА-СУХАНОВА Татьяна Константиновна родилась и живёт в г. Ставрополе. Поэт, художник-график, врач по профессии. Член Союза российских писателей с 1997 г. Председатель Ставропольского регионального отделения союза российских писателей. Автор 4 поэтических книг и 3 альбомов графики, изданных Ставропольским краевым музеем изобразительных искусств (2002, 2009, 2014 гг.). Её работы экспонировались на 8 персональных выставках в музеях и галереях Ставропольского края и Москвы. Дипломант IV Всероссийского конкурса-премии «Хрустальная Роза Виктора Розова» (2005). Награждена медалью «За заслуги перед Ставропольским краем», юбилейными медалями Министерства культуры РФ (М.Ю. Лермонтова, М. Шолохова). Удостоена премии Губернатора Ставропольского края им. А. Т. Губина (2000).

ТЮЛЕНЕВ Игорь Николаевич родился в 1953 г. Окончил Высшие Литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького в Москве в семинаре поэта Юрия Кузнецова. Член Союза писателей России, лауреат многих литературных премий. Награжден нагрудным знаком «В ознаменование 200-летия со дня рождения А.С.Пушкина» (1999). За большой личный вклад в развитие русской литературы поэт награжден Орденом Достоевского I степени (2012) и юбилейной медалью «Василий Шукшин» (2015). Награжден медалью «Маршал Советского Союза Жуков» (1997). Награжден Министерством культуры Российской Федерации памятной медалью «100-летие А.Т.Твардовского» (2010). Участник Московских и Санкт-Петербургских международных книжных ярмарок, 25 Парижского Книжного Салона во Франции (2005), XIII Международной книжной ярмарки в Пекине (2006). Секретарь Союза писателей России с 2004 года. За большой вклад в развитие художественной литературы награжден Почетными грамотами Правления Союза писателей России. Живет в Перми.

ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК Алла Владимировна - поэт, прозаик. Член союза писателей России. Окончила Новосибирскую государственную консерваторию им. М.И. Глинки, затем Санкт-Петербургскую духовную семинарию, Кабардино-Балкарский государственный университет. Преподаватель английского языка, музыковед. Автор более 10 поэтических сборников духовной поэзии. Живёт в Ставрополе.

ХМЕЛЁВА Надежда Владимировна - поэт, прозаик, член Союза писателей России. Родилась в 1949 г. в с. Крем-Константиновка (Кабардино-Балкарская АССР). По специальности инженер-строитель. Ветеран труда, отличник образо-

вания, руководитель литстудии «Родники Прикумья», директор и преподаватель Воскресной школы. Награждена медалью «К 100-летию А.М. Шолохова». Автор книг для детей и для взрослых. Живёт в г. Будённовске Ставропольского края.

ХОДУНКОВ Константин Дмитриевич родился в 1929 г. в селе Орловка Каргатского района Новосибирской области. Окончил Новосибирский государственный педагогический институт, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С 1966 г. живёт и работает на Ставрополье. Занимал должности: зав. отделом пропаганды Ипатовского РК КПСС, секретарь Красногвардейского РК КПСС, заместитель председателя краевого ПО «Крайсельхозтехника», редактора газеты «Родина». Член союза писателей России, член Союза журналистов России. Награждён орденом «Партийная доблесть» и двенадцатью медалями, в том числе «За заслуги перед Ставропольским краем». Автор более 20 книг поэзии и прозы, в том числе для детей. Лауреат краевой журналистской премии им. Г. Лопатина.

ШЕВЧЕНКО Галина Александровна - поэт, переводчик, публицист, литературный критик, краевед. Член союза писателей России, автор 22 книг. Родилась в 1939 году и проживает в Пятигорске.

ШЕЛУХИН Тимофей Семёнович родился в 1927 году. Член Союза писателей СССР и России. Лауреат литературной премии им. С. Бабаевского. Живёт в Ставропольском крае.

ШИШКИН Евгений Васильевич - прозаик, драматург, сценарист. Родился в 1956 году в городе Кирове (Вятка). Окончил филологический факультет Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Высшие литературные курсы в Москве. Работал в различных издательствах, а также главным редактором журнала «Нижний Новгород». Член Союза писателей России. Заведующий отделом прозы журнала «Наш современник». Лауреат премий им. В.М. Шукшина, А.П. Платонова, И.А. Гончарова. Его произведения переведены на многие языки. Живёт в Москве.

ШУБНАЯ Любовь Федоровна - поэт, прозаик, переводчик, журналист. Заслуженный работник культуры РФ, член Союза российских писателей, Союза журналистов России, Международного творческого объединения детских авторов. Победитель и лауреат многих международных литературных конкурсов. Серебряный лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси - 2015». Награждена медалью Российского Лермонтовского комитета «За мир и гуманизм на Кавказе». Победитель и лауреат многих международных литературных конкурсов. Живёт в с. Александровском Ставропольского края.

ЯКОВЛЕВ Владимир Яковлевич - поэт, поэт-песенник, радио- и тележурналист. Окончил художественный факультет Смоленского пединститута, затем - Литературный институт им. М. Горького в Москве. Служил в армии, был пожарным, фотографом, корреспондентом. Преподавал на кафедре журналистики Ставропольского госуниверситета. Организовал работу пресс-центра Ставропольской городской службы спасения, несколько лет вёл военную программу «Призыв» на телеканале «Рен-ТВ». Член союза писателей России, автор 6 поэтических сборников. Живёт в Ставрополе.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Авсаджанов Георгий (1923 - 1980) - родился в Краснодаре. Живописец, член Союза художников СССР. Участник Великой Отечественной войны. С марта 1965 г. по июль 1966 г. - председатель правления Чечено-Ингушского отделения Союза художников, в 1969 г. переехал в Ставрополь.

«Стройка в горах». 1961 г., картон, масло, 50х70

«Верховья Терека». 1962 г., картон, масло, 70х50

Авсаджанов Николай Георгиевич (Ставрополь) - член Союза художников России. Занимается преподавательской деятельностью в Ставропольском краевом художественном училище, доцент кафедры дизайна в СКФУ.

«Осень в Загедане». 2017 г., бумага, пастель, 45х56

Арзуманов Валерий Николаевич (Пятигорск) - член Союза художников России, заслуженный художник РФ, народный художник России, член-корреспондент Российской Академии художеств. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области изобразительного искусства им. В.Г. Клёнова (2000). Инициатор создания Пятигорского филиала краевого художественного училища, на базе которого было образовано Ставропольское краевое училище дизайна, директором которого он является. Член исполкома секретариата ВТОО «Союз художников России», секретарь СХ России по Южному Федеральному округу; имеет ученую степень кандидата искусствоведческих наук и ученое звание профессора.

«Август». 2013 г., холст, масло, 180х150

Гайденко Александр Владимирович (Ставрополь) - член Союза художников России. Занимается преподавательской деятельностью - доцент кафедры дизайна Ставропольского филиала Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

«Горный аул». 2013 г., холст, масло, 80х90

«После дождя. Околица станицы Вёшенской». 2015 г., холст, масло, 37х50

Грибачёв Владимир Яковлевич (Ставрополь) - член Союза художников России. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области изобразительного искусства им. В.Г. Клёнова (2009). Занимается педагогической деятельностью. Член Правления СКО ВТОО «Союз художников России».

«В старом парке». 2012 г., холст, масло, 80 х 100

«Наследник» (из серии «Станица»). 2013 г., холст, масло, 125х80

«Путешествие в Германию». 2007 г., бумага, акварель, 40х60

«Кузнец». 2013 г., холст, масло, 140х180

«Песнь мудрецов» (левая часть триптиха «Художники»). 2006-2007 гг., холст, масло, 80х100

«Эдельвейс». 2012 г., холст, масло, 90х55

Гушин Дмитрий Сергеевич (Ставрополь) - член Союза художников России, заслуженный работник культуры РФ. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области изобразительного искусства им. В.Г. Клёнова (2009).

«Полевая почта». 1989 г., холст, масло, 85х105

«Последние патроны». 1990 г., холст, масло, 95х125

«Молебен на границе». 2010 г., холст, масло, 90х110

Калайтанов Олег Николаевич (Ставрополь) - член Ставропольской краевой организации Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России». Член Профессионального и Творческого союза художников России, Международной федерации художников.

«Кармен», 2005 г., холст, масло, 120х100

«Лето. Уборка», 2015 г., холст, масло, 110х120

«Администрация города Ставрополя», 2015 г., холст, масло, 75х75

«Золото зимнего солнца», 2015 г., холст, масло, 100х100

Кузнецов Евгений Георгиевич (Ставрополь) - член Союза Художников России. Член Международной Общественной Организации Художников «Солнечный квадрат». Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области изобразительного искусства им. В.Г. Клёнова (2012).

«Рифма». 2008 г., холст, масло, 77х102

«Фразы». 2002 г., холст, масло, 90х130

«Оружие» 2018 г., холст, масло, 90х70

Литосова Наталия Валерьевна (Ставрополь) - член Союза художников России, член «Творческого союза художников России». Член Объединения художников Юга России «Колесо». Награждена «Золотой медалью» Творческого союза художников России «за вклад в отечественную культуру». Лауреат премии Министерства культуры Российской Федерации (2014).

«Февраль». 2009 г., холст, масло, 60х80

«Ангажемент». 2014 г., холст, масло, 60х110

«Венский мотив». 2014 г., холст, масло, 80х75

«Рабочая». 2009 г., холст, масло. 70х60

«Весна» 2018 г., холст, масло, 120х70

«Натюрморт с травами», 2014 г., холст, масло, 60х70

Маценко Сергей Дмитриевич (1951-2017, Ставрополь) - член Союза художников России, член Союза дизайнеров России. Лауреат премии Союза молодёжи им. А. Скокова в области изобразительного искусства (1978). Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области изобразительного искусства им. В.Г. Клёнова (1999).

Пластина 2 «Легенда» из цикла «Древние цивилизации». 2003 г., медь, горячая эмаль.

Паршин Сергей Николаевич (Ставрополь) - председатель Правления Ставропольского краевого отделения «Союз художников России». Академик Российской академии художеств. Лауреат премии Союза молодёжи им. А. Скокова в области изобразительного искусства (1996). Дипломант Международного художественного фонда. Лауреат и Дипломант Российских и международных выставок. Произведения находятся в музеях, галереях, коллекциях, частных собраниях России и более 25 стран мира. Основатель первой негосударственной картинной галереи современного изобразительного искусства в Ставрополе (2011). Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области изобразительного искусства им. В.Г. Клёнова (2017).

«Два дерева». 2017 г., холст, масло, 200х120

Поляков Василий Сергеевич (Ставрополь) - член Союза художников России, член Международной Общественной Организации Художников «Солнечный квадрат», член Международного художественного фонда. Лауреат краевой молодёжной премии им. А. Скокова (1998). Лауреат и Дипломант Российских и международных выставок. Произведения находятся в музеях, галереях, коллекциях России и других стран мира.

«Маленький концерт». 2010 г., холст, масло, 100х70

«Яблонька». 2004 г., холст, масло, 120х70

«Ставрополь. Осень». 2010 г., холст, масло, 30х60

Полякова-Бутырская Ольга Юрьевна (Ставрополь) родилась в 1973 году в г. Моздоке Северной Осетии. В 1994 окончила ставропольское художественное училище. Член Союза художников России, член Международного художественного фонда. Стипендиат Губернатора Ставропольского края известным деятелям культуры и искусства (2012 г., 2016 г.). Активный участник выставочных проектов, организованных СКО ВОО «СХР». С 2017 член Международной общественной организации художников «Солнечный квадрат».

«Дыхание старины». 2015 г., холст, масло, 80 х 100

Синчинов Евгений Александрович (Ставрополь) - член Союза художников России, член союза журналистов России. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области изобразительного искусства им. В.Г. Клёнова (2011).

«Зелёный листопад». 2015 г., картон, темпера. 47х65

«Деревёнка в снегу». 2018 г., картон, масло. 45х50

Соколенко Денис Алексеевич (Ставрополь) - член Союза художников России.

«Величие камней». 2012 г., картон, масло, 30х35

«Ход времени. Центральная часть триптиха. Аллегро». 1984-1985 гг., бумага, гуашь, 61,5х53,5

Чемсо Алла Викторовна (Ставрополь) - член Союза художников России. Занимается педагогической деятельностью. Директор Ставропольского краевого художественного училища. Лауреат премии Губернатора Ставропольского края в области изобразительного искусства им. В.Г. Клёнова(2008). Заслуженный художник РФ.

«Наедине с Тицианом». 2003 г., холст, масло, 105х95

«Накануне». 2008 г., холст, масло, 95х75

Чемсо-Петросян Людмила Викторовна (Ставрополь) - член Союза художников России. Преподает в ДХШ г. Ставрополя. Московского фестиваля за участие в Международной выставке «Вифлеемская звезда». Имеет награды за участие городских, краевых, региональных, республиканских выставок.

«Валера. Осень в Темнолесской», 2012 г., холст, масло.

ХУДОЖНИКИ - УЧАСТНИКИ ФЕСТИВАЛЯ «ГРЕЧИШКИНСКАЯ ВЕСНА»

Кукуева Светлана Владимировна, 1965 года рождения. Участница фестиваля 2014 года. Живет и работает в городе Новороссийск. Член ВТОО «Союз художников России» с 2001 года, член Творческого союза художников России с 2010 года. Участник городских, краевых выставок. Пишет пейзажи, работает в жанровой живописи.

Тюнькин Александр Евгеньевич, 1986 года рождения. Участник фестиваля 2016 года. Живет и работает в городе Бахчисарай Республика Крым. Член Национального Союза художников Украины, С 2015 года член Союза художников России. Неоднократно принимал участие в международных пленэрах. Работа «Софийская поляна» написана в Архызе на Софийской поляне.

Горин Евгений Константинович, 1946 года рождения (Кисловодск). Участник фестивалей 2014-2017 гг. Член Союза художников России, член Творческого Союза художников России. Дипломант зональных, всероссийских, академических выставок. Награждён Серебряной медалью Российской академии художеств, медалью «Шувалов».

Лукаш Анатолий Иванович, 1953 года рождения (Санкт-Петербург).

Участник фестиваля 2017 года. Член Союза художников Санкт-Петербурга, Почетный профессор академии искусств города Шеньян (Китай). Участник Российских и зарубежных художественных выставок, участник выставок-аукционов во Франции и Италии. Работа «Архыз в цвету» написана в Архызе, «У святого источника» на территории мужского монастыря в селе Татарка.

В книге использованы фотографии Маргариты Вороновой, а также из личных архивов авторов литературных произведений.

Воронова Маргарита Ивановна - член Союза фотохудожников России с 2003 года. В течение 12 лет была председателем Ставропольского отделения Союза. Почетный работник культуры Ставропольского края, Медаль Леонардо Союза дизайнеров России в 2015 г., дипломы Союза фотохудожников России в 2007, 2009, Союза дизайнеров России в 2001, 2005 и 2013. Участник международных и российских фотоконкурсов. Публикации в российских и региональных изданиях. Родилась в Москве. Закончила Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе. Работала в должности инженера-геофизика на Дальнем Востоке в ПГО «Таежгеология» 19 лет. Работает в Ставропольской краевой универсальной научной библиотеке им. Лермонтова в должности заведующей отделом некишечных носителей информации.

Фотографии:

«Прогулка в облаках». 2015 г.

«Ставрополье». 2014 г.

«Плес». 2011 г.

«Ставрополь. 9 мая» 2015 г.

«Нижегородский хуторок». 2006 г.

ДЛЯ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ИСПОЛЬЗОВАНЫ КАРТИНЫ ПИСАТЕЛЕЙ:

Лангуева Тамара Васильевна

«На краю леса». 1995 г., холст, масло, 40,5 x 33.

Третьякова-Суханова Татьяна Константиновна

Из серии «Сущности». 2003 г., бумага, пастель, 29x22,5 см

Зверлин Юрий Викторович - родился в 1955 г. в Ленинграде. Художник график. Член союза писателей Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургского союза художников и союза дизайнеров Санкт-Петербурга. Закончил Ленинградское художественно-промышленное училище им. В.И. Мухомовой. Участвовал в переходах через Индийский океан в составе сил по обеспечению безопасности морского судоходства. Лауреат литературной премии им. Козьмы Пруткина 2016 года. Обладатель главного приза второго независимого триеннале графики в Санкт-Петербурге «БИН-2014», лауреат московской международной недели современного искусства «Art Week 2012» в номинации «Экспериментальная графика», призер Санкт-Петербургского биеннале дизайна «Модуль 2009». Победитель художественного конкурса «300 лет Александрово-Невской Лавре». В книге использована графическая работа «Нападение на «Полярного короля» в качестве иллюстрации к одноименному автобиографичному рассказу Николая Прокудина.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	3
---------------------------	---

ИСКРА СЛОВА

<i>Екатерина Полумискова. Всем - всё!</i>	6
<i>Анатолий Маслов. Стихотворения</i>	21
<i>Тимофей Шелухин. Падалица</i>	26
<i>Игорь Тюленев. Стихотворения</i>	33
<i>Юлия Каунова. Треугольный конверт</i>	38
<i>Сергей Рыбалко. Стихотворения</i>	47
<i>Сергей Гамаюнов-Черкесский. Домой</i>	50
<i>Ян Бернард. Стихотворения</i>	63
<i>Владимир Бабенко. Пути-дороги Павла Баева</i>	67
<i>Валентина Нарыжная. Стихотворения</i>	78
<i>Надежда Хмелёва. Сильнее смерти</i>	81
<i>Владислав Бударин. Стихотворения</i>	93
<i>Владимир Маляров. Было - не было...</i>	99
<i>Константин Ходунков. Стихотворения</i>	111
<i>Иван Аксёнов. Розы Геренчера</i>	116
<i>Николай Бондаренко. Стихотворения</i>	129
<i>Василий Красуля. Когда я вернусь</i>	135
<i>Сергей Овсянников. Стихотворения</i>	139
<i>Александр Куприн. Стихотворения</i>	142
<i>Галина Шевченко. Стихотворения</i>	145

ПОСТУПЬ ВЕКА

<i>Николай Сахвадзе. Бодрящий воздух Грузии</i>	148
<i>Сергей Телевной. Я - не заморыш!</i>	163
<i>Станислав Подольский. Стихотворения</i>	179
<i>Игорь Берег. Путешествие в Мюнхен</i>	184
<i>Елена Кривецкая. Стихотворения</i>	200
<i>Наталья Окенциц. Стихотворения</i>	202
<i>Тамара Лангуева. Стихотворения</i>	204
<i>Татьяна Третьякова-Суханова. Стихотворения</i>	217
<i>Марина Новиковская. Легенда о духе леса</i>	219
<i>Владимир Яковлев. Стихотворения</i>	228
<i>Андрей Гатило. Деревенский кузнец</i>	233
<i>Любовь Шубная. Стихотворения</i>	243
<i>Евгений Шишкин. Лёгкий характер</i>	247
<i>Александра Полянская. Стихотворения</i>	255
<i>Олег Воропаев. Художник</i>	258
<i>Алла Халимонова-Мельник. Стихотворения</i>	263

<i>Николай Ляшенко. Партийная дама</i>	267
<i>Владимир Бутенко. Стихотворения</i>	277
<i>Виктор Кустов. Поиски равновесия</i>	282
<i>Елена Иванова. Стихотворения</i>	293
<i>Владимир Илляшевич. В ночь на Ивана Купалу</i>	298

ВОСХОЖДЕНИЕ

<i>Иван Любенко. Босиком по 90-м</i>	312
<i>Сергей Сутулов-Катеринич. Стихотворения</i>	324
<i>Валерий Бродовский. Визит знаменитости</i>	329
<i>Юрий Кобрин. Стихотворения</i>	346
<i>Александр Покровский. Нас спасёт письменность</i>	350
<i>Елена Гончарова. Стихотворения</i>	365
<i>Юрий Козлов. Правда ледяная и согревающая</i>	369
<i>Светлана Гаделия. Стихотворения</i>	380
<i>Владимир Петров. Между летом и осенью</i>	383
<i>Сергей Смайлиев. Стихотворения</i>	399
<i>Александр Мосиенко. Доктор Этчель</i>	402
<i>Валентина Дмитриченко. Стихотворения</i>	413
<i>Юрий Коноплянников. Пиши бесфамильно</i>	417
<i>Ольга Семёнова. Стихотворения</i>	424
<i>Валерия Махенько. Стихотворения</i>	425
<i>Оксана Крис. Стихотворения</i>	426
<i>Алёна Рейман. Стихотворения</i>	427
<i>Софья Дубровская. Стихотворения</i>	428
<i>Анна Дьяченко. Стихотворения</i>	429
<i>Юрий Селиванов. Стихотворения</i>	430
<i>Николай Прокудин. Нападение на «Полярного короля»</i>	433
<i>Николай Ананьченко. Стихотворения</i>	448
<i>Сергей Скрипаль. Газнийский борщ</i>	452
<i>Станислав Ливинский. Стихотворения</i>	457
<i>Николай Иванов. Свете тихий</i>	460
 Сведения об авторах	 475
 Иллюстрации	 482
 Для иллюстраций использованы картины писателей:.....	 485

Литературно-художественное издание

Белая акация

Сборник литературных произведений

Технический редактор Л. П. Кустова

Верстка, дизайн А. В. Савицкой

Корректор А. В. Дубровская

Б 43

Белая акация: Сборник литературных произведений. /Составление Е. Полумисковой. - Ставрополь: «Блиц-Инфо», 2018. 488 с.

ISBN 978-5-91717-015-2

Настоящий сборник составлен из лучших произведений поэзии и прозы участников Межрегионального форума творческих союзов «Белая акация - 2017» - писателей России и зарубежья, признанных мастеров слова.

Книга иллюстрирована картинками известных мастеров кисти, фотохудожников, и адресована широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2) 6

Министерство культуры Ставропольского края

Ставропольское Региональное отделение
Общероссийской общественной организации писателей
«Общероссийское литературное сообщество»

Ставропольское Краевое отделение Общероссийской
общественной организации «Союз писателей России»

Ставропольское региональное отделение Общероссийской
общественной организации «Союз российских писателей»

Ставропольское краевое отделение Всероссийской
творческой общественной организации
«Союз художников России»

Сдано в набор 20.03.2017. Подписано в печать 10.05.2017.
Формат 70х108 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 43,4. Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Блиц-Инфо»
355035, г. Ставрополь, ул.Спартака, 8, тел. (8652) 94-14-56
e-mail: vkustov@yandex.ru

ООО «ЮРКИТ»
355035, г. Ставрополь, ул.Спартака, 8, тел. (8652) 26-48-31
e-mail: yurkit@yandex.ru

Отпечатано с электронного оригинал-макета
в типографии ООО «АРКОЛ»:
344000, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича,
д. 45, корп. 54-а, оф. 10. Тел./ф. (863) 269-00-66